

**Евграф Федотович Комаровский
(1769-1843)**

Записки

ГЛАВА I

Наша семья — Мое сиротство — Добрые отношения ко мне зятя моего А.Н.Астафьева — Зачисление меня в лейб-гвардии Измайловский полк — Мое ученье — Назначение курьером к графу Безбородке — Путешествие Екатерины II на юг — Посылка в Париж с подарками — Приключение в дороге — Пребывание в Париже — Граф Бобринский — Обресков и его лакей — Праздник в Кускове — Граф К.Г.Разумовский — Посылка курьером в Лондон — Морское путешествие — Встреча с ворами — Лондонская жизнь — Г.Я.Сенявин — Возвращение в Петербург

Я родился 1769 года 18 ноября, в Петербурге, на Песках. Батюшка мой Федот Афанасьевич служил тогда в дворцовой канцелярии; начальником оной был сенатор Матвей Васильевич Мамонов; сын его, Александр Матвеевич, бывший потом фаворитом императрицы Екатерины II, с сестрой моей Дарьей Федотовной были моими воспитанниками. Батюшка скоро потом вышел в отставку и переехал на жительство в Ухотскую волость, где он купил до 100 душ крестьян^[1]. Матушка моя, Ульяна Ивановна, урожденная Зиновьева, скончалась в 1770 году августа 17-го, 38-ми лет, и похоронена подле соборной церкви в городе Каргополе, в 30-ти верстах от Ухотской волости. Я остался после моей родительницы 10-ти месяцев.

Через два года сестра моя, Дарья Федотовна, вышла замуж за Алексея Николаевича Астафьева и уехала в Петербург; батюшка отпустил с нею и сестру мою Анну Федотовну. Первый мой учитель был — упраздненный священник, а второй — отставной офицер. Батюшка ездил для свидания с сестрами моими и брал меня с собою. Зять мой, А.Н.Астафьев, служил тогда в г. Нарве цолнером. По возвращении в Ухотскую волость, куда приехала с нами и сестра Анна Федотовна, батюшка женился на Дарье Степановне Рындиной, от которой имел дочь Софью; но она скоро умерла. 1776 года ноября 26-го скончался мой родитель 48-ми лет от роду, и я остался круглым сиротою по 8-му году. Батюшка погребен под церковью во имя Спаса в Ухотской волости.

После батюшкиной кончины учреждена была опека — из родного дяди моего, Ивана Афанасьевича Комаровского, брата мачехи, Дмитрия Степановича Рындина, и зятя моего А.Н.Астафьева, который приехал в Ухотскую волость, узнавши о смерти батюшки, чтобы отвезти сестру мою Анну Федотовну и меня в Петербург^[2]. А.Н. имел обо мне попечение самого нежного отца; он немедленно занялся тем, чтобы отдать меня в лучший тогда в Петербурге пансион г-на Девильнева, и записал меня, по тогдашнему обыкновению, в службу, и я записан был в Преображенский полк сержантом сверх комплекта; а потом, по связям его с Ф.Я.Олсуфьевым^[3], я переведен был в Измайловский полк тем же чином в комплект. После смерти Девильнева перевели меня в пансион г-жи Ленк, потом к г-ну Массону.

В первом и последнем из сих пансионов я имел товарищем графа В.П.Кочубея. Сие случилось от того, что старший брат зятя моего служил при фельдмаршале графе Румянцеве-Задунайском вместе

с графом Безбородкой и был с ним весьма дружен, а по брату своему и Алексей Николаевич в коротком знакомстве с ним находился. Нас привезли почти в одно время — меня из Ухотской волости к зятю моему, а Кочубея из Малороссии к родному дяде его графу Безбородке. Они оба уговорились, чтобы отдать питомцев своих в лучшие пансионы. Я поступил от Массона в кадетскую роту Измайловского полка. В 1786 году я имел несчастье лишиться сестры моей Дарьи Федотовны.

В 1787 году назначен я был находиться при графе Безбородке для курьерских посылок в чужие края во время путешествия императрицы Екатерины в Киев и Крым. В числе чиновников, составлявших свиту ее величества, находился советник придворной канцелярии В.П. Головцын; он был весьма дружен с батюшкой и любил меня, как сына. В предстоящий путь он взял меня с собою в кибитку, и я сделал путешествие от Царского Села до Киева самым приятным образом.

Вояж сей императрицей Екатериной предпринят был для обозрения присоединенного полуострова Крыма и Тавриды к России князем Потемкиным, которому и дан был титул Таврического. Назначено было также иметь свидание с римским императором Иосифом II во время плавания ее величества на галерах по Днепру, по случаю предполагаемой тогда войны у обеих империй против Порты Оттоманской. Император Иосиф приехал под именем графа Фалькенштейна^[4]. Сей вояж по Днепру и по Крыму описан принцем Делинем и графом Сегюром. В свите императрицы Екатерины от Царского Села до Киева, а потом и по Днепру, находились иностранные министры: граф Кобенцель — посол римского императора, Фиц-Герберт — английского и граф Сегюр — французского двора и другие знатные особы.

Путешествие представляло торжественное шествие. Во время ночи по обеим сторонам дороги горели смоленые бочки. Во всех губернских городах, где ее величество останавливалась, были балы, и все улицы и дома иллюминированы. На границах наместничеств встречали государыню ее наместники или генерал-губернаторы. На границе Новгородской губернии встретил Архаров, наместник новгородский и тверской; на границе Псковской губернии — наместник князь Репнин, псковский и смоленский; на границе Белоруссии — Пассек, наместник полоцкий и могилевский, а на границе Черниговской губернии — генерал-фельдмаршал граф Румянцев-Задунайский, генерал-губернатор и наместник всей Малороссии. В Киев приехало множество разных вельмож, а более поляков, и двор был весьма великолепен, особливо у заутрени, в Светлое Христово Воскресение, в Печерской лавре. К вечеру императрица поехала в Софийский монастырь; после оной посетила митрополита Самуила в его келье, больного, который сказал ей речь и уподобил ее Христу, явившемуся после Воскресения ученикам. Тогда был фаворитом крестный мой отец Александр Матвеевич Мамонов, получивший скоро потом графское достоинство; все мои домогательства, чтобы дойти до него, были тщетны.

Из Киева в конце марта того же года отправлен я был курьером в Париж с подарками к министрам французского двора: Монмореню (иностранных дел) — перстень с прекрупным солитером, наследникам Верженя — полная коллекция золотых российских медалей, графу Сегюру (сухопутных сил) — соболый мех и фельдмаршалу де Кастри — перстень с солитером. Подарки сии уложены были в двух ящиках и посланы по случаю заключенного с Францией первого торгового трактата, я поехал в перекладной повозке. Не доезжая до первой станции — Василькова, я сбился с дороги, ибо уже смеркалось; повозка моя завязла и с лошадьми в большую лужу.

К несчастью моему, ямщиком был со мною мальчик, который в первый раз, по словам его, ехал по этой дороге. Насилу могли мы вытащить одну из пристяжных лошадей. Я не знал, что мне делать, послать ли ямщика на следующую станцию — но он говорил, что его там не послушают, ибо никто его на почте не знает, — или самому ехать. Я решился на последнее; вооружив ямщика моими двумя пистолетами и саблей, сел верхом на отпряженную лошадь и поехал, сам не зная, куда. К счастью, я выбрался на большую дорогу и приехал на станцию. Тотчас была заложена повозка, в которой я поскакал отыскивать завязшую в грязи. Я имел предосторожность, однако же, спросить имя прежнего ямщика. Проехавши столько верст, сколько, мне показалось, я сделал верхом, начал я и новый мой ямщик изо всей силы кликать по имени прежнего моего проводника, но было тщетно; проехав еще несколько верст, остановились, повторяли то же самое и не имели большого успеха. Каково же было мое положение — я знал, что со мной отправлено на несколько сот тысяч рублей драгоценных вещей и что сие непременно дойдет до сведения императрицы, и, сверх того, первое сделанное мне поручение оказалось бы так неудачно, за что бы я мог подвергнуться строгой ответственности.

Я пришел в такое отчаяние, что ямщик, сжалившись надо мной, начал меня уговаривать и просить быть спокойнее, что, приехав на станцию, как рассветет, смотритель пошлет тотчас несколько ямщиков, которые непременно отыщут завязшую мою повозку. Сие действительно меня немного успокоило.

Проехав несколько верст назад, я увидел влево небольшую дорогу и приказал ямщику туда повернуть, но он мне сказал:

- Там, барин, не проедешь, там топь ужасная.

- Да может быть, там-то мы и увязли, — отвечал я ему. И точно, сделавши версты с полторы, я громко назвал

по имени прежнего ямщика, и он мне откликнулся. Я не могу изъяснить тогдашней моей радости; я выскочил из повозки, начал ямщика обнимать и, наградив его щедро, переложил свои ящики в новую повозку и отправился на станцию. Я нашел на оной курьера, едущего в Киев из Франкфурта-на-Майне от графа Н.П.Румянцева, бывшего тогда министром при нескольких немецких округах. Курьер этот был его камердинер Мишин; он имел прекрасную коляску; я убедительно начал его просить, чтобы мне оную продать, ибо я не мог себе представить, каким образом в перекладных повозках доведу до Парижа мои посылки; к совершенному моему успокоению и удовольствию, Мишин мне коляску свою уступил, и я всегда за эту услугу был ему признателен.

Я проезжал через всю Польшу, Шлезию, Саксонию, города Люблин, Бреславль, Наумбург, Дрезден, Мейсен[5], Лейпциг, Гельнгаузен, Франкфурт-на-Майне, где я в первый раз увидел графа Н.П. Румянцева, который после так много меня любил и столь много мне благодетельствовал, потом через Мец в Париж. Я адресован был к пребывавшему у французского двора министру нашему Симолину и к министру герцога Готского, барону Гримму.

Сей последний всегда находился в партикулярной переписке с императрицей Екатериной и был, так сказать, ее комиссионером в Париже. Барону Гримму было поручено тогда от императрицы купить кабинет герцога Орлеанского гравированных камней, который составляет теперь одну из первых достопамятностей Эрмитажа.

Я остановился в Париже, Rue Traversiere, hotel des Trois Mylords. В сем доме останавливались все русские курьеры, потому что в оном жил почтенный г. Добровский, служивший прежде советником посольства при нашей миссии; и находясь в отставке, он был покровителем всех молодых людей, приезжавших из России курьерами в Париж[6]. Я не мог воспользоваться его благосклонностями, потому что он был тогда болен и жил в деревне Пасси, близ Парижа, где, однако же, я его посетил. В день моего приезда король Людовик XVI делал смотр, на котором я находился, на равнине де Саблон, своей французской и швейцарской гвардии.

Сею последнею командовал тогда граф d'Artois, теперешний король Карл X. Швейцарская гвардия имела мундир красный с серебром. Находившийся тогда в Париже А.П.Ермолов[7], бывший фаворит императрицы Екатерины, вздумал надеть для сего случая наш инженерный тогдашний мундир, который тоже был красный с серебром, и голубую польскую ленту, и в таком наряде приехал верхом на то место, где собрано было войско; все приняли его за графа d'Artois, войска построились и хотели делать разные на сей счет насмешки до того, что Ермолов принужден был уехать. Король объезжал ряды солдат в карете, не выходил из оной и во время церемониального марша.

Г-н Симолин вел жизнь весьма уединенную, даже во многих отношениях несоответственную званию российского посланника. Советником посольства был П.А. Обресков, первым секретарем г. Мошков, а вторым — г. Павлов. Они оба оказывали мне большие услуги.

Мошков ездил со мною в Версаль в день сошествия Св. Духа. Я был в придворной церкви и видел процессию сего ордена, которая была едва ли не последняя до революции. Мошков испросил позволение у королевы осмотреть маленький Трианон, любимое ее тогда местопребывание. Король и королева обедали в сей день *ap petit convert*, т.е. за столом сидел один король и королева тоже одна, но в разных комнатах. Вся публика могла проходить мимо их величеств.

Павлов показывал мне все, что было любопытного в Париже, и ходил со мной в театры сей столицы. Первый спектакль я видел «Меропа» в Комеди Франсез; сию роль представляла m-lle Rocourt в большом совершенстве. Тогда лучший трагический актер был Larive; он играл превосходно в сочиненной для него трагедии роль «Hercule sur le mont Eutna».

Я приехал в Париж скоро после того, как распущены были les Notables и собирались les Etats Geneaux, стало быть, революция уже приготавливалась. Бомарше незадолго перед тем сочинил свою комедию «Фигарова женитьба». Когда ее представляли, то зрители доходили почти до исступления, и всякий раз, как занавес опускался, весь партер кричал «До завтра! Сия комедия дана была 130 раз сряду. Это правда, что в ней играли самые лучшие того времени актеры: Mole, Dazincourt, Dugazon, m-lle Contat, Olivur, m-me Vieumenille и прочие. В мое время в театре Большой оперы было первое представление «Таррары», оперы сочинения тоже Бомарше. Стечение зрителей было неимоверное, но сия опера не имела такого успеха, как «Фигарова женитьба».

Я должен признаться, что любимый мой театр был тогда les Varietes amusantes; зала была в самом Пале-Рояле и близко от моей квартиры. Мне случалось иногда целый день провести в сем единственном месте в свете. Поутру ходил я завтракать *ap Cafe de Foi*, бывшем тогда в большой моде, или в другой кофейный дом. В полдень почти весь Париж съезжался гулять под аркадами или в саду; тогда на дворе были прекрасные аллеи, которые истреблены во время революции. Потом ходил

обедать или «а 1a grotte flamande» или в другую какую ресторацию, ибо их тогда было несколько в Пале-Рояле. После обеда кофе пить я ходил an Cafe mécanique, где из-под полу, посредством машин, доставлялось все, чего пожелаешь, а за буфетом сидела женщина для получения денег. Оттуда, погулявши до 6 часов в Varietes, где по большей части давались комедии сочинения Дю Маньяна, который был тут же актером, — шел опять гулять под аркады. Все лавки всякий вечер были превосходно освещены воском, ибо кенкетов тогда еще не знали. Вся лучшая парижская публика туда съезжалась, и гулянье продолжалось до 11 часов вечера, по прибытии коих свист солдат швейцарской гвардии был сигналом гасить свечи и разъезда публики.

Я часто ездил гулять в Булонский лес, ходил завтракать на Елисейские Поля; всякое воскресенье было гулянье на Бульварах, где видны были прекраснейшие экипажи, равно как и в Лоншане. Сие гулянье состояло в том, что от заставы в Булонский лес тянулись в два ряда кареты, одна за другой.

В Париже были тогда из русских княгиня Н.П.Голицына с мужем и со всем ее семейством — я у нее несколько раз обедал, Р.А.Кошелев с женою, В.Н.Зиновьев, А.П.Ермолов, бывший фаворит, и граф Бобринский; сей последний вел жизнь развратную, проигрывал целые ночи в карты и наделал множество долгов. Он находился под присмотром нашего посланника и барона Гримма. Граф Бобринский, у которого я иногда бывал, — не иначе, как когда он сам заходил за мной и я не в состоянии был от него отговориться, — не мог понять, что я по 18-му году не находил удовольствия в его обществе, и называл меня за то «благоразумнейшим» — «le tres sage m-r Komarovsky».

После трехмесячного моего пребывания в Париже дано было мне знать от посольства, чтобы я готовился к отъезду в Россию. П.А.Обресков, о котором я говорил выше, получил тогда отпуск; он желал ехать со мной в Россию, на что я согласился, но так как он имел долги, то надлежало выехать ему таким образом, чтобы займодавцы его не остановили. Я, получив депеши от посланника Симолина и от барона Гримма, который послал со мною к императрице несколько вещей из купленного кабинета гравированных камней у герцога Орлеанского, — должен был за заставой остановиться, пока Обресков под чужим именем выезжал из города в фиакре.

У него был слуга Михайло, который непременно хотел возвратиться в Россию. Дорогою у него сделалась белая горячка, и в бешенстве он едва нас обоих в одну ночь не зарезал имевшимся у него ножом; кончилось тем, что он соскочил с козел и ушел в лес. Через несколько месяцев Михайло явился к своему господину. Он завербован был несколько раз в Пруссии в солдаты и все спасался бегством.

По возвращении моем в Россию я нашел двор в Москве, где мне случилось видеть великолепный праздник, который дан был императрице графом Петром Борисовичем Шереметьевым в селе его Кускове. Что более всего меня удивило, это плато, которое поставлено было перед императрицею за ужином. Оно представляло на возвышении рог изобилия, все из чистого золота, и на возвышении том был вензель императрицы из довольно крупных бриллиантов.

Сверх того, графиня С.О.Разумовская, жена графа Петра Кирилловича, просила меня отвезти от нее из Парижа подарки к фельдмаршалу Кириллу Григорьевичу Разумовскому. По приезде моем в Москву я узнал, что фельдмаршал живет в своем загородном доме Петровском. Он меня очень обласкал и пригласил к обеду, что для меня было весьма лестно, ибо он был и подполковником Измайловского полка, в котором я служил тогда сержантом. За обед фельдмаршал вышел, украшенный подарками, привезенными мною, как то: косынкой на шее, жилетом и пуговицами на кафтане. Граф Разумовский публично благодарил меня за доставление ему таких приятных подарков от любезной его невестушки.

Пробывши в Москве несколько дней, я отправлен был в Петербург с депешами к вице-канцлеру, графу Остерману. В октябре месяце того же 1787 года я послан был курьером в Лондон, и, не доезжая сыпучих песков Куриш-Гафа, на первой прусской станции Иммерзат, я должен был остановить мою коляску, которая мне так хорошо служила, и ехать в перекладных повозках. На тракте моем были города: Мемель, Кенигсберг, Берлин, где я нашел посланником двора нашего графа С.П. Румянцева и с ним познакомился, — Оснабрюк, Гарлем, Роттердам и Голт-вот-Шлес.

Здесь я должен был сесть на пакетбот и отправиться в английский порт Гарвич. Проезжая Голландию, я не мог довольно налюбоваться и опрятностью, которая видна не только в домах, но и на улицах, и теми каналами, с помощью которых доставляются все припасы из одного места в другое: лодку, довольно нагруженную, один человек ведет деревянным правилом очень свободно. В Голтвот-Шлес я нашел много пассажиров. В тот самый день ветер был попутный, и мы сели на пакетбот к вечеру и пустились в море. Ночью сделался такой сильный шторм, что мы едва могли опять попасть в гавань, и все уверяли, что если бы шторм этот нашел нас в открытом море, то мы бы непременно погибли. Противный ветер дул семь дней, потом повеял попутный, и мы пустились опять в море; когда мы проехали 24 часа, сделался совершенный штиль, и зыбь, продолжавшаяся несколько часов, была несносна; ни одного не было пассажира, который бы не страдал от оной. Наконец с довольно свежим ветром мы прибыли в Гарвич. Я странное испытал чувство, когда вышел на твердую землю; мне

казалось, что все предметы, которые я вижу, находятся в беспрестанном движении, и земля под мною ходит, так что несколько минут я не мог шагу сделать вперед.

Нигде так хорошо не устроены дороги, как в Англии: одна половина укатывается катками и насыпается хрящом, а по другой ездят, и содержатся они точно так, как дорожки в английских садах. Почтовых станций, как в прочих государствах, там не учреждено, но во многих деревнях по большой дороге есть содержатель лошадей и портшезов, т.е. весьма легких двухместных карет, которые за известную цену возят проезжающих от одного места до другого. Почта в Англии, однако же, дороже, нежели где-нибудь.

В Гарвиче явился ко мне один итальянец и просил меня довести его до Лондона, а взамен того он обещался служить мне переводчиком, а так как он много ездил по дорогам и мог нанимать для меня лошадей по выгоднейшим ценам, я на предложение его согласился. От Гарвича до Лондона 75 миль, или 100 верст; мы выехали часов в 10 утра. Я должен сказать, что никогда так приятно, покойно и скоро не ехал, и мой итальянец мне был очень полезен.

Приехавши на последнюю перемену до Лондона, на воротах того трактира, где мы должны были остановиться, я увидел надпись прекрупными словами и спросил у итальянца, что это значит; он мне сказал, что предупреждают всех проезжающих, чтобы они берегли свои чемоданы и сундуки, находящиеся сзади карет, ибо в окрестностях Лондона находится множество пеших и конных воров [8]. Ночь была лунная. Итальянец мне сказал, чтобы я на всякий случай приготовил несколько гинеи, а содержатель лошадей велел мне сказать, что если на нас нападет дорогой конный вор и закричит кучеру: stop, то он остановится, ибо не обязан за нас жертвовать своею жизнью.

Отъехавши несколько миль, кучер сказал нам, что он видит двух конных воров, едущих к нам навстречу.

Итальянец мне говорит:

— Держите в руке вашей гинеи.

Один из воров, подъезжая, закричал stop, и карета наша остановилась, а другой стоял поодаль; вор подъехал к той стороне, где сидел итальянец, и, в спущенное стекло протянув руку с пистолетом, требовал денег; товарищ мой сказал ему, что он слуга и ничего дать ему не может; впрочем, мы оба недостаточные люди и едва имеем, чем доехать до Лондона, но готовы, однако же, дать, что имеем. Тогда вор подъехал к моей стороне, и я дал ему четыре гинеи, после чего он приказал кучеру нашему ехать. Сим окончилось трагическое сие происшествие. Когда вору мимо нас проехали, итальянец мой посмотрел в окошко, и когда уже их не стало в виду, он выстрелил им вслед из моего пистолета, сказав мне:

— Это нужно, чтобы дать острастку другим ворами. Мне сказывали потом в Лондоне, что сии вору имеют

свое общество и клуб, в котором они собираются, что правительству известны даже всех их имена, и когда на которых из них есть явная улика в их грабежах, тогда полицейские чиновники приходят в их клуб и берут уличенных без сопротивления и предают в руки правительства.

Я приехал в Лондон прямо к нашему министру, графу С.Р.Воронцову; сверх депеш я привез к нему партикулярное письмо от графа Безбородки, в котором он просил посланника принять меня под свое покровительство. На другой день мне сказывали чиновники посольства, что когда граф Воронцов прочитал привезенные мною депеши, то сказал:

— Комаровский привез старые газеты, видно, графу Безбородке хотелось познакомить его с Лондоном.

Какую я нашел разницу между Парижем и Лондоном! Там, кажется, всякий день праздник, а здесь никогда; там, по улицам ходя, поют и веселятся, а здесь ходят в глубоком молчании; это правда, что я в Париже был летом, а в Лондон приехал в глубокую осень; там я видел зато всякий день солнце, а здесь от каминов, в которых горит каменный уголь, образуется преумрачный туман, так что иногда в полдень должно зажигать свечи, и белье делается черным. Вероятно, сей мрак производит в Англии сплин — болезнь, в других землях, кажется, неизвестную, — и очень часто в газетах читаешь о самоубийствах. Молодому человеку особливо должно, по мнению моему, побывать прежде в Лондоне и потом уже ехать в Париж, ибо сравнение всегда будет в пользу последнего.

Лондон имеет большое преимущество против Парижа в рассуждении чистоты улиц; там прекрасные тротуары перед каждым домом, кои обливают водою ежедневно, и потому грязи на них никогда не бывает; для пешеходов это великое удобство. В Париже напротив, как известно, улицы узкие и прегрязные, а высота домов делает, что в некоторые солнце вовсе не проникает.

В Лондоне есть обыкновение очень покойное: через объявление в газетах можно все получить, что ни пожелаешь, даже некоторые находили себе невест и женихов. Мне хотелось употребить время пребывания моего в Лондоне, чтобы выучиться по-английски. Я воспользовался сим посредством газет, вызывая желающих принять меня к себе в пансион. Через несколько дней я получил множество записок. Я решил войти в дом к одному лингвисту, жившему в Ньюман-стрит, Оксфорд-роуд, нод № 38. Он был родом француз, фамилия его Тогажо, но с малолетства жил в Лондоне. Я предпочел его потому, что он удобнее мог мне объяснить правила языка, но я ошибся: в английской семье я бы гораздо более успел. Я платил две гинеи в неделю и две гинеи заплатил одновременно как вступительную плату; я имел особливую комнату, общий завтрак и обед.

Скоро после моего приезда в Лондон было открытие парламента. Я видел короля Георга III, едущего в восьми-стекольной раззолоченной карете, заложенной в восемь изабеловых лошадей. Напротив его сидел первый министр Питт. Впереди и сзади кареты ехал конвой конной гвардии, но сие не мешало, однако же, нескольким мальчишкам из многочисленной толпы людей, бегущей за каретою, бросать иногда грязью в оную. Заседания парламента были тогда весьма интересны, и стечение зрителей всегда чрезвычайное. Они открылись процессом, делаемым Гастингсу, бывшему вице-королем в Индии, за жестокости и употребление во зло его там власти. Знаменитые ораторы оппозиции, Фокс, Борг и Шеридан, истощали все свое красноречие на обвинение Гастингса, но он был оправдан.

Я ходил смотреть в Вестминстерском аббатстве монумент лорда Чатама, отца Питта, который представлен говорящим речь в парламенте против войны с Соединенными Штатами.

Мне случалось быть несколько раз в Ольдбели, так называется уголовный суд, где судятся все преступники; сей суд открывается три раза в год и продолжается до тех пор, пока есть подсудимые. Посреди присутственной комнаты находится род амвона, на котором становятся подсудимые; на столбиках, прикрепленных к амвону, утверждено зеркало, обращенное к свету окошек таким образом, что лучи света, падающие на зеркало, отражаются на лице подсудимых, стоящих лицом к судьям; сим способом они видят все изменения, в чертах подсудимых происходящие. Чтобы обвинить, необходимо нужно показание трех свидетелей; судья делается тогда, так сказать, адвокатом подсудимых, ибо он старается разбить в словах свидетелей. Когда же доказательства так ясны, что сделанные преступления не подлежат никакому сомнению, тогда отдается дело на заключение присяжных. Они уходят в другую комнату. Эта минута самая интересная: когда отворяются двери, присяжные входят в присутствие, и приговор состоит в одном слове: «виноват» или «не виноват».

Я нашел в Лондоне из русских графа Ф.В.Ростопчина, имевшего тогда чин поручика Преображенского полка, П.А.Левашева, бывшего кавалером при великих князьях Александре и Константине Павловичах, Г.А.Синявина и графа Бобринского, приехавшего незадолго передо мною из Парижа; в его обществе находился маркиз Вертильяк, подобный ему игрок, уехавший тайным образом из Парижа, дабы избегнуть заключения в Бастилии.

Вот доказательство той народной ненависти, которая существовала тогда у англичан против французов. Мы трое шли вместе по улице — граф Бобринский, Вертильяк и я. На мне с графом Бобринским был фрак английского покроя и круглые шляпы, а на французе парижский полосатый фрак и треугольная шляпа; мы замечаем, что за нами множество бежит мальчишек и поднимают грязь с улицы; один из них закричал: French dog, и вдруг посыпался град комьев грязи на бедного Вертильяка, и он насилу скрылся в одну кондитерскую лавку, случившуюся на дороге; мы же двое шли тихим шагом, и ни одного кусочка грязи на нас не попало.

При лондонской нашей миссии из всех чиновников один только замечательный человек находился — это священник нашей церкви Яков Иванович Смирнов, который употреблялся и по дипломатической части. Из наших русских я более всех виделся с графом Ростопчиным; мы с ним вместе ходили смотреть битву петухов, ученого гуся и ездили за несколько лишь от Лондона верст смотреть кулачных бойцов, знаменитых в тогдашнее время: Жаксона англичанина и Рейна ирландца.

Пари были ужасные; англичане парировали за Жаксона, а ирландцы за Рейна. Парламент, узнавши о приготовлении сего боя, запретил всякое сборище подобного рода в городах и селениях, а потому место выбрано было в поле, на открытом воздухе. В назначенный день тысячи карет из Лондона туда отправились, и мы наняли портшез. Сделан был большой помост для бойцов, а зрители взлезли на империалы карет, чтобы лучше можно было видеть сей спектакль. Бойцы были полунагие, и за каждым из них находились секундант и держатель бутылки с каким-то напитком. При начале боя они дали друг другу руку в знак того, что они между собою вражды не имеют, и если бы случилось одному быть убиту, то другого не преследовать, как смертоубийцу, по законам.

Бой начался, и несколько раз тот и другой были повержены на пол: тогда секундант подходит, протягивает шею, за которую боец должен ухватиться обеими руками, и секундант таким образом его поднимает; дабы в бойце сохранить силы, держащий бутылку дает ему из оной пить и считает

протяжно, начиная с одного до того числа, как был уговор, и если боец, лежащий на полу, до сочтения положенного числа раз не встанет, то признает себя побежденным.

Зрелище зверское; удивительно, как просвещенные люди могут находить в оном удовольствие; между тем крик от держащих пари ужасный, и смотря по тому, как один из бойцов ослабевает, держащая за него сторона пари свои уменьшает, а другая прибавляет, так что против одного держит пять, десять, и так далее. Наконец Рейн, получив сильный удар от Жаксона, сказал: «довольно». Надобно было видеть тогда, с каким торжеством Жаксон поклонился тем, которые за него парировали, с каким восторгом выигравшие вскочили на помост, который покрыт кровью победителя и побежденного, подняли его на руки и носили в триумфе несколько времени.

Возвращаясь в Лондон, мы проезжали через одну деревню и заметили множество карет у трактира. Мы из любопытства остановились, вошли в комнату, которая была полна людьми; видим человека, лежащего на канаве, — у него все лицо обвязано чем-то белым, — а другого стоящего подле него и прикладывающего припарки. Мы узнали, что это был побежденный Рейн.

На другой день в газетах было подробное описание сего кулачного боя, и всякий день выходил бюллетень о состоянии здоровья, в котором находились бойцы, ибо и Жаксон недешево купил свою победу, была минута, что считали даже его побежденным.^[9]

Когда из газет известно стало, что Рейн совершенно выздоровел, Ростопчину вздумалось брать у него уроки; он нашел, что битва на кулаках такая же наука, как и бой на рапирах.

Потом я ездил верхом с Ростопчиным в Гринвич, знаменитый инвалидный дом для моряков, где, как известно, находится и славная обсерватория; это было накануне нашего Рождества, и по дороге мы нашли луга, так зеленые, как у нас летом.

В Лондоне было тогда три главных театра: Итальянская опера, в которой должно было быть в башмаках, белых шелковых чулках и с треугольной шляпой; два английские: Дрюрилен и Ковент-Гарден. В первом славилась своим превосходным голосом и пением девица Белингтон, а во втором была знаменитая трагическая актриса, госпожа Сидонс. На сем последнем театре во время Святков представляемы были пантомимы, в которых арлекин играл первую роль, и механизм был доведен до такого совершенства, что всякий раз, как арлекин ударит по кулисам своею деревянною шпагою, декорации переменялись мгновенно, подобно какому-то волшебству.

На Святки распускаются студенты из всех университетов, и сии представления наполнены были этими молодыми людьми. Однажды я сидел в ложе с Ростопчиным, в которой находилось и несколько студентов; мы нарочно говорили между собой по-русски, чтобы возбудить их любопытство. Сначала они долго прислушивались, потом начался между ними спор: кто утверждал, что мы говорили по-польски, иные — по-венгерски; наконец мы слышим, что они начали друг другу предлагать пари, к чему англичане имеют врожденную склонность; мы будто ничего не понимаем, все продолжаем между собою разговаривать. Один из студентов решился у нас спросить, на каком мы языке говорим. Ростопчин ему отвечал:

— На таком, какой никому из вас в голову не пришел: мы говорим по-русски, стало быть, никто из вас пари не проиграл и не выиграл.

Синявин^[10] служил тогда в английском флоте и только что возвратился из Индии; он пригласил меня однажды ехать с ним и с секретарем графа Воронцова Жоли отыскивать корабль, на котором он прежде находился. Мы взяли фиакр, чтобы доехать до Темзы. Тут сели на одну лодку и поплыли в прегустейший лес мачт. Я никогда не видывал такого множества кораблей вместе. Гребцы у нас были один старик, а другой мальчик; Синявин оттолкнул их обоих, снял с себя фрак и начал сам грести: между тем, пошел проливной дождь, корабля мы не нашли, а промокли, как говорится, до последней нитки, особливо Синявин, который был в одной рубашке. Он предложил нам заехать в «Орендч», кафе-гауз, где собираются, большею частью, морские офицеры, велел себе подать пуншу гаф-энд-гаф, то есть половина рому и половина французской водки, выпил оного пребольшую кружку и как ни в чем не бывало. Синявин во всех отношениях был отличный морской офицер и любим в английском флоте.

В один день рано поутру пришел ко мне граф Бобринский; я, видя его весьма встревоженное лицо, спросил его о причине такого раннего ко мне прихода. Он бросился мне на шею и почти со слезами стал убедительно меня просить ехать с ним в Париж на несколько дней, ибо знакомая ему одна особа уехала туда внезапно, и он без нее жить не может. Я ему сказал, что я охотно бы сие сделал, но он знает, что я не завишу от себя и без позволения министра никуда отлучиться не могу; он был в таком исступлении, что почти ничего не понимал, что я ему говорил, и твердил только одно, чтобы я с ним непременно ехал. К счастью моему, в сию минуту пришел ко мне Левашев, которого граф Бобринский несомненно уважал, и насилу вразумил его, что он не вправе такой жертвы от меня требовать. Из Лондона выезжать можно когда угодно, только стоит послать за портшезом, что граф Бобринский и

сделал; через час его уже в Лондоне не было. Он действительно возвратился в Лондон дней через десять.

Известно сделалось, что с Швецией у нас началась война, а турецкая еще продолжалась. Граф Бобринский был ротмистром конной гвардии: он написал в Петербург и просил, чтобы, по случаю войны, позволено ему было возвратиться в Россию и служить в полках, употребленных против неприятеля: сему предложению были рады, ибо давно желали его иметь в России. Он опять стал меня просить, чтобы ехать с ним вместе, и даже объяснялся на сей счет с графом Воронцовым. Мне самому этого хотелось, но, к счастью моему, случилась нужда послать из Лондона курьера в Россию, и меня отправили; ибо едва граф Бобринский приехал на нашу границу, как там приказано было отвезти его в Ревель и оставаться в сем городе впредь до повеления, где он и прожил до восшествия императора Павла на престол. Что же бы тогда со мной случилось как с его сопутником?

Граф Ростопчин оставил Лондон прежде меня, но я нагнал его на дороге, и до Берлина мы ехали вместе; я находил большое удовольствие быть в его обществе: он был чрезвычайно забавен и любезен. После шестимесячного моего отсутствия я приехал в Петербург. Меня видели мои знакомые одетым прежде совершенно на французский манер, а теперь — на английский. Я в полку налицо не служил, а считался при графе Безбородке, почему и щеголять мог в моих французских и английских фраках.

ГЛАВА II

Посылка курьером в Вену — Князь Д.М.Голицын — Жизнь в Вене — Чудак Зыбин — Французские эмигранты — Принц Нассау-Зиген — Князь Н.В.Репнин — Отправление курьером к принцу Нассау — Коронование римского императора — Поездка в Майн - Карлсруэ — Обед у маркграфа Баденского — Княгиня Д.А.Шаховская — Возвращение в Петербург — Производство мое в прапорщики — Представление императрице — А.А.Нарышкин — Приезд в Петербург принцессы Боденской — Назначение мое полковым адъютантом Княгиня К. Ф.Долгорукова — Любительский спектакль — Поездка в Москву — Граф А.А. Безбородко Праздник офицеров Измайловского полка — Кончина императрицы Екатерины II

Я прожил спокойно до 1790 года, в начале которого я послан был курьером в Вену, к послу нашему, князю Д.М.Голицыну. Я нашел сию столицу в торжестве и печали. В тот самый день присягали Леопольду как эрцгерцогу австрийскому и оплакивали кончину императора Иосифа II, а более — смерть эрцгерцогини Елисаветы, первой жены нынешнего императора Франца, родной сестры императрицы Марии Феодоровны; она была чрезвычайно любима.

Князь Д.М.Голицын был предпочтенный вельможа^[11], но странно было его слышать, когда начнет говорить о Петербурге, в котором он около 40 лет не бывал; он никак иначе не мог себе представить сей столицы, как в том положении, в котором оставил оную.

Я видел в Вене знаменитого канцлера, князя Кауница, с которым посол наш жил в большой дружбе, фельдмаршалов Лассия и Лаудона. В Вене всякий офицер в мундире в праздничные дни имел вход во дворец; а так как нам позволено было за границей носить офицерские мундиры армейских полков, то и я, пользуясь сим правом, сделал себе карабинерный мундир, синий с красными обшлагами и воротником, и видел все придворные церемонии по случаю похорон императора Иосифа и эрцгерцогини. По причине траура никаких публичных увеселений не было, а только ежедневное почти гулянье в прелестном Пратере и Аугартене.

Князь Д.М.Голицын получил в подарок от императрицы Марии-Терезии, которая к нему была очень милостива, одну из окружающих Вену гор, называемую «Предих-Штуль»^[12]; он выстроил на оной прекрасный загородный дом, куда часто любил ездить и меня несколько раз туда приглашал^[13]. По старости его лет и дряхлости назначен был ему в помощники, а потом в преемники, граф А.К.Разумовский; он женился на графине Тун, и я слышал ее прелестный голос в одной оратории, которая составлена была из знатных венских особ в кафедральной церкви Св. Стефана.

В Вене русских никого в то время не было, кроме чудака Зыбина, приехавшего туда из Англии; он пробыл несколько лет в чужих краях и притворялся, будто забыл говорить по-русски, например, в Петербурге, выходя из театра, он кричал: «Зыбин карет». Тогда была мода иметь превысокие фаэтоны для гулянья. Зыбин в этом уродском экипаже сделал дорогу из Петербурга в Москву. На станциях все на него, как на шута, смотрели, а мальчишки за ним с криком вслед бежали. Зыбин сам это рассказывал, относя сие к невежеству нашего народа.

Пробыв в Вене около трех месяцев, я отправлен был в Петербург с депешами. В 1791 году приехал в Петербург граф д'Артуа, нынешний французский король Карл X, с тем намерением, чтобы склонить императрицу Екатерину принять деятельное участие в их делах. Он принят был со всевозможной почестью, давали ему много праздников, но возвратился, кажется, с одними пустыми обещаниями; а

так как оба брата несчастного короля Людовика XVI основали временное свое пребывание на берегах Рейна, то императрица аккредитовала при них графа Н.П.Румянцева, с сохранением прежнего поста его министра во Франкфурте-на-Майне.

Принц Нассау-Зиген был принят в нашу службу адмиралом во время очаковской кампании; известно, что он плавучими батареями нанес большой вред турецкому флоту, потом служил против шведов, командовал галерным флотом и имел одно счастливое, а другое неудачное сражение. Как рыцарь, ищущий везде славы, едва узнал он, что вокруг французских принцев собирается армия из эмигрантов, просил императрицу позволить ему ехать и быть в числе защитников трона Бурбонов.

В течение нескольких месяцев я два раза был послан курьером с депешами к графу Румянцеву и принцу Нассау, имевшим пребывание свое тогда в Кобленце, где находились и французские принцы. Я останавливался всегда в доме принца Нассау, который меня очень любил; он жил чрезвычайно открыто, и я имел случай познакомиться со многими весьма умными эмигрантами, как то: графом Бретелем, г. Калонном, графом Сомберелем, герцогом де Гишем, аббатом Мори и проч. Потом принц Нассау приехал в Петербург, как говорили, с поручением от французских принцев к императрице просить вспомогательных для них войск. Я тотчас к нему явился. Он осыпал меня милостями, обещал просить князя Зубова, бывшего тогда фаворитом, чтобы мне исходатайствовать гвардии офицерский чин и позволение взять меня с собою для предстоящей кампании против республиканцев.

Граф Н.П.Румянцев всякий раз, как я возвращался в Петербург, давал мне поручение к брату его Сергею Петровичу и в письмах своих к нему всегда отзывался обо мне самым лестным образом. Поэтому не только граф Сергей Петрович был весьма хорошо расположен ко мне, но по* На вечерах Н.Н.Нелединской часто играли «Провербы», сочиненные графом Румянцевым. Он писал прекрасно и с большим умом, и я в сих представлениях участвовал, знакомил меня с Настасьей Николаевною Нелединскою, с которою он жил в одном доме, и у коей воспитывалась одна девица, как говорили, близко принадлежавшая князю Н.В.Репнину^[14].

Князь случился тогда в Петербурге; он был подполковником Измайловского полка. По имеемым ли на меня каким видам в рассуждении той девицы, или просто по хорошей рекомендации меня Н.Н.Нелединской князю Репнину, только вдруг я получаю приказ от полка*, чтобы на другой день, рано поутру, явиться к его сиятельству. Но как я был удивлен! Когда приезжаю к князю в сержантском моем мундире, встречает меня Ф.И.Энгель, который служил тогда при нем и имел майорский чин, спрашивает мое имя и вводит меня прямо в кабинет князя. Я нашел его за уборным столиком, и едва он меня увидел, сказал мне:

— Здравствуй, мой друг, садись.

Я стал было отговариваться, но он решительно приказал мне сесть.

— Я слышал о тебе много хорошего, — продолжал князь, — что ты употреблен был несколько раз в курьерских посылках за границу. Скажи мне, какие твои теперь намерения?

Я отвечал ему, что я просился было в армию, в капитаны, но меня не выпустили; потом пересказал ему обещания, сделанные мне принцем Нассау; он покачал головой и сказал:

— Желая, чтобы он их исполнил; я увижусь с ним сегодня во дворце и узнаю, чего тебе ожидать можно.

Я пробыл у князя Репнина до тех пор, пока тот же Ф.И.Энгель вошел доложить ему, что генерал Арбенев приехал с рапортом.

Между тем принц Нассау не переставал меня уверять, что я непременно произведен буду в офицеры, и я решился заказать себе мундир. После пребывания нескольких недель в Петербурге принцу дан был фрегат, на котором он отправился до Эльзенера; ему сказано было, что, приехавши в сию гавань, он узнает от курьера, который за ним вслед послан будет, волю императрицы на сделанные французскими принцами ее величеству предложения. Принц Нассау просил князя Зубова, чтобы курьером отправить к нему меня. Сия просьба была исполнена; я действительно был послан курьером с депешами и к графу Н.П. Румянцеву, но нескоро после отъезда принца. Не доезжая до Эльзенера, я узнал, что принц давно уже оттуда отправился в Кобленц.

Я приехал во Франкфурт-на-Майне в самую интересную эпоху. Император Леопольд царствовал не более двух лет, и после его смерти старший сын его эрцгерцог Франц был его преемником. Известно, что римские императоры были избираемы всеми императорскими владетельными князьями и курфюрстами римско-католического вероисповедания; в числе сих последних находились три духовные — Майницкий, Кельнский^[15] и Трирский. Сие важное происшествие начиналось тем, что в назначенное время должны съехаться во Франкфурт-на-Майне сами принцы-избиратели или уполномоченные от них послы; при сем должен находиться и представитель будущего императора как короля богемского и венгерского. Несколько столетий римские императоры-избиратели были из

Габсбургского дома, потом сие достоинство перешло в дом Ло-тарингский, ныне царствующий в Австрии, и сын императора Леопольда не мог быть не избран в сие достоинство. Эрцгерцог Франц, в то самое время, как избиратели съезжались во Франкфурт, выехал из Вены и остановился в одном замке, в нескольких милях от Франкфурта, издревле для того назначенном. Некоторые из принцев-избирателей и посол королевств богемского и венгерского выехали навстречу к эрцгерцогу в виде депутатов объявить ему, что он избран в императоры, и пригласить во Франкфурт на коронацию.

Со мной прислано было к графу Н.П.Румянцеву повеление от императрицы, чтобы он находился полномочным от нее министром при священном сем обряде. Граф принял меня, как отец, приказал отвести для жителя моего библиотеку, ибо другой комнаты по малому пространству занимаемого им дома не было; а дабы доставить мне способ видеть всю коронацию, он послал с одним из своих чиновников привезенные мною депеши к принцу Нассау в Кобленц и в партикулярном своем письме уведомил принца, что он не мог меня к нему отправить, потому что получил от императрицы поручения, для исполнения которых я ему нужен. Я виделся после с принцем Нассау, и он был столько же благосклонен ко мне, как и прежде, и обещал писать обо мне князю Зубову, что и исполнил [\[16\]](#).

Вшествие избранного императора было превеликолепное. Все принцы, послы встретили его у ратуши, он окружен был своими вельможами и единственною, можно сказать, в свете своею венгерскою гвардиею. Потом он поехал во дворец. Нунцием от папы, на случай коронации, был назначен славный аббат Мори, с которым я уже был знаком.

Настал день коронации, которая совершилась в кафедральной Франкфуртской церкви тремя духовными курфюрстами. Процессия, идущая в церковь по мосткам, покрытым сукном, была премноголюдная. Все германские принцы и курфюрсты, бывшие при коронации, участвовали в процессии, а отсутствующих заменяли послы, каждого из них гвардия шла перед ними, а сзади придворные их чины и пажи. Ничего не было богаче и великолепнее одеждою, как гвардия и свита князя Эстергази, после императора, как короля богемского и венгерского [\[17\]](#).

По окончании священного обряда коронации процессия шла тем же порядком, а император — уже в короне и порфире. По прибытии во дворец он тотчас показался на балконе, и в то время бросали в народ серебряные жетоны. После того начались праздники, состоящие из обедов и балов; обеды великолепнее всех были у нашего посланника, а вечера и балы у князя Эстергази; аббат Мори тоже дал один обед, он занимал небольшой дом, и столы накрыты были в разных комнатах; он сказал, увидя нас, русских [\[18\]](#): «Молодежь я приглашу к обеденному столу несколько позже». Аббат Мори чрезвычайно превозносил императрицу Екатерину. Он говорил однажды, что письма ее величества гораздо лучше написаны, нежели Вольтеровы.

После император поехал в город Майнц, где назначено было свидание с прусским королем. Большая часть особ, бывших во Франкфурте, туда же отправились, и потому не было возможности иметь почтовых лошадей. Граф Николай Петрович нанял прекрасную барку, взял меня с собой и одного из чиновников своего посольства, и мы поплыли по Майну. Ничего нет живописнее в свете берегов этой реки и Рейна, в который Майнзпадает. Беспреданно видны развалины древних замков, обширные виноградные сады и множество селений.

Город Майнц был столицей курфюрста сего имени: он дал прекраснейший праздник в загородном своем доме, называемом «Фаворитка», что заставило сказать одного француза: «У этого прелата очень недуренькая фаворитка». Свидание императора с королем прусским имело целью, чтобы соединить их армии, уже собранные под начальством герцога Брауншвейгского, для предстоящей войны против французских республиканцев.

Из Майнца император поехал в свои владения, а король прусский — в г. Кобленц, в окрестностях коего собрана была его армия. Мы в прежней нашей барке поплыли и до Кобленца. Французские принцы находились тогда в Бин-гене, маленьком городке на берегу Рейна. Король прусский имел тут с ними свидание. Я в первый раз в жизни увидел столько войск, вместе соединенных, когда король собрал свою прусскую армию для смотра и маневров. Она мне показалась прекрасною; особливо понравилась мне точность, с которою исполнялись все ее движения; но знатоки утверждали, что прусская армия в большой пришла упадок против того, как она была во времена Фридриха II.

Можно себе представить, какое множество было военных чиновников, ибо они съехались почти из всех государств. Мне случилось тут видеть ныне царствующего короля, он был тогда кронпринцем. Сей смотр продолжался несколько дней, и прусская армия пошла в соединение с австрийскою. Герцог Брауншвейгский принял главное начальство над обеими армиями. Он публиковал известную всем прокламацию, которая, как говорили, соединяла все партии во Франции и была пагубной причиной сей кампании.

Граф Николай Петрович со своею маленькой свитой, в которой находился и я, возвратился во Франкфурт. Он объявил мне, что намерен ехать в Карлсруэ к маркграфу Баденскому, при котором он также был аккредитован и который, бывши на коронации, будто приглашал его к себе приехать, и что он возьмет меня с собой. Граф сие говорил для того, чтобы не дать мне ни малейшего подозрения о настоящей причине его поездки.

Я после узнал, что императрица Екатерина, когда, вознамерилась женить великого князя Александра Павловича, поручила графу Н.П.Румянцеву, как бывшему в сношении со многими маленькими имперских князей дворами, объехать оные и доставить ее величеству сведения о всех принцессах, бывших тогда в летах для бракосочетания. Выбор императрицы пал на Баденский двор. Со мною было прислано графу повеление отправиться в Карлсруэ, сделать маркграфу предложение: выдать одну из принцесс его дома в замужество за великого князя Александра Павловича, и когда получено будет согласие, прислать портреты принцесс к императрице.

Во исполнение сего повеления ее величества, граф отправился в Карлсруэ тотчас по возвращении его во Франкфурт в одной четверместной карете. Он не взял с собой ни одного из своих чиновников. В карете сидели граф, я и его камердинер, и, сверх того, были при нем два лакея. Едва мы приехали в Карлсруэ и остановились в трактире, как маркграф прислал своего камергера спросить о здоровье графа и поздравить с приездом. На ответ графа, что он тотчас будет иметь честь представиться его светлости, приехала за ним придворная карета.

По возвращении графа из дворца тот же камергер прислан был пригласить его на обед к маркграфу и с той особой, которая при нем находится. При дворах владетельных князей был этикет, что должно иметь по крайней мере чин штаб-офицера, чтобы обедать за столом принца, и посему граф Н.П. поручил благодарить маркграфа за сделанную честь его спутнику, но что чин его не позволяет воспользоваться оною. Камергер немедленно возвратился с повторением приглашения, и что его светлость никаких этикетов соблюдать не намерен, из уважения его к особе графа и наиболее ко двору, которым он аккредитован.

В назначенный час для обеда приехала за нами придворная карета. При въезде нашем на дворцовый двор стоявший на оном караул гвардейских кирасир вошел в ружье и отдал честь. У маркграфа всего войска было: кавалерии один эскадрон и батальон пехоты. Граф Николай Петрович принят был со всевозможною почестью: обер-камергер вышел его встретить, маркграф, наследные принц и принцесса и принц Фредерик, второй сын маркграфа, обошлись с ним весьма ласково. Граф меня представил всему двору. Маркграф был женат на графине Гохберг, но она была как партикулярная дама; это была, как называется, морганатическая свадьба. Дети, родившиеся от сего брака, впоследствии были признаны законными, и владетельный ныне великий герцог Баденский есть один из сыновей маркграфа. Принцесс в первый день я не видел: они были в загородном доме. За обедом было особ 20; после стола был концерт, в котором прекрасно пела одна благородная девица, принадлежащая ко двору.

На другой день принц Фредерик пригласил нас к себе на обед в Дурлах. Аллея, ведущая из Карлсруэ к сему замку, считается единственною в Европе: дорога на расстоянии $2\frac{1}{2}$ немецких миль, или 18 верст наших, обсажена по обеим сторонам в два ряда вековыми, величественными пирамидальными тополями. Мы обедали на открытом воздухе, в саду. Мужчинам позволено было находиться во фраках, а за столом сидеть в шляпах на головах. На сем обеде находились и обе принцессы: Луиза и Фредерика.

У принца Фредерика жил один француз, которого имени я теперь не помню; он, француз, затеял играть шарады на театре, сделанном на воздухе; кулисы оного были из стриженных шпалер, и день кончился маленькими играми. Мне случилось хоронить папу с принцессою Луизою; я ничего не видывал прелестнее и воздушнее ее талии, ловкости и приятности в манерах.

Маркграф, дед сих принцесс, был добродетельнейший и почтеннейшей из всех германских принцев. Когда мы въехали в границы его владений и, поднимаясь на одну высокую гору, вышли из кареты, мы увидели несколько мужиков, пахавших в поле землю. Граф мне сказал: «Спроси у них, кто их владетель^[19]. Они мне отвечали: «У нас нет владетеля, а мы имеем отца, маркграфа Баденского». Вероятно, по сей причине императрица Екатерина и предпочла женить своего внука на одной из принцесс сего благословенного дома.

В сие время в Карлсруэ находилась княгиня В.А.Шаховская со своею дочерью. Княгиня, будучи в Париже, выдала свою дочь за князя д'Абенберга, который был один из главных участников в нидерландской революции. Граф Кобенцель, бывший тогда при дворе нашем послом римского императора, довел сие до сведения императрицы Екатерины. Государыня в первую минуту своего гнева издала указ, чтобы княгиня Шаховская возвратилась немедленно в Россию, в противном случае лишена будет своего имени, и дети, рожденные от ее дочери, не могут быть ее наследниками, ибо

имение княгини состоит в железных рудниках и соляных варницах, а по закону Петра Великого имения такого рода не могут принадлежать иначе, как российским подданным.

Сие известие столь сильно поразило княгиню Шаховскую, что у нее отнялась одна нога; невзирая на сие, она была на пути в Россию и остановилась на несколько дней в Карлсруэ, потому что супруга наследного принца ее весьма любила. Узнав о приезде графа Николая Петровича, княгиня Шаховская просила его навестить ее: она убеждала графа донести императрице о болезненном ее состоянии и желала бы сама писать к ее величеству, но не имела никого, кто бы мог сие сделать. Граф послал к ней меня, и с сего времени началось мое знакомство с княгиней Шаховской.

Проводя самым приятным образом всякий день в обществе прелестных принцесс и августейших и почтеннейших их родителей с небольшим три недели, граф Николай Петрович, у которого я исправлял иногда и должность секретаря, отправил меня с депешами к императрице в Петербург, Княгиня Шаховская просила меня развезти письма к своим родным, которых там было много, между прочими — и к Екатерине Ивановне Вадковской.

Нетерпение императрицы видеть великого князя Александра Павловича женатым было так велико, что, прежде чем были ей доставлены портреты принцесс Луизы и Фредерики, которая потом была шведской королевой, — ибо оные со мной были отправлены, — на дороге, проехав Майнц, я встретил большую четверо местную карету, которая, подъехав немного, остановилась, увидя, вероятно, во мне курьера. Я слышал голос, кричавший, чтобы я остановился, потом подходит лакей в придворной нашей ливрее и спрашивает, не курьер ли я, не еду ли от графа Румянцева, и где он теперь находится. Я отвечал, что я послан от него к императрице, и что он из Карлсруэ, откуда я был отправлен, на другой день должен был выехать во Франкфурт-на-Майне. Я узнал от лакея, что в карете ехали графиня Шувалова и Стрекалов, которые и привезли потом в Петербург обеих баденских принцесс. Приехав на станцию, называемую Кипень, по Нарвской дороге, я узнал, что императрица в Царском Селе, куда прямо и отправился, не заезжая в Петербург.

Тогда иностранная часть поручена была князю Zubову. Граф Безбородко, по заключении им мира с Портою, сделан был обер-гофмейстером, андреевским кавалером и оставлен вторым присутствующим членом в Иностранной коллегии, но все имел от императрицы разные поручения. Граф Румянцев, отправляя меня, приказал депеши вручить князю Zubову, что я и исполнил; он обошелся со мной весьма ласково; я воспользовался сим случаем, чтобы поднести ему золотой жетон, выбитый на коронацию императора Франца во Франкфурте. Я заметил, что ему это было приятно; довольно долго расспрашивал меня о всем том, что я видел, спрашивал также, не встретил ли я его брата, графа Валериана Александровича, поехавшего служить волонтером в австрийскую армию, но я с ним не видался; прочитав наскоро партикулярные к нему письма от принца Нассау и графа Румянцева, он сказал мне: «Принц Нассау и граф Румянцев вас очень хвалят», — и отпустил меня. Через несколько дней после моего возвращения в Петербург получается высочайшее повеление в Измайловский полк из дежурства при ее величестве, что я пожалован в сей полк прапорщиком. Я не в состоянии изъяснить моей радости, а особливо мне приятно было видеть, сколько чин мой обрадовал моего зятя Алексея Николаевича и сестрицу мою Анну Федотовну, с которыми я жил вместе. Мое удовольствие еще более увеличилось, когда через несколько часов пришел ко мне фельдфебель 10-й роты, в которую я был записан и в которой мы жили, и с поданной рапортницей привел рядового для посылок. А так как мундир офицерский уже был у меня готов, то я на другой день поехал явиться к командовавшему тогда Измайловским полком премьер-майору Иосафу Иевлевичу Арбенеvu. Это было в четверг, а в воскресенье 15 августа он приказал мне ехать в Царское Село благодарить императрицу. Командовавшие гвардейскими полками всякое воскресенье и праздники ездили с рапортом к императрице во время пребывания ее в Царском Селе.

Приехавши туда, я тотчас пошел к князю Zubову благодарить его за полученный мною чин. Он мне сказал, что после обедни сам представит меня, как дежурный генерал-адъютант, императрице; потом он прислал сказать, чтобы я был представлен дежурным камергером, которым был тогда В.Н. Зиновьев. Во время обедни многие из знатных особ меня обступили, узнавши, что я приехал с Рейна, и осыпали разными вопросами, как то: началась ли война против республиканцев, были ли уже сражения, что говорят о короле французском, и множество других.

Императрице в Царском Селе представлялись после обедни в биллиардной комнате, что подле большой раззолоченной залы, где стоят горы с японским фарфором. Мне велено было там дожидаться. Когда ее величество благодарили за какую-нибудь милость, то можно было становиться и не становиться на колени, но я предпочел сделать первое. Когда камергер меня назвал и государыня пожаловала мне руку, чтобы ее поцеловать, признаюсь, что я крепко прижал ее к моим губам. Императрица в то время, оборотясь к графу Безбородке, сказала ему с небесною ее улыбкою:

- Как он скоро приехал!

- Сии слова глубоко врезались в мое сердце. После того подошел ко мне гофмаршал князь Ф.С. Барятинский и сказал мне:

— Вы можете остаться обедать за столом императрицы.

Сие мне было очень приятно. Какой шаг давал в царствование императрицы чин гвардии офицера! Я был тогда наравне со всеми, а мой полковой командир И.И. Арбенин, который в сержантском моем чине не хотел и знать меня, теперь обедает за одним со мной столом, и у кого же — у российской императрицы. После обеда он первый подошел ко мне и просил меня ездить к нему запросто на обед или на вечер, как я хочу.

Я признаюсь в моем малодушии, мне хотелось в полном мундире показаться публике, и я прямо из Царского Села проехал на известную дачу по Петергофской дороге — А.А.Нарышкина, куда по праздникам съезжался почти весь Петербург; я уверен был, сверх того, что хорошо принят буду хозяевами оной, ибо жена А.А.Румянцева, Анна Никитична, была родная тетка графа Н.П.Румянцева, которой я несколько раз привозил от него письма. В ожидании моем не ошибся: я был чрезвычайно ими обласкан и обратил многих тут бывших гостей на себя внимание; несколько раз я должен был в тот же день удовлетворять на те же вопросы. В это время, когда Россия славилась своим гостеприимством, А.А. и А.Н.Нарышкины могли служить примером оною. Всякое воскресенье и праздник, во все лето, на даче их было гулянье, и все приезжающие знакомые и незнакомые были потчеваемы даром чаем, фруктами, конфетками, лимонадом и аршадом...

Принцессы Баденские скоро после того приехали в Петербург, и принцесса Луиза, нареченная в святом миропомазании Елисаветою Алексеевною, избрана была в супруги великому князю Александру Павловичу. Его высочество, известясь, что я привез портрет нареченной его невесты, желал меня узнать, хотя с виду и всякий раз, как мне удавалось с ним встречаться, он отличал меня поклоном с ласковым взглядом или с улыбкою. После обручения было поздравление, на коем находились все гвардейские офицеры. Когда пришла моя очередь, подходит великий князь, увидя меня, сказал что-то своей невесте, и когда мне должно было поцеловать ее руку, она, подавая мне оную, с приятною улыбкою сказала: «Неужели это вы, месье?» Вероятно, она не узнала меня вдруг, в новом моем одеянии.

Скоро после сего наш полк был в параде, как и вся гвардия, по случаю въезда турецкого посла в Петербург, а второй парад был в день свадьбы великого князя Александра Павловича. В следующее лето, то есть в 1793 году, приехал в Петербург князь Н.В.Репнин; он вступил в командование Измайловского полка и сделал смотр оному. Князь нашел полк так запущенным, что приказал составить образцовую команду, в которую назначил и меня; он сию команду смотрел и был очень доволен, приказал мне к себе приехать, обласкал меня чрезвычайно, сказал мне, что ему отзывался весьма милостиво обо мне великий князь Александр Павлович, и поручил мне пригласить к нему на обед всех офицеров, бывших в образцовой команде, — в том числе и я был приглашен; сие отличие, сделанное мне князем, возбудило зависть в моих товарищах. Один из полковых адъютантов уволен был в отпуск; князь назначил меня исправлять его должность.

При полку находилась нормальная школа, составленная из солдатских детей Измайловского полка. В ней обучали русской грамоте, арифметике и военной экзерции; главная цель сей школы была, чтобы образовывать в ней для полка хороших унтер-офицеров... Школьники одеты были по-егерски и учились всем эволюциям сего войска. Князь Репнин сделал меня начальником сей школы, он поручил было мне и полковую музыку, но старший адъютант Александр Яковлевич Сукин, который был на время в отпуску, так этим обиделся, что хотел выйти в отставку. Получив поручение от императрицы, князь Репнин оставил Петербург в конце года, приказав оставшемуся после него командовавшему полком И.И.Арбенину внести меня в доклад к 1 января 1794 года на вакансию в полковые адъютанты, с заслугою одного года за подпоручичий чин. Во всей гвардии производство было один только раз в год, 1 января[20]; я был без младших прапорщиков — пример редкий по всей гвардии, — так как была еще одна адъютантская вакансия, то Арбенин упросил князя поместить на оную своего младшего сына, который был подпоручиком, но, по производству в поручики, ему еще не доставалось.

Едва доклад вышел, и я произведен был в полковые адъютанты, как написал к князю Репнину благодарное письмо, на которое он мне немедленно отвечал собственноручно. Я священною обязанностью считаю для себя сохранять сей памятник, свидетельствующий об оказанных мне благодеяниях столь знаменитым вельможею.

Я вел жизнь чрезвычайно приятную и был принят в лучшем петербургском обществе. Княгиня Наталья Петровна Голицына, возвратившаяся из чужих краев, открыла свой дом, а всякую среду у нее были балы, а у сестры ее графини Дарьи Петровны Салтыковой — по воскресеньям[21]. В Измайловском полку служил тогда штабс-капитан П.А.Талызин. Я с ним был очень дружен; он находился в родстве со многими знатными фамилиями, между прочим, с князем Алексеем Борисовичем Куракиным; он меня с ним познакомил. Я встречался там с княгинею К.Ф.Долгорукой;

она была тогда из первых между молодыми дамами в Петербурге, как по красоте своей, так и по приятному ее обращению. Я часто у нее бывал. Тогда в большом обыкновении были спектакли, из лиц общества составленные. Посол римского императора, граф Кобенцель, известный своей любезностью, был из числа обожателей княгини Долгорукой; он имел большой талант для театра, и часто они играли вместе; однажды, между прочим, они представляли итальянскую оперу «Служанка-госпожа» превосходно[22]. Не знаю, по какому-то случаю граф Кобенцель давал большой бал, но я, с ним не быв знаком, не был приглашен на оный, и уже накануне того дня я случился вместе с княгиней Долгорукой у князя Куракина; он спрашивает у меня, буду ли я на другой день у посла на бале. Я ему отвечал, что я не приглашен; он оборотился к княгине К.Ф. и говорит:

— Королева, пошли к своему подданному повеление сейчас, чтобы он прислал зов сему молодому человеку.

Она написала на лоскутке бумажки несколько слов, и я с тем же посланным получил билет приглашения. Тогда в обществе составились две партии. Графиня Головкина завидовала преимуществам, которыми пользовалась княгиня Долгорукая пред прочими дамами и в том числе и перед нею, вздумала собрать свою труппу актеров, в числе коих был и я. Выбрали две комедии: «Еще один сюрприз любви» Мариво и «Нетерпеливый». В первой играли: графиня Головкина, девица Канор, теперешняя m-me Meil-han, Ростопчин, барон А.С.Строганов, князь П.М.Волконский, Окулов и я; во второй — графиня Головкина, граф П.А.Шувалов и барон Строганов. Может быть, и еще кто участвовал в сем представлении, но я теперь не помню. Театр был поставлен в доме баронессы Н.М.Строгановой, на Дворцовой набережной.

Главная наша актриса не имела большого успеха, и тем соперничество ее с княгиней Долгорукой окончилось. Большую часть моего времени я проводил тогда у Екатерины Ивановны Вадковской; она летом жила на Каменном острове, в доме своего отца графа Ивана Григорьевича Чернышева, и общество ее тогда, в котором я находил большую приятность, имело свой мундир.

Я должен сказать, однако же, что Екатерина Ивановна была причиною, что у меня едва не было дуэли с князем Б.В.Голицыным. В числе молодых людей, с которыми я наиболее связан был дружбою, находился князь Павел Михайлович Волконский; он служил при дворе камергером, вышел в отставку и переехал жить в Москву.

Во время свадьбы великого князя Константина Павловича князь Волконский пригласил меня приехать в Москву и остановиться в его доме, чтобы быть свидетелем, каким образом древняя столица будет праздновать сие радостное происшествие, тем более, писал князь, что мне уже известны петербургские празднества, по случаю бракосочетания великого князя Александра Павловича бывшие. Я получил отпуск и тотчас отправился в Москву. Князь П.М. познакомил меня с лучшими там домами; и так как в мужчинах всегда бывает в Москве недостаток, то я приглашаем был на несколько обедов и балов в один и тот же день. Лучшие балы были у князя Михаила Михайловича Голицына и у князя Щербатова, отца красавиц, вышедших потом замуж за графа Шувалова, за Скарятину и за Соловова. Они составляли лучшее украшение тех балов. Меня находили похожим лицом на старшего их брата, князя Алексея Григорьевича, и потому я принят был в доме как нельзя лучше. Я был приглашаем и на большие обеды. Великолепнейшие обеды были у обер-камергера князя А.М.Голицына, у графа А.Г.Орлова и у графа Остермана. Повеселившись в Москве месяца два, я возвратился в Петербург[23]. Скоро после этого я познакомился с князем А.М.Белосельским; он тогда женился на девице Казицкой и, как известно, взял за нею большое богатство.

Отъезжая в Москву, он советовал мне туда приехать, говоря, что у жены его большое родство, в числе которого есть невесты богатые. Я решил последовать его совету, списавшись с князем П.М.Волконским, который всегда рад был со мной видеться, а потому и пригласил меня въехать прямо к нему в дом. Князь Белосельский жил в Москве великолепно; я был у него почти всякий день. Он любил играть комедии и, можно сказать, был мастер сего дела; особливо он играл в совершенстве роль игрока в комедии Реньяра. По некотором моем пребывании в Москве он предложил мне в невесты девицу Бекетову, бывшую после женою Сергея Сергеевича Кушникова, и дабы познакомить меня с сею девицею и с ее родственниками, князь пригласил всех их и меня к себе на обед. Вскоре потом разнесся слух в Москве, что у нас война с Швециею; все гвардейские офицеры, в числе которых и я, находившиеся там, поспешили отправиться к своим полкам. Слух этот оказался неосновательным, и предположения князя Белосельского женить меня на девице Бекетовой не имели более никакого последствия.

Зять мой Алексей Николаевич служил тогда при графе Безбородке и имел казенную квартиру в почтовом доме. Я получил приглашение от графа ходить к нему обедать, когда ни пожелаю. Кроме званых обедов, обыкновенное общество состояло из живущих особ у графа и нескольких человек коротко знакомых. Ничего не было приятнее, как слышать разговор графа Безбородки; он одарен был памятью необыкновенною и любил за столом много рассказывать, особливо о фельдмаршале графе

Румянцеве, при котором он находился несколько лет. Беглость, с которою он читавши схватывал, так сказать, смысл всякой речи, почти невероятна; мне случалось видеть, что привезут к нему от императрицы преогромный пакет бумаг; он после обеда обыкновенно садился на диван и всегда просил, чтобы для него не беспокоились, а продолжали бы между собою разговаривать, и он только переворачивал листы и иногда еще вмешивался и в разговор своих гостей, не переставая между тем переворачивать листы читаемых им бумаг. Если то, что он читал, не заключало в себе государственного секрета, то он пересказывал оно содержание[24]. Я слышал от графа Маркова, что он никогда не мог довольно надивиться сей редкой способности графа Безбородки читать самые важнейшие бумаги с такою беглостью и постигать оных смысл.

В августе месяце 1796 года вздумалось офицерам нашего полка дать праздник своим знакомым, и для того наняли дачу по Петергофской дороге, принадлежавшую тогда князю С.Ф.Голицыну на 6-й версте. Она построена была по образцу залы Таврического дворца. Барону Г.А.Строганову поручено было украшение залы и ужин. На меня возложили полицейскую часть на счет приезда и разъезда экипажей. Несколько офицеров назначены были для приема гостей, коих было до 150 особ; вся дача была иллюминирована, и в заключение праздника сожжен был огромный фейерверк, и когда в щите загорелся вензель императрицы, со всего полка собранные барабанщики били поход, и полковая музыка играла. Праздник вообще был прекрасный, и долго о нем говорили. Петербург готовился к большим празднествам, которых конец долженствовал быть ужаснейшим происшествием, погрузившим всю Россию в печаль и уныние. Ожидали короля шведского, и брак его с великою княжною Александрой Павловной казался достоверным. Он приехал, и после всех угощений, сему молодому королю деланных, после всех ласк, императрицею Екатериною ему оказанных, и когда уже все священнослужители в придворной церкви, в полном облачении, готовы были совершать бракосочетание, король под разными предлогами от него уклонился и на другой день отправился в свое государство[25].

Такой неожиданный поступок против великой государыни, привыкшей видеть все покорным своей воле, произвел на ее здоровье, как говорили тогда, весьма вредное влияние. Императрица Екатерина через шесть недель после отъезда короля шведского из Петербурга скончалась от апоплексического удара[26].

ГЛАВА III

Лето 1796 года — Поездка в Ропшу — Смерть княгини Е.Б.Шаховской — Восшествие на престол императора Павла I — Присяга — Развод по-гатчински — Эпизод со знаменем — Перемена в образе жизни офицеров — Вступление в Петербург гатчинских и павловских батальонов — Уничтожение полковой канцелярии и письменная обуза — Назначение адъютантом к великому князю Константину Павловичу — Ложный донос на Лихачева и Дмитриева — Повышение в чине — Крещенский парад и внимание государя — Ф.Ф.Вадковский — Отправление государя в Москву на коронацию — Покупка лошадей для великого князя Константина Павловича — Причащение царской фамилии в Великий четверг — Коронация и бал в Грановитой палате — Путешествие государя в Казань — Сафонов — Назначение великого князя Константина Павловича начальником 1-го кадетского корпуса — Вражда Ферзена и Кутузова — Преобразования в кадетском корпусе — Жизнь в Петергофе — Перемены при дворе — Гнев государя на великого князя Константина Павловича — Купанье в Петергофе с великими князьями — Гатчинские маневры — Чин полковника и орден Св. Анны 3-й степени — Ордена и орденские праздники при Екатерине II и Павле I

Все это лето я провел на даче по Петергофской дороге на 5-й версте у княгини Варвары Александровны Шаховской. Дача сия принадлежала тогда княгине Дашковой и выходила на взморье, где выстроены два каменные домика. Нас жило тогда у княгини очень много. В большом доме жила она с г-жою Парис, с дочерью ее, теперешнею Балабиной, г-жа Брейткопф, тоже с дочерью, которая вышла после замуж за В.Н.Зиновьева. Дочь княгини В.А. была уже тогда замужем за князем Шаховским. Они жили на даче, принадлежавшей после графини Завадовской. Княгиня Елизавета Борисовна с мужем и сестрою его, княжною Шаховскою, находившеюся после замужем за князем А.М.Голицыным, бывала всякий день у своей матери; в одном из домиков на взморье жили родные племянники княгини В.А.: князь Александр, князь Сергей Михайлович Голицыны и я, а в другом два француза, эмигранты: г-да Брессоль и Бушера.

Часто все общество ездило по окрестным местам. Между всех их поездок самая приятная была в Ропшу. По возвращении оттуда всякий должен был выбрать одну статью из того, что случалось в течение двух дней, в Ропше проведенных, и ее описать; после все это соединено было вместе и составило довольно интересное сочинение под названием: «Поездка одного общества в Ропшу».

Я не стану описывать причину плачевного конца жизни княгини Елизаветы Борисовны Шаховской, дочери княгини В.А., а скажу только то, что известно было всем, что она отравила себя ядом. Сие происшествие, особливо в лучшем обществе, столь необыкновенное, произвело много шума и

различных толков; но скоро последовавшая затем кончина императрицы Екатерины прекратила все те разговоры, которые занимали так много публики.

В минуту восшествия императора Павла I на престол, как следует, всем войскам приказано было присягать на своих полковых местах, а роту гренадер послать во дворец за знаменами, где они всегда находились; и тогда же нам объявлено было, что император принимает на себя звание полковника Преображенского полка; наследника, великого князя Александра Павловича, назначает полковником Семеновского полка и военным губернатором петербургским, Аракчеева — комендантом, а великого князя Константина Павловича — полковником Измайловского полка.

Полк наш собрался на большом проспекте, который идет мимо церкви. Первый, посланный из дворца, ошибкою сказал, что полк должен идти на Дворцовую площадь. Мы уже и прошли несколько улиц, как бывший наш секунд-майор Кушелев^[27] встретил нас, возвращаясь из дворца, и воротил назад. Весь полк пустился бежать на парадное место; не доходя до онога, хотя было и темно, но видно было едущего кого-то верхом, в темном мундире и в голубой ленте. Сей едущий, поровнявшись с головой колонны полка, спросил:

— А где адъютант Комаровский?

Я случился близко, тотчас подъехал и узнал, что это был великий князь Константин Павлович. Его высочество со мной поздоровался, приказал мне находиться при себе и спросил у меня, отчего полк давно не на парадном месте. Я ему донес, что полку ошибкою приказано было идти ко дворцу. Сие крайне его удивило.

Во время присяги великий князь, заметив, что полковой наш священник отец Прохор был в нетрезвом виде, спросил у меня:

— Отчего отец Прохор пьян, от радости или от печали? Я ему отвечал:

— Я думаю, ваше величество, и от того и от другого, — и он засмеялся.

Когда полк присягнул, его высочество приказал мне взять взвод гренадер, отнести знамена во дворец, отыскать там наследника, донести ему, что Измайловский полк принял присягу, спросить, куда прикажет поставить знамена, и в 5 часов поутру быть у него. Подходя ко дворцу, я был в большом затруднении, где мне найти наследника; но, к счастью моему, когда я сошел с лошади и подходил к средним воротам, я увидел кого-то в таком же мундире, в каком был и великий князь Константин Павлович, и в голубой ленте, — ибо они уже надели те мундиры, которые даны были потом всем гвардейским полкам, — идущим с графом Татищевым, подполковником Преображенского полка. Я не усомнился, что это был наследник, и исполнил поручение великого князя. Знамена же он приказал мне поставить в кабинет императора; вход в оный был по деревянной лестнице. Я вошел по лестнице, и в первой комнате нашел спящего истопника, который позвал камер-лакея, и мне отворили кабинет. Я спросил, не знает ли он, куда поставить знамена. Он мне сказал: «Поставьте в угол, там уже много их находится».

В тот день, как императрица занемогла, в карауле стоял Семеновский полк, а в день ее кончины Измайловский, и капитан был П.А.Талызин; мне хотелось с ним видеться, и я зашел в караульню; мы обнялись и оба заплакали, равно и все бывшие в карауле офицеры. Я, увидев на столе Анненский крест на узкой ленте, спросил у него, что это значит. Он мне отвечал: «Сейчас мне принесли и сказали, что это второй класс Анненского ордена, которым император меня пожаловал, и что оный должно носить на шее». Прежде мы знали только ленту со звездой сего ордена.

На другой день был тоже развод Измайловского полка, и великому князю хотелось, чтобы некоторые командные слова были уже по-гатчински, и чтобы все офицеры имели на параде трости и с раструбами перчатки. Когда я к нему явился в 5 часов утра, он мне приказал тотчас отправиться и скупить сии вещи и чтобы они находились на полковом дворе, а он туда приедет в 8 часов; развод же назначен был в 11. Сия комиссия была самая затруднительная, ибо где найти столько тростей и перчаток, и когда еще все лавки заперты, а в ноябре месяце рассветает только в 7 часов пополудни. Я просил его высочество, чтобы он пожаловал несколько из своих ездовых в мое распоряжение, на что он согласился; я разослал их по всем перчаточникам, а сам поехал по Гостиному двору. К счастью моему, лавочникам в эту ночь что-то не послалось: все лавки были открыты очень рано, и мне удалось вовремя исполнить поручение, чем великий князь был очень доволен.

Правду сказать, что офицеров при полку было налицо тогда очень немного. Одни находились просто в отпуску, а другие, подав челобитные в отставку, уехали с тем, чтобы уже более не возвращаться. Как великий князь сладил с разводом, и мы пошли ко дворцу. В приказе полковом сказано было, чтобы под знамя наряжать подпрапорщика. В прежнюю службу было четыре унтер-офицерских чина^[28], и в первых трех чинах дворян почти не было; а потому и наряжен был из сдаточных.

Развод остановился у бывшего Чичеринского дома. Великий князь приказал мне взять подпрапорщика, идти во дворец и, остановясь перед кабинетом императора, велел доложить его величеству, что развод Измайловского полка готов и адъютант пришел за знаменем. Я все сие исполнил, и с докладом к императору пошел И.П.Кутайсов, бывший тогда простым камердинером. Кутайсов отворил дверь кабинета и показал мне знаком войти.

Император стоя надевал перчатки, а граф Безбородко выходил с бумагами. Его высочество, приказавши уже мне взять знамя, спросил у меня, увидя подпрапорщика большого роста:

- А что, он дворянин? Я отвечал:

- Никак нет.

— Знамя должно быть носимо дворянином, — сказал император, — а потому и приведите мне унтер-офицера из дворян.

Я тотчас пошел к разводу, который уже строился на площади против дворца. Великий князь, увидя меня, не мог понять, отчего я иду без знамени; а когда он узнал, что наряжен был под оное не дворянин, он чрезвычайно огорчился и сказал мне:

— Возьми хоть сержанта и поди скорее, — что я и сделал.

Императора уже в кабинете не было; он пошел к императрице и через несколько минут вышел к разводу. Достоин примечания, что народу на площади было очень мало, и сие небывалое зрелище в Петербурге, — чтобы сам император, едва вступивший на престол, присутствовал при разводе, — никакого приметного действия не произвело, и как будто это всегда случалось. Император был разводом нашим доволен и изъявил свое благоволение, что нас очень ободрило, а радость великого князя была неизреченна.

Образ нашей жизни офицерской совсем переменялся; при императрице мы помышляли только, чтобы ездить в обществе, театры, ходить во фраках, а теперь с утра до вечера на полковом дворе; и учили нас всех, как рекрут. Великому князю угодно было, чтобы я первый надел мундир нового покроя и обстриг себе волосы, и меня это так переменяло, что когда я приехал домой, то сестра Анна Федотовна меня не узнала.

На четвертый день после восшествия на престол императора Павла мы видели зрелище совсем нового для нас рода, это было вступление гатчинских и павловских батальонов в Петербург. Войска одеты были совершенно по-прусски, в коротких мундирах с лацканами, в черных штіблетах, — на гренадерах шапки, как теперешние Павловского полка, а на мушкетерах маленькие треугольные шляпы без петлиц, а только с одною пуговкой. Офицеры одеты были все в изношенных мундирах, а так как цвет их был темно-зеленый и, вероятно, перекрашен из разноцветных сукон, то все они полинялы и представляли вид пегий. Император Павел, еще наследником, был генерал-адмиралом и президентом адмиралтейской коллегии. Во флоте были батальоны и назывались морскими; они употреблялись на кораблях для десантов. Из сих-то войск составлены были в Гатчине и Павловске батальоны из кадет морского корпуса, оказавшихся неспособными к морской службе, а оттуда переводимы были в гатчинские и павловские батальоны.

Едва войска пришли к заставе, как прислан был с донесением о том поручик Радьков. Император сам надел на него орден Св. Анны 2-го класса и назначил его адъютантом к наследнику; приказав войскам идти, сел на лошадь и поехал к ним навстречу. Когда войска вошли в алиние-ман на Дворцовой площади, император сам сказал:

— Благодарю вас, мои друзья, за верную ко мне вашу службу, и в награду того вы поступаете в гвардию, а господа офицеры чин в чин.

Всех батальонов было шесть, из коих назначены были: императора и Аракчеева — в Преображенский, наследника и Недоброва — в Семеновский, великого князя Константина Павловича и Малютина — в Измайловский полк, рота егерей — в гвардейский егерский батальон. Прежде при каждом гвардейском полку была егерская команда, из которых при императоре Павле составлен был батальон. Кавалерия поступила в конную гвардию. С какой радостью великие князья увиделись со своими сослуживцами, и с какою печалью мы должны были считать их своими товарищами! На всех нас напало какое-то уныние. Иначе и быть не могло, ибо сии новые наши товарищи не только были без всякого воспитания, но многие из них самого развратного поведения; некоторые даже ходили по кабакам, так что гвардейские наши солдаты гнушались быть у них под командою.

В Измайловском полку было три адъютанта: Бахметев, Арбенев и я; великий князь обоим первым написал в роты, а меня оставил, и назначил двух гатчинских, бывших адъютантами в его высочества и Малютина батальонах: Черепанова и Шебуева. Прежде в каждом гвардейском полку была полковая канцелярия, и один из офицеров был секретарем; сие звание было штатное. В сей канцелярии

производились все письменные дела, адъютант заведовал только нарядами и рапортами, касающимися до строевой части. По новому образованию, канцелярия была уничтожена, а с нею находившиеся в оной писаря, и вся эта обуза пала на меня как на полкового адъютанта, так что я ни на минуту не имел отдыха; со своими родными даже по несколько дней я не видался.

Ноября 30 был развод нашего полка. В 6 часов утра я должен был ехать к коменданту Аракчееву, который жил во дворце, за некоторыми приказаниями. Выходя от него, я встретил наследника; увидевши меня, с свойственною ему прелестною улыбкою его высочество сказал мне:

- Поздравляю, Комаровский.

Я спросил:

С чем, ваше высочество?

- А разве брат тебе ничего не сказал? — продолжал он. Я ему отвечал:

— Ничего.

Тогда он мне говорил:

— Считайте, что я вам ничего не говорил.

Я поехал в полк, где был уже великий князь, и, не могши скрыть моей радости, я сказал ему:

- Наследник с чем-то изволил меня поздравить. Его высочество мне отвечал:

— Поздравить? Разве он знает — с чем, а я ничего не знаю.

Тогда приказы при пароле отдавались в комнате; все адъютанты и дежурные по полкам и по караулам штаб-офицеры писали оные в записных своих книжках. Приказы диктовал наследник как военный губернатор, и сам император тут всегда находился. Цепь была из конногвардейского внутреннего караула. Мне случилось близко стоять от государя; между прочими пунктами приказа один начинался: лейб-гвардии Семеновского полка капитан Путилов назначается адъютантом к его императорскому высочеству наследнику; лейб-гвардии Измайловского полка полковой адъютант Комаровский назначается адъютантом к его императорскому высочеству Константину Павловичу, с чином капитан-поручика. Меня так это удивило, что я не знал, что делать; чувствовал только, что император ударил меня слегка по плечу рукой и сказал:

— Что же ты, брат, стоишь? Дело, кажется, идет не обчужом.

Я взглянул на наследника; он мне сделал знак глазами, чтобы я благодарил. Я тотчас стал на одно колено, и государь подал мне поцеловать руку. Я не могу изъяснить моей радости, особливо как вспомнил, что избавляюсь от всех столь несносных для меня хлопот[29].

Я узнал после, что накануне этого дня в комнатном собрании государь подошел к великим князьям и спросил у них:

— Что вы, господа, не берете к себе никого еще в адъютанты?

Они поклонились и ничего не ответили. Лишь только государь отошел, то наследник спросил великого князя Константина Павловича:

- Ты доволен Комаровским?

Он отвечал:

- Доволен.

- То сделай же мне одолжение, — продолжал наследник, — возьми его к себе в адъютанты, а я возьму Путилова.

После государь опять подошел к ним и сказал:

— Что, господа, надумались ли?

Тогда великие князья уже просили о назначении к ним в адъютанты: наследник — Путилова, а великий князь Константин Павлович — меня и с повышением в чине, на что император изъявил свое соизволение. Стало быть, и в сем случае видна была ко мне милость наследника.

Сие повышение в чине было для меня весьма выгодно, но обидно для моих товарищей, ибо я был из младших поручиков[30]. Новая моя должность была гораздо покойнее прежней, а главное, что я ни за какие упущения по оной не подвергал себя ответственности. Мне казалось, что император Павел был ко мне милостив.

Января 6-го 1797 года, в день Богоявления Господня, был парад всем гвардейским войскам для водосвятия и окропления знамен и штандартов святою водою. Мороз был в 14 градусов при сильном ветре. Иордань была устроена против сената; император и оба великих князя были при войсках верхами, а императрица, великая княгиня, великие княжны и весь двор шли пешком из Зимнего дворца на Иордань и обратно, и многие от сего занемогли. При императоре Павле поздравления делались всегда накануне придворных праздничных дней, а так как на другой день было рождение великой княжны Анны Павловны, то и приказано было съезжаться во дворец к вечеру того же 6 числа. Началось поздравление. Император обыкновенно всем мужчинам давал целовать руку; когда пришла моя очередь и я подошел к нему, его величество, придерживав мою руку, сказал с веселым видом:

— Что, брат, справился ли ты, все ли у тебя цело? — Надобно было разуметь, что не отморозил ли я чего.

Я отвечал, что совершенно здоров.

Наступило время приготовления к отъезду на коронацию. Вся свита разделена была на несколько отрядов, но принадлежавшим к великим князьям приказано было собраться в Павловское, где и двор находился. Тут я нашел комендантом и шефом Павловского гренадерского полка [31] Ф.Ф.Вадковского, с которым я был очень знаком и которого иначе не видал, как сидевшего целые дни перед камином в вольтеровских креслах; он служил камергером при дворе, куда он никогда не ездил. В древние времена он был любимцем императора Павла и был в его свите, когда его величество вояжировал под именем Северного графа. Ф.Ф. сам не мог надивиться этой с ним перемене и сказал:

— Я должен был принять, что мне предложили; я его давно знаю, он шутить не любит, хотя уже двадцать лет, как я военную службу оставил.

За несколько месяцев перед отъездом в Москву на коронацию император купил у графа Безбородка преогромный его дом против Головинского сада и назвал оный Слободским дворцом. Приказано было пристроить две большие по бокам деревянные залы; сей дворец сгорел во время нашествия французов. Отряд, в котором я находился, приехал в Москву прежде двора. Свита великого князя Константина Павловича помещена была против Слободского дворца, в старом сенате, где назначено было место пребывания и для его высочества. По принятому обыкновению император остановился в Петровском дворце. Вся гвардия на сей случай была отправлена в Москву. В церемонию наряжены были камергеры и камер-юнкеры; а так как было холодно, то и приказано было им иметь юбер-роки, т.е. род широких кафтанов, из пунцового бархату. Ничего не было смешнее, как видеть этих придворных, привыкших ходить по паркету в тонких башмаках и шелковых чулках, — верхом. Бог знает на каких лошадях, и на тех — не умеющих держаться и управлять ими; многих лошади завозили куда хотели, и оттого сии царедворцы потеряли свои ряды и наделали большую кон-фузию. Особенно примечателен был между ними граф Хвостов, бывший тогда камергером. Император остановился в Кремле только чтобы приложиться к святым мощам и иконам, и, сев опять на лошадь, продолжал шествие свое до Слободского дворца, куда прибыли уже, как начало смеркаться. Мимо государя прошли, однако же, церемониальным маршем все войска, бывшие в строю. Надобно было посмотреть на несчастных придворных; некоторых из них принуждены были снимать с лошадей, так они от холоду, можно сказать, окоченели.

Великий князь поручил мне купить для его седла лошадей. Я ездил по англичанам, барышникам, но ничего не мог найти порядочного. Мне сказали, что есть хорошие верховые лошади у г. Гончарова, имевшего славные, парусинную и бумажную, фабрики. Узнав, где он живет, я к нему поехал, но не застал его дома, а жена г. Гончарова просила меня к ней войти, что я исполнил. Она приняла меня очень ласково, говорила, что муж ее будет в отчаянии, что не случилось его у себя, что он непременно на другой день сам ко мне приедет; просила только сказать, где я живу, в котором часу он может со мною видаться, изъявляя желание чаще у себя меня видеть, пока двор пробудет в Москве. На другой день, чуть свет, г. Гончаров был уже у меня, и мы вместе поехали к нему смотреть лошадей. Я нашел у него двух — очень хороших статей, и сказал ему, что я должен их показать великому князю Константину Павловичу, что я, по приказанию его высочества, ишу для него лошадей.

Гончаров обеспамятел от радости и сказал:

— Ах, как бы я был счастлив, если бы мои лошади понравились его высочеству, и удостоил бы великий князь принять.

Я ему отвечал:

— Я не думаю, чтобы великий князь принял ваших лошадей даром.

По возвращении во дворец я донес его высочеству, что я нашел двух лошадей, и спросил, когда угодно будет их видеть, назвав и хозяина оных. Великий князь приказал привести их на другой день, но чтобы отнюдь г. Гончарова тут не было. Я тотчас послал к нему ездового с запиской, прося его

самого не беспокоиться; я узнал после, что Гончарова это очень огорчило. Одна из лошадей очень понравилась его высочеству, и он приказал узнать о цене; я ему доложил, что хозяин этой лошади денег не возьмет, а, если угодно, можно сделать ему подарок. Великий князь приказал мне отвезти к нему табакерку с бриллиантами, стоящую цену лошади. Гончаров был чрезвычайно рад этому подарку и не переставал носить табакерку, хотя не нюхал табаку, покуда всем знакомым своим одной не показал. С тех пор Афанасий Иванович Гончаров сделался моим хорошим приятелем и просил меня принять от него в подарок одну лошадь.

Император Павел назначил день своего коронавания в светлое Христово Воскресенье. Вся императорская фамилия говела на Страстной неделе и в Великий четверг должна была причаститься Святых Тайн, кроме императора, в церкви у Спаса за золотою решеткой. Обедня совершаема была митрополитом Платоном; я был дежурным, находился тоже в церкви и был свидетелем зрелища, которое навсегда у меня останется в памяти.

Пусть представят себе императрицу Марию Феодоровну в цвете лет, великих княгинь: Елисавету Алексеевну и Анну Феодоровну, Марию Павловну и Екатерину Павловну, всех одетых в белых платьях, и скажут, можно ли видеть более августейших красавиц, вместе соединенных! Один Платон умел это достойно изъяснить.

Когда огворились царские двери, и прежде нежели дьякон вынес сосуд, митрополит вышел из алтаря и, как будто пораженный блеском сих красавиц, отступил назад, потом, обратясь к императору, сказал:

— Всемиловитейший государь! Воззри на вертоград сей, — и повел рукою, показывая на предстоявших; у императора приметны были слезы на глазах. Коронация происходила обыкновенным порядком; император короновал императрицу Марию Феодоровну, но было достойно примечания, что император во время причастия вошел в алтарь, взял сосуд и, как глава церкви, сам причастился Святых Тайн. Потом на троне прочел сам фамильный пакт, им составленный, о порядке наследия на престол; сей пакт повелел хранить & серебряном ковчеге в Успенском соборе.

Примечательно было, что на бале, в Грановитой палате, дамы были одеты в робах черного бархата с преогромными фижмами; бал открыла императрица Мария Феодоровна с князем Александром Борисовичем Куракиным менуэтом, и прочие дамы ей последовали.

Скоро после коронации император с обоими великими князьями воспринял путешествие в Казань. С великим князем Константином Павловичем поехал мой товарищ Сафонов; он был капитаном Измайловского полка.

Кстати, о Сафонове: любопытно будет знать, каким образом он попал в адъютанты к великому князю Константину Павловичу. Сафонов у нас в полку был в числе черных офицеров, т.е. не имеющих ни малейшего воспитания. До восшествия императора Павла на престол он уже подал челобитную в отставку и отправил большую часть своих пожитков в деревню, а остался дожидаться первого пути, чтобы самому с матерью туда же отправиться. Как сделалась перемена в правлении, он просил меня, чтобы его высочество исходатайствовал ему отставку. Великий князь отвечал, чтобы Сафонов сходил хотя один раз в караул, и если удачно, тогда его высочество удовлетворит его желанию. Между тем император, проходя один раз мимо наших офицеров, во время развода, заметил Сафонова, вероятно, потому, что он всех офицеров был лицом старообразнее, спросил о нем у майора нашего полка, генерал-майора Кушелева, и когда узнал его фамилию, еще раз поглядев на него пристально, пошел далее. В тот же день, после обеда, приходит камердинер от государя к великому князю с повелением, чтобы капитану поручику Сафонову приказать приехать к его величеству. Тотчас послан был ездовой в полк, и Сафонов полумертвый является к императору. Государь спрашивает у него, не тех ли он Сафоновых, которые в родстве с Гендриковыми. Он отвечал:

- Тех, государь.

Так, стало быть, мы свои, — продолжал император, — мне нужно иметь при великом князе Константине Павловиче человека пожилых лет, вроде дядьки, который бы мне доносил о всех действиях его высочества и ничего бы от меня не скрывал; мне кажется, я в тебе этого человека нашел; я тебя назначаю адъютантом к великому князю, но только именем.

Сафонов не мог опомниться от радости. Император в ту же минуту послал за великим князем, который чрезвычайно удивился, увидя императора в кабинете с Сафоновым. Государь, взяв его за руку, сказал его высочеству:

— Вот человек, которому я тебя поручаю; он хотя и адъютант твой, но ты должен в нем видеть доверенною особу.

Потом все вместе пошли к императрице, и государь, входя к ней с веселым видом, сказал ей, держа Сафонова за руку:

— Я наконец нашел человека, которого искал для Константина Павловича.

Императрица наговорила множество приятных вещей Сафонову.

Я был тогда у великого князя, и каково же было мое удивление, когда я увидел его высочество, идущего вместе с Сафоновым как с равным себе, и, обнявши его, великий князь сказал с притворно веселым лицом:

— Прошу иметь почтение и уважение к Павлу Андреевичу; он хотя и имеет звание моего адъютанта, но он гораздо для меня более сего звания.

Недолго Сафонов пользовался своим преимуществом; великий князь взял такую над ним поверхность, что он был из первых его льстецов и ни одного раза не смел доносить государю о поступках его высочества.

По возвращении из Казани в Петербург император назначил великого князя Константина Павловича главным начальником над 1-м кадетским корпусом, по тому примеру, вероятно, что отец его величества, император Петр III, был директором оного в царствование Елисаветы Петровны. Императрица Екатерина поручала сей корпус всегда начальству генерала, имевшего военную репутацию, каковы были: граф Ангальт, граф де Бальмен и т.п. Последний был в ее царствование М.Л.Кутузов, которого император Павел назначил командиром войск, в Финляндии расположенных, а на место его директором кадетского корпуса — славного генерала, графа Ферзена, который разбил и взял в плен Костюшко. Великий князь поручил мне письменные дела, как по кадетскому корпусу, так и по Измайловскому полку. Его высочество всякий день поутру, в 5 часов, ездил в корпус со мною; ему приятно было видеть, как по барабану несколько сот детей вставали и одевались.

Между тем поступало ко мне множество бумаг от графа Ферзена по бывшим будто бы злоупотреблениям, допущенным генералом Кутузовым, распродажею пустопорожных мест, корпусу принадлежащих, и прочее. Я заметил, что между сими двумя генералами была взаимная личная вражда, от зависти, может быть, в военном ремесле происходившая. Мне хотелось, чтобы предоставления графа Ферзена не сделали вреда генералу Кутузову, ибо я знал строгость императора, и если бы сии бумаги доведены были до сведения его величества, то генерал Кутузов непременно бы пострадал. Я много раз ездил к графу Ферзену и старался его склонить к некоторому снисхождению, но успеть в том не был в состоянии. Наконец, выбрав веселую минуту великого князя, я объяснил все его высочеству. Он, меня поблагодарив, приказал мне поехать к графу Ферзену и сказать ему, что все, что было сделано в управление генерала Кутузова корпусом, происходило в царствование его августейшей бабки, и что его высочеству не угодно, чтобы генерал, служивший ее величеству с честью, получил какую-либо неприятность; а потому приказывает его превосходительству, чтобы впредь никаких представлений на генерала Кутузова более не делать. Графу Ферзену это было очень неприятно. В первый раз, как я встретился во дворце с генералом Кутузовым, которому, вероятно, все было известно, он меня чрезвычайно благодарил.

Первый кадетский корпус был преобразован Бецким в царствование императрицы Екатерины II. По штату положено было пяти возрастам, и в каждом возрасте по сто кадет, выпускники были через 15 лет; впоследствии сие изменилось, и выпускали по успехам, но кадеты никуда отпускаемы не были во время нахождения их в корпусе, и для того были казенные лошади и кареты, в которых возили их прогуливаться. Кадеты получали воспитание моральное и гимнастическое; для сего последнего устроен был манеж, который и теперь существует. Кадет учили вольтижировать, верхом ездить, фехтовать и танцевать. Император Павел, желая увеличить число кадет, приказал составить новый штат и уничтожить все гимнастические классы, даже и танцевальный, оставив фехтвальный и манеж. Для составления сего штата назначены были генерал-майор Андреевский, служивший в корпусе, экономом оного барон Аш и я. Мы нашли способ прибавить 226 кадет, и так число оных было 726, а вместо возрастов кадеты были разделены на роты; штат сей был подтвержден [\[32\]](#).

Из загородных дворцов, доставшихся после императрицы Екатерины императору Павлу, он любил Петергоф, Царского же Села терпеть не мог. Проведя весенние месяцы в 1798 году в Павловске, император в начале июня со всем двором переехал в Петергоф, где квартировал ее величества полк, оным командовал Михаил Алексеевич Обресков. На время высочайшего пребывания в Петергофе великий князь Константин Павлович назначен был военным губернатором, Обресков — комендантом, я — плац-майором, а Измайловского полка адъютант Черепанов — плац-адъютантом. Время было прежаркое. Один раз император, встретив меня, сказал:

— Мы здесь совсем как в Африке.

Тогда приехали в Петергоф два брата императрицы Марии Феодоровны, герцоги Фердинанд и Александр. Император ездил всякое утро верхом с герцогами и обоими великими князьями; я бывал всегда в свите. Скоро после того начались гонения на многих придворных, а особливо на тех, к коим императрица Мария была милостива; в числе их был граф Н.П.Румянцев, которому велено было

ехать в чужие края; шталмейстер князь Голицын сослан был в Москву; князь А.Б.Куракин, бывший генерал-прокурором, отставлен, а на место его назначен Лопухин; генерал-адъютант Нелидов, бывший любимцем императора и имевший военный портфель, отставлен, а на место его определен генерал Ливен; граф Буксгевден, тесть Нелидова, бывший петербургским военным губернатором, отставлен, и на место его назначен граф Пален; Нелединский, бывший у принятии челобитен, отставлен, и на место его определен Неплюев[33].

Причину сих гонений и перемен полагали начинавшийся фавор Кутайсова, который был тогда болен жабою, — ему дан был орден Св. Анны 2-го класса, а говорили, что ему приложили красный пластырь на шею, чтобы скорее выздоровел, — а вместе с тем и рождавшаяся страсть к дочери Лопухина много способствовала таким действиям императора. Лопухин скоро потом выдал одну из своих дочерей за сына Кутайсова, и тем составила партия, которая не могла быть в духе императрицы Марии Феодоровны.

Должность великого князя, как военного губернатора обязывала его находиться при вечернем рапорте караульного офицера, подаваемом императору. Всякое воскресенье были в Петергофе балы, на которые приглашались иногда иностранные министры. В одно воскресенье, после такого бала, который продолжался довольно долго, когда вся императорская фамилия вошла во внутренние комнаты, император со всеми распрощался, в том числе и с великим князем Константином Павловичем. Его высочество, возвратясь к себе, сказал мне:

— Государь меня отпустил, прикажи подать мне кабриоль; я поеду погулять в Нижний сад.

Через полчаса после отъезда великого князя приходит граф Ливен и спрашивает у меня, где его высочество, говоря при том, что государь дожидает его, чтобы принять рапорт от караульного офицера. Я ему отвечал, что великий князь поехал в сад, и его высочество считает, что государь его отпустил; но я тотчас пошлю отыскать великого князя. Не прошло получаса, как граф Ливен опять приходит и говорит мне:

— Скажите его высочеству, что государь на него гневается, что он не знает своей должности.

Лишь только граф Ливен ушел, как посланный мой отыскал великого князя, и он прискакал домой. Торопливо спрашивает меня:

— Ну, что сделалось?

Я ему пересказал все, что случилось в его отсутствие; его высочество чрезвычайно огорчился и послал меня узнать от караульного офицера, как это происходило. Караульный офицер мне сказал, что государь долго не принимал его с рапортом, ожидая все великого князя, наконец приказал ему войти и принял рапорт.

На другой день, рано поутру, великий князь прислал за мной. Я нашел его весьма встревоженным.

— Я не мог во всю ночь почти уснуть, — сказал мне его высочество.

Он тотчас решился написать письмо к государю, но оно возвращено было нераспечатанным; после того приходит Обресков и говорит его высочеству:

— Государь знает, что ваше высочество сегодня нездоровы, а потому приказал мне подать рапорт при разводе, — который великий князь принужден был ему отдать.

Это довершило отчаяние его высочества. Чтобы больше еще привести его в затруднительное положение, императрица присылает к нему записку, в которой приглашает его с собой прогуливаться в колясочке. Я не знаю, что он отвечал на записку императрицы. Ходя долго по комнате взад и вперед, наконец он бросился ко мне на шею и сказал:

— Мне пришла мысль, исполни ее: поди сейчас кИ.П.Кутайсову, скажи ему все, что со мной случилось, скажи, в каком я отчаянии, и чтобы он испросил у государя одну милость, чтобы меня выслушать.

Кутайсов был болен и жил под самым государевым кабинетом, что у гауптвахты; лишь только я к нему вошел, как он мне говорит:

— Вы, верно, пришли от великого князя КонстантинаПетровича? Я все знаю. Государь у меня был и все пересказал; не стыдно ли великому князю не исполнять своей обязанности и тем приводить в гнев своего отца и государя? Такая встреча меня удивила. Я ему на сие сказал:

Если бы его высочество был виноват, он не стал бы себя оправдывать, а великий князь прислал меня просить вас, чтобы вы испросили у государя одну только милость, чтобы его выслушать.

Хорошо, сударь, — отвечал Кутайсов, — я исполню волю его высочества.

Я пожалел великого князя и не передал ему всего разговора, а сказал только, что И.П. обещал исполнить его волю. Через несколько минут опять великий князь послал меня к Кутайсову; лишь только я поровнялся с гауптвахтой, как государь выходит от Кутайсова, увидя меня, прямо идет ко мне навстречу и, вертя своею тростью, грозно мне сказал:

— А! Ты послом ходишь.

Я тотчас стал на колени и говорю ему:

- Государь, великий князь перед вами не виноват. Его так это удивило, что он, взяв меня за руку, сказал:

Встань, встань, — как не виноват? Надень шляпу.

И, взяв меня под руку, пошел со мной по аллее Верхнего сада. Я объяснил государю, как великому князю показалось, что он его отпустил, и уверял в привязанности великого князя к его величеству не только как к отцу, но как к государю; и что он вернейшего подданного, как великий князь, у себя не имеет; что гнев государя довел его высочество до отчаяния.

Как, он точно огорчен? — прервал государь.

Он так огорчен, — продолжал я, — что если сие состояние продолжится, то он, я уверен, сделается больным.

Тогда государь начал мне рассказывать, как все против него, т.е. императрица и наследник; что он окружен шпионами; в сию минуту прошел вдали парикмахерский ученик, и государь, показывая на него, сказал мне: «Ты видишь этого мальчишку; я не уверен, чтобы и ему не велено тоже за мной присматривать»; что его величество полагался на привязанность одного только Константина Павловича, но накануне сделанный им поступок заставил государя думать, что и он передался противной партии. Наконец император присовокупил:

— Ну, если я его прощу, что, он этому обрадуется?

Я отвечал ему: «Его высочество будет без памяти от радости, государь!»

Тут он, приняв веселый вид, сказал из итальянской оперы:

— Передайте ему от меня, что я его прощаю, чтобы он послал взять рапорт у Обрескова и подал бы мне оный при разводе, подошел бы, как обыкновенно, не показывая ни малейшей радости, чтобы никто не догадался о том, что между нами происходило, — и приказал мне идти.

Великий князь ожидал меня с нетерпением и не мог понять, отчего я долго так не возвращался. Когда я ему рассказал, что со мной случилось, он сначала не хотел верить, но видя, что я ему говорю именем государя, как ему поступать должно во время развода, тут он бросился ко мне на шею и начал меня целовать, и так крепко обнимал, что я думал, что он меня задушит. Когда великий князь с рапортом подошел к государю, его величество ему сказал:

— Ты имеешь прекрасного посланника.

С тех пор государь всякий день что-нибудь приятное мне говорил. Я выше сказал, что это лето было прежаркое. Наследник, великий князь Константин Павлович, двое князей Чарторыйских, из коих один был при великом князе Александре Павловиче, а другой при Константине Павловиче, граф П.А.Строганов, князь Волконский, адъютант наследника, и я всякий день ходили купаться в петергофскую купальню, и великий князь Александр Павлович учил меня плавать.

Один раз до того расшалились, что у гавани стоял превысокий столб, на котором утвержден фонарь для мореплавателей, и преузенькая лестница вела к фонарю, и всякий должен был туда взлезть, чтобы показать, что не трус, а столб был так ветх, что когда влезешь, то он весь шатался. Все это лето много делали резвостей подобного рода.

Осенью того же года назначены были маневры в Гатчине; войска разделены были на две армии: одною командовал граф Пален, а другою Кутузов. Великий князь Константин Павлович опять назначен был военным губернатором в Гатчине; генерал-майор Чертков, командир Преображенского полка, комендантом; того же полка полковник Цызерев — плац-майором, а я разжалован был в плац-адъютанты. В Гатчине жизнь была довольно приятная: поутру маневры, а ввечеру, всякий день, французский спектакль на придворном театре. Я особливо находил удовольствие в гатчинской жизни, потому что у обоих великих князей была общая передняя, и я всякий день имел счастье видеть наследника и говорить с ним. Великий князь Константин Павлович обходился со мной тоже весьма милостиво. В Гатчине 18 сентября я произведен в полковники. Когда войска возвращались в Петербург, на первом привале у Пудоской мельницы, 28 сентября, государь пожаловал меня кавалером Анненского ордена на шпаге, который был тогда третьего класса.

При императрице Екатерине два ордена, т.е. Андреевский и Александровский, имели свои орденские платья: первого — была мантия зеленого бархата с глазетовым серебряным воротником, камзол и нижнее платье из такого же глазета, и цепь сего ордена надевалась на шею, круглая шляпа черного бархата с белыми вокруг тульи перьями; второго — платье отличалось только тем, что мантия была красного бархата. Императрица в сии праздники обедала с кавалерами сих орденов.

Император Павел, сверх того, учредил еще три кавалерские праздника: первый — Св. Иоанна Иерусалимского 24 июня, второй — ордена Св. Анны 3 февраля и третий — праздник всех орденов в день Св. Михаила 8 ноября. Ан-ненский орден имел платья по классам, которых тогда было три: первый лента через плечо со звездой, второй крест на шее, а третий на шпаге; платье вообще было: мантия пунцового бархата с золотым глазетовым воротником, шляпа круглая из такого же бархата, на одно поле поднято, сверх которого приколоты были пунцовые перья, 1-й класс имел мантию до каблука и на шляпе три пера; 2-й — мантию до половины икры и на шляпе два пера; а 3-й — мантию до колена и на шляпе одно перо. Ордена Св. Иоанна Иерусалимского платье состояло из скупервеста черного бархата с большим мальтийским крестом спереди и сзади. Ордена Св. Георгия и Св. Владимира императором Павлом были уничтожены, как учрежденные, вероятно, его матерью.

В кавалерские праздничные дни император всегда сам бывал в процессии, которая собиралась в зеркальной комнате, а кавалеры шли по два в ряд — младшие впереди — в большую придворную церковь и обратно. Его величество всегда был в церемонии в императорской короне и в далматике.

---

[1] Батюшка устроил на реке Ухте винокурный завод и имел еще в других местах до 120 душ крестьян, которые отданы были потом моим двум сестрам. Наследственные мои деревни в Ухотской волости я подарил племяннице моей А.А. Щупепниковой.

[2] Это было в 1777 году. Я помню, что меня возили смотреть иллюминацию в день рождения будущего императора Александра Павловича.

[3] Он был премьер-майором Измайловского полка и командиром оного.

[4] Станислав, король польский, находился тогда в местечке Каневе, на берегу Днепра. Он имел свидание с императрицею на ее галере.

[5] В Мейсене находится славная фарфоровая фабрика, которой масса, из чего приготавливают фарфор, есть лучшая из всех известных. Недалеко оттуда, в почтовом ломе на станции Росбах, мне показали стул, на котором Фридрих Великий провел ночь накануне сей знаменитейшей баталии.

[6] В царствование императрицы Екатерины II других курьеров не посылали в чужие края, как служащих в гвардии дворян сержантами. Нас всегда несколько находилось для сего предмета при Иностранной коллегии. Сие постановление было самое благодетельное, ибо оно доставляло небогатым дворянам случай видеть чужие края на казенный счет.

[7] Он был флигель-адъютантом императрицы, которые могли носить мундиры всех войск, кроме гвардейских, с особливим только шитьем.

[8] Сказывают, что генерал Уваров, — всем известно, как он говорил по-французски, — узнавши сие, едучи в Лондон, сказал своему камердинеру: «Charles, prends garde a mon mal de derriere» («Шарль, будь начеку относительно опасности для меня сзади»).

[9] Интересно сравнить этот эпизод с описанием кулачного боя у В. Гюго в «Человеке, который смеется» (Прим. Константина Дегтярева)

[10] Его звали Григорием Алексеевичем; его родная сестра была замужем за графом С.Р. Воронцовым.

[11] Он оставил по себе незабвенный памятник христианской добродетели учреждением в Москве знаменитой Голицынской больницы.

[12] Сказывают, что на сей горе в начале христианства проповедуемо было слово Христа Спасителя.

[13] Сей загородный дом князь Голицын после смерти отказал графу Н.П.Румянцеву.

[14] Мы жили тогда в купленном нами доме в Измайловском полку, в 10-й роте.

[15] Кельнским курфюрстом тогда был Максимилиан, сын Марии-Тере-зии и брат императоров Иосифа II и Леопольда II.

[16] Сие происходило в начале июня месяца 1792 года.

[17] Пажи его одеты были в голубых бархатных кафтанах, по всем швам вышитых серебряными блестками. Князь Эстергази считается первым магнатом и богачом венгерским. Он имеет право содержать некоторое число войск конных и пеших на своем иждивении.

[18] Которые были тоже на коронации: камергер Колычев, граф Витгенштейн — он был поручиком конной гвардии, князь Егор Голицын — прапорщиком Преображенского полка, несколько чиновников посольства и я.

[19] Князь Зубов оказал мне впоследствии большое благодеяние. Зять мой А.Н.Астафьев невинным образом был отрешен от должности советника Петербургского губернского правления и находился несколько лет под судом оттого только, что доклад о нем лежал у генерал-рекетмейстера Терского. Но по просьбе моей князь Зубов послал к нему записку, и дело зятя моего на другой же день было доложено и решено императрицею.

[20] В этот день на бале во дворце полковыми командирами все вновь и в следующие чины произведенные гвардии офицеры представляемы были публично императрице, которым она жаловала целовать свою руку.

[21] В то время были прекрасные публичные балы под названием дворянских; число членов было ограничено, и лучшая публика на оные съезжалась, Также были балы, называемые английскими; в них участвовали и иностранные негоцианты.

[22] Тогда говорили, что посол, после одной роли, очень уставши, поехал домой и лег в постель; едва он заснул, как камердинер его будит и вводит к нему курьера, приехавшего от императора с нужными депешами. Граф Кобенцель вскочил с постели, курьер, увидя его с насурменными бровями, нарумяненным, сделав несколько шагов назад, сказал: «Это не посол, а какой-то шут».

[23] Сие происходило в начале 1795 года.

[24] Граф Безбородко от природы был ленив и откладывал писать часто нужные бумаги до последней минуты. Во время своего туалета, перед тем, как ему ехать во дворец к императрице, карандашом писал проекты именных указов и проч. и посылал переписывать их в свою канцелярию.

[25] Великолепнейшие из праздников, данных шведскому королю нашими вельможами, были у графа Безбородки, у графа Остермана и у графа Самойлова; все сии праздники удостоены были присутствием императрицы Екатерины.

[26] Сие несчастье для всех подданных великой Екатерины случилось 6 ноября 1796 года.

[27] Он женат был на сестре Ланского, бывшего фаворита, и с тех пор имел позволение ездить на обед к императрице; он сим позволением пользовался всякий день, хотя императрица с ним никогда почти не говорила.

[28] А именно: фурьер, подпрапорщик, каптенармус и сержант, и еще был чин капрала, который на обшлага имел один позумент, а потому и не был в числе унтер-офицеров; из прочих три чина имели по два, а сержант — три позумента.

[29] Мне случилось быть свидетелем одной необыкновенной сцены. Крепостной мальчик Семеновского полка капитана Лихачева донес Архарову, бывшему тогда вторым петербургским военным губернатором, что господин его и того же полка капитан И.И.Дмитриев посягают на жизнь императора. Лихачева и Дмитриева посадили в крепость, но по сделанному строгому исследованию донос оказался ложным. Император приказал провести их обоих в ту комнату, где обыкновенно отдавались приказы, в то время, когда еще в оной все находились. Государь публично объявил, что Лихачев и Дмитриев невинны, и, обращаясь ко всем бывшим в приказной комнате, сказал: «Неужели я имею между вами, господа, изменников?» Тогда мгновенно все вдруг закричали: «Нет, государь!» и бросились целовать его руки. Император сим общим порывом изъявления верности был тронут до слез. По окончании сей сцены государь пошел к императрице Марии Федоровне и с восторгом сказал ей: «Теперь я уверен, что крепко сижу на престоле. Я сейчас получил новую присягу», — и рассказал ей все подробности того, что происходило в приказной комнате.

[30] Что и случилось: А.Н.Бахметев был настоящим полковым адъютантом; когда меня произвели в прапорщики, он отдавал о том в приказе, а когда меня произвели в капитан-поручики, он был еще в прежнем чине.

[31] Сей полк составлен был частью из Московского гренадерского и из других полков.

[32] Сие было в 1797 году, и я 11 августа того же года произведен был в гвардии капитаны.

[33] Сие гонение распространялось и на особ, к которым был милостив наследник; князь А.Н.Голицын, находившийся при его высочестве камергером, был отставлен и выслан в Москву.

ГЛАВА IV

Зима 1798— 1799 годов — Война с Францией — Суворов вызывается в Петербург — Великий князь Константин Павлович отправляется в действующую армию — Визит Людовику XVIII в Митаве — Поступок Винценгероде — Пребывание в Вене — Толки о Суворове — Граф Безбородко — Прибытие в армию — Бассиньяно и его последствия — Военные действия в Италии — Швейцарский поход — Встреча с герцогом Александром Виртембергским — Винценгероде — Беседа с Суворовым — Эстергази в Аугсбурге — Возвращение в Россию через Прагу — Чин генерал-майора — Быстрые повышения и производства — Приезд в Петербург и представление государю — Немилость государя к Конногвардейскому полку — Полк переведен в Царское Село и поручен великому князю Константину Павловичу — Формирование Уваровым Кавалергардского полка — Комаровский и Сафонов переводятся в армию — Аудиенция у наследника — Хлопоты у Оболянинова — Назначение комендантом Каменец-Подольской крепости — Милость наследника — Отъезд из Петербурга

Я эту зиму был в большой милости у великого князя Константина Павловича и пользовался совершенною доверенностию его высочества. Всякий день обедал за столом с ним и с великой княгиней.

Между тем загоралась опять война у австрийцев с французами, и на сей раз Россия намерена была принять деятельное в оной участие.

Император Франц, не находя, видно, между своими полководцами достойного противостоять французским предводителям армии, обратился с просьбою к союзнику своему, императору Павлу I, дать ему в главнокомандующие его армией никогда не побежденного фельдмаршала, графа Суворова-Рымникского, жившего тогда под присмотром капитана-исправника в Новгородской своей деревне^[1]. Император Павел изъявил свое согласие на просьбу Франца П. Послан был курьер за графом Суворовым, и фельдмаршал немедленно приехал в Петербург, где он принят был публикой с восторгом. Во втором свидании император, как уже гроссмейстер, надел на графа Суворова крест великого бальи ордена св. Иоанна Иерусалимского. Фельдмаршал поклонился об руку государю у сказал:

— Спаси, Господи, царя.

Император Павел, подняв его, обнял и отвечал:

— Тебе царей спасать.

Чтобы придать более важности сей кампании и удовлетворить желанию великого князя Константина Павловича, государю угодно было позволить его высочеству находиться волонтером при графе Суворове. Для сопровождения великого князя в пути и для нахождения в армии при его особе, назначен был из лучших генералов Екатеринина века генерал от кавалерии граф Дерфельден. Между тем собирались три российские армии на границе: 1-я под командою генерала от инфантерии Нумсена, долженствующая идти в Италию, 2-я под командою генерала от инфантерии Корсакова — на Рейн и 3-я под командою генерал-лейтенанта Германа — в Голландию. Генерал Нумсен скоро умер, и начальство принял старший по нем генерал от инфантерии Розенберг. Граф Суворов, пробыв в Петербурге с неделю, отправился в Вену.

Великий князь Константин Павлович изволил выехать из Петербурга в начале марта 1799 года^[2]. В свите его высочества находились: генерал граф Дерфельден, генерал-майор Сафонов, великого князя адъютанты, полковники: я и Ланг, Измайловского полка поручик Озеров и адъютанты графа Дерфельдена, кадетского корпуса поручик Пер-ский, двора его высочества доктор Вельцин и лейб-хирург Линдстрем, два пажа: Храповицкий, князь Гагарин и берейтор Штраубе. В карете с великим князем сидели граф Дерфельден, Сафонов и я. Сафонову поручена была экономическая часть, а я занимался всегда письменною.

Император Павел оказывал тогда большое покровительство французским принцам. Когда принц Конде был в Петербурге, его величество пожаловал ему дом у Синего моста, бывший графа Чернышева, и на коем написано было: Отель Конде. Королю Людовику XVIII государь дал убежище в Митаве, где находится дворец бывших герцогов курляндских. Сей дворец назначен был для жительства короля.

В проезд через Митаву великий князь послал меня навеститься о здоровье Людовика XVIII и просить позволения его навестить. Король мне сказал, что он будет счастлив увидеть сына своего благодетеля. Его высочество приказал и нам всем идти к королю. Его величество встретил великого князя в первой комнате, в коей в два ряда стояли его телохранители. Их оставалось еще несколько человек. Двор короля был тогда довольно многочислен. Людовик XVIII взял великого князя за руку,

привел в гостиную, куда и мы вошли, и, показав его высочеству портрет императора Павла, который висел над канапе, сказал:

— Вот мой благодетель.

Потом великий князь представил нас королю. Его величество пригласил его высочество, и со всеми нами, к обеденному своему столу. Нас сидело за столом особ пятьдесят. Первый камер-юнкер короля был герцог Дюрас. Я видел тут много других особ, принадлежащих к знатнейшим французским фамилиям. На самой австрийской границе ожидал уже его высочество, присланный для встречи и для сопровождения великого князя до Вены, от императора Франца II, князь Эстергази, сын и наследник того, который был послом при коронации во Франкфурте-на-Майне. Во время путешествия его высочества через владения императора римского отдаваемы были великому князю все возможные военные почести. Не доезжая до Вены, на последнюю станцию выехал навстречу дядя его высочества герцог Фердинанд Виртембергский, бывший тогда военным губернатором венским.

Я должен теперь обратиться несколько назад. Летом 1798 года приехал с письмом к великому князю Константину Павловичу от герцогини Кобургской, матери великой княгини Анны Феодоровны, находившийся в службе герцога Кобургского подполковник барон Винценгероде, который по просьбе его высочества великого князя Константина Павловича был принят в нашу службу майорским чином и назначен адъютантом к великому князю. Когда начались слухи о войне у австрийцев с французами и еще неизвестно было, что Россия будет в оной участвовать, Винценгероде просился служить волонтером в австрийской армии, но император Павел ему отказал, под тем предлогом, что его величеству неуютно, чтобы служащие в его войсках чиновники находились волонтерами в чужих армиях; а как иностранца, вероятно, неуютно было назначить Винценгероде быть при великом князе во время кампании. Он, однако же, упросил наследника написать письмо к герцогу Фердинанду Виртембергскому, что так как Винценгероде начал свою службу в австрийской армии, то чтобы герцог исходатайствовал у императора Франца принять опять его в свою службу, а он, под предлогом фамильных дел, отпросится в отпуск за границу.

Когда великий князь Константин Павлович сел в карету Фердинанда, чтобы вместе доехать до Вены, герцог просил позволения у его высочества прочитать письмо наследника, врученное ему великим князем, говоря, что, вероятно, великий князь Александр Павлович не пишет к нему никаких секретов; каково же было удивление обоих, когда они увидели, что Винценгероде все это делал скрытно от великого князя Константина Павловича, у которого он был адъютантом; а сверх того, наследник просит герцога, чтобы брат его, Константин Павлович, ничего о сем не знал. Сей поступок Винценгероде очень прогневал его высочество, равно и соучастие в нем наследника его огорчило. Я все это слышал от самого великого князя.

Мы приехали прямо в Бург: так называют в Вене императорский дворец. Великий князь переделся и пошел к императору. Для всей свиты его высочества отведены были во дворце комнаты, назначена прислуга, экипаж и верховые лошади. На другой день великий князь представил всех нас императору. Мы всякий день приглашаемы были к гофмаршальскому столу, а его высочество обедал с императором. Мы вообще мало приглашаемы были венскими вельможами; только один посол наш граф Андрей Кириллович Разумовский старался угощать великого князя и всю его свиту. Он давал большие обеды, завтраки и несколько балов в доме своем в Пратере, который тогда еще не был так великолепен, как теперь.

Между тем, лишь только граф Суворов приехал к армии, как начались победы; всякий день бюллетень объявлял о каком-нибудь выигранном сражении, так что граф Дерфельден спустя несколько дней сказал мне:

— Надобно просить великого князя ехать скорее к армии, а то мы ничего не застанем; я знаю Суворова, теперь уж он не остановится.

В Вене только и разговоров было тогда, что о славном нашем полководце. Когда он выезжал из своей квартиры, весь народ бежал за ним и кричал: «Виват Суворов!» — и провожал его до того места, где он останавливался. Выходя из кареты, фельдмаршал обращался к народу и кричал: «Виват Франц!» Сказывали, что один раз он был приглашен в обер-кригсрат, и просили графа Суворова привезти с собой план кампании. Фельдмаршал приезжает, садится на назначенное ему место. Начались между тем разные суждения; потом граф Тугут, первый того времени министр, обращается к графу Суворову и говорит:

— Вы, господин фельдмаршал, изволили, вероятно, уже сделать и привезти с собой ваш план кампании?

Граф Суворов встает с своего места, вынимает из-под мундира большой лист бумаги, разворачивает и кладет на стол; все увидели с удивлением, что это был лист белой бумаги, и потом сказал присутствующим:

— Я других планов кампании никогда не делал, — поклонился всем и уехал.

Наконец назначен был день нашего отъезда из Вены к армии. За несколько дней пред выездом нашим из Петербурга великий князь послал меня, по воле императора, спросить у графа Безбородко, кому и какие должно будет делать подарки при венском дворе. Я не могу не отдать и при сем случае полную справедливость необыкновенной памяти, великим познаниям и сведениям графа о всех европейских дворах. Он начал мне рассказывать, как будто читая в книге, родословную всех вельмож венских, кто из них чем прославился, кто и в какое время наиболее оказал услугу двору нашему, так что я около часу слушал его с большим любопытством и удовольствием, и познакомил меня почти со всеми вельможами, которых я увижу в Вене. Потом он сел и написал своей рукой список всем, которым должно дать подарки, и какие именно.

— Табакерку с портретом его высочества, осыпанную бриллиантами, назначив в какую цену, — сказал он, — должно подарить тому, кто послан будет на встречу великого князя. Вероятно, это будет или князь Эстергази, или князь Лихтенштейн, ибо сии тут две знатнейшие фамилии в Австрии.

Граф, конечно, и о прочих дворах имел такие же сведения. Когда я получил приказание от великого князя делать подарки, его высочество приказал мне показать список, данный мне графом Безбородкою, послу нашему графу Разумовскому. Он, прочитав его, сказал:

— Граф Безбородко совершенный гений; он лучше это знает, никогда не выезжавши из России, нежели я, который с лишком 15 лет живу здесь.

Князю Эстергази приказано было от императора сопровождать великого князя до главной квартиры фельдмаршала. Его высочеству угодно было возложить на меня вести журнал пребывания его в армии, в котором описаны все баталии, военные движения и действия, при коих великий князь находился. Сей журнал помещен был отрывками в военном журнале, издаваемом свиты его величества капитаном Рахмановым, и у меня оный находится в списке, а потому и упоминать здесь о происшествиях сей достопамятной кампании, которая, впрочем, известна всему ученому свету из сочинений разных классических авторов, я нахожу излишним, а ограничусь только изложением некоторых случаев, не относящихся собственно до военных действий. По приезде в армию мы нашли фельдмаршала в Вогере; это было поздно вечером; лишь только он узнал, что великий князь к нему пришел, граф Суворов выскочил из другой комнаты, подошел к его высочеству, поклонился ему об руку и сказал:

— Сын природного нашего государя. Фельдмаршал был одет в коротком белом кителе; на голове имел род каски, на которой был вензель F II, на шее Мальтийский крест великого бальи на широкой черной ленте, а глаз завязан черным платком; он не снял, вероятно, каски потому, что она придерживала перевязку. Его высочество обнял фельдмаршала, поцеловал и спросил:

- Что это у вас, граф Александр Васильевич, глаз завязан?

- Ах, ваше высочество, — отвечал фельдмаршал, — вчерашний день проклятые немогузнайки меня опрокинули в ров и чуть косточек моих всех вдребезги не разбили[3].

Потом, подходя к графу Дерфельдену, сказал:

— Не вижу.

Великий князь ему назвал генерала.

— Старинный приятель и сослуживец, Вильгельм Христофорович! — сказал фельдмаршал, перекрестясь, поцеловал крест, который находится в Андреевской звезде. — Нам должно, — продолжал он, — его высочество, сына природного нашего государя, — и опять поклонился об руку, — беречь более, нежели глаза свои: у нас их два, а великий князь у нас здесь один.

Его высочество подвел ему и всех нас. Граф Суворов между прочим сказал великому князю:

— Ваше высочество, говорят, что будто трудно служить двум государям, а мы служим же трехипостасной троице.

На другой день фельдмаршал пришел к великому князю в полном фельдмаршальском австрийском мундире, ибо он принят был сим чином в австрийскую службу, и долго находился в кабинете его высочества. Вышед оттуда, великий князь назвал ему князя Эстергази, который был одет в богатейшем своем венгерской гвардии мундире, которою он тогда командовал. Граф Суворов сказал ему по-немецки:

— Прошу вас донести императору, что я войсками его величества очень доволен; они дерутся почти так же хорошо, как и русские.

Сие последнее, казалось, было не очень приятно слышать надменному князю Эстергази. В тот же самый день великий князь отправился к корпусу российских войск, по совету фельдмаршала, а князь Эстергази — в Вену. После неудачного сражения 1 мая под Бассиньяно великий князь послал меня к фельдмаршалу, ибо он требовал, чтобы его высочество сам и войска, бывшие в сражении, пришли в его главную квартиру. Его высочество отговорился тем, что находится при войсках и с ними прибудет. Граф Суворов призвал меня к себе и сказал мне с грозным видом:

— Я сейчас велю вас и всех ваших товарищей сковать и пошлю к императору Павлу с фельдъегерем; как вы смели допустить великого князя подвергать себя такой опасности? Если бы его высочество — чего Боже сохрани — взят был в плен, какой бы стыд был для всей армии, для всей России, какой удар для августейшего его родителя, и какое торжество для республиканцев! Тогда принуждены бы мы были заключить самый постыдный мир, словом такой, какой бы предписали нам наши неприятели[4].

Во все это время он ходил по комнате, а я молчал. Потом спросил он у меня, как велик конвой из казаков при его высочестве? Я отвечал:

20 человек при одном обер-офицере. Фельдмаршал, уже несколько успокоясь, продолжал:

- Мало.

Тотчас позвал адъютанта и приказал из своего конвоя отрядить сто казаков, при самом исправном штаб-офицере, и внушить им, что они должны быть телохранителями сына их императора. Потом граф Суворов меня отпустил и приказал с сим конвоем отправиться к великому князю. Я передал его высочеству весь разговор фельдмаршала.

— Так он очень сердит? — сказал великий князь и задумался.

На другой день войска выступили, и великий князь поехал в главную квартиру. Едва его высочество вошел к графу Суворову, как он встретил его в передней, просил войти в свою комнату, где они заперлись. Беседа продолжалась очень долго, и великий князь вышел из оной очень красен.

Фельдмаршал хотел было отдать приказ по армии и отнести всю неудачу сражения 1 мая к неопытности и лишней запальчивости юности, но тогда бы все узнали, что сие относится до великого князя. Действительно, его высочество весьма погорячился. Когда открыт был неприятель на высотах противоположащего берега под крепостью Валенцею и когда несколько батальонов наших переправились через реку По на остров, с которого можно было перейти вброд на другой берег, то великий князь сказал генералу Розенбергу:

— Нечего мешкать, ваше превосходительство, прикажите людям идти вперед.

Генерал отвечал его высочеству:

— Мы слишком еще слабы; не дожидаться ли нам подкрепления?

Великий князь возразил:

— Я вижу, ваше превосходительство, что вы привыкли служить в Крыму; там было покойнее, и неприятеля в глаза не видали[5].

Генерал Розенберг, оскорбленный до глубины сердца таким упреком, отвечал:

— Я докажу, что я не трус, — вынул шпагу, закричал солдатам: «За мной!» — и сам пошел первый вброд.

Сия поспешность имела самые дурные последствия[6]. Генерал Розенберг во всю кампанию служил с отличною храбростью.

После сего несчастного сражения мы были свидетелями только одних побед в прекраснейшей стране всей Европы, а так как военные действия происходили в северной части Италии, то и от жары мы вовсе не страдали.

Во всем мы находили изобилие, великое множество всякого рода фруктов, а сверх того, за нами следовала повсюду очень изрядная труппа актеров, между которыми были отличные прыгуны; лишь только останавливались в каком-нибудь городке, ибо во всяком из них есть театр, мы ходили провести наши вечера в итальянскую оперу. Словом, вся почти эта кампания не что иное была, как самая приятная прогулка, и в самом деле, мы приехали в Верону в конце апреля, а 6 августа была славная баталия при городе Нови, на границе Генуэзской республики. Итак, с небольшим в три месяца, мы прошли и очистили от неприятеля все владения Венецианской республики, всю Ломбардию и весь Пиемонт. В течение сего времени армия возвращалась от Турина назад до Пиаченцы, где три дня продолжалась знаменитая баталия на трех реках: Тидоне, Требии и Нуре, и опять пришли к Турину.

Поход через Альпийские горы не представлял нам никаких выгод, ни такого изобилия в продовольствии, как Италия. Напротив того, в осеннее время, с беспрестанными дождями, а часто и снегом, без барачков, которых не из чего было сделать, армия находилась под открытым небом и питалась одним сыром и картофелем, от чего сделались болезни. Приятно, однако же, было видеть, с каким радушием встречали нас добрые швейцарцы: они выносили навстречу нашим солдатам вино, хлеб, сыр и фрукты. Когда мы перешли через Сент-Готард, великий князь послал меня поздравить фельдмаршала с совершением столь многотрудного и знаменитого похода, и что имя его приобрело тем незабвенную славу в истории. Граф Суворов принял сие поздравление со всеподданническою признательностию, как от сына природного своего государя, — это были его слова. При сем я от себя прибавил ему комплимент, но фельдмаршал мне отвечал:

— А Ганнибал? Он первый то же сделал.

Когда уже кончилась наша швейцарская экспедиция и армия следовала на свои кантонир-квартиры в Аугсбург, великий князь, находясь всегда при ней, в одном небольшом городке, на берегу Рейна, нашел дядю своего герцога Александра Виртембергского, который служил тогда в австрийской армии генералом и командовал отрядом армии эрцгерцога Карла. Герцог был очень рад увидеться с его высочеством; всех нас принял очень ласково и угостил обедом. Во время ретирады австрийской армии герцог должен был защищать один мост; к нему прислан был от корпуса генерала Корсакова генерал-майор Титов с несколькими батальонами в подкрепление; герцог с великою похвалою отзывался о личной генерал-майора Титова храбрости и бывших под его командою войск. Я, почти в это же время, получил письмо от Винценгероде, в котором он с какою-то боязливостью решается о себе мне напомнить как о бывшем моем сотоварище и просить меня повергнуть его, как он пишет в своем письме, к стопам великого князя, чего сам он сделать никак не осмеливается. Я, однако же, выбрав удобную минуту, показал оное его высочеству; я приметил, что великий князь переменялся в лице и сказал:

— Никогда мне не говорите об нем.

Наконец главная квартира фельдмаршала, который получил тогда же от императора Павла титул генералиссимуса и князя Италийского, пришла в Аугсбург, а великий князь остановился в небольшом расстоянии, в одном городке. Через несколько дней его высочество послал меня к князю Суворову испросить позволения, пока не решено будет об участии нашей армии, съездить в Корбург, для свидания с родителями его супруги, великой княгини Анны Федоровны. Едва доложили генералиссимусу, что я прислан от его высочества, он приказал мне войти к себе.

Я исполнил данное мне поручение от его высочества. Князь Суворов сказал мне:

— Доложите великому князю, сыну природного моего государя, что я сам в повелениях его высочества, и чтобы изволил делать, что ему угодно.

Между тем, он спросил прежде, вероятно, о моем имени и отчестве, назвав меня оными и показав мне стул, стоящий подле стола, а сам сел на канале против меня и, облокотясь локтями на стол, закрыл глаза и сказал мне:

— Садись, слушай и перескажи его высочеству, что я буду говорить.

Князь начал свой разговор о тогдашней политике всех дворов. Говоря об Англии, он сказал:

— Сия держава старается поддерживать только вражду против Франции всех прочих государств, дабы не дать ей усилиться, ибо одна Франция может соперничествовать с Англиею на морях; политика ее лукава.

В доказательство тому князь Суворов привел, что английское министерство, завидуя успехам нашей армии в Италии, домогалось и интриговало, чтобы она послана была в Швейцарию, где, по малолюдству своему, армия наша могла погибнуть. Сверх того, английский флот, блокировавший Геную, допустил французскому гарнизону, там находящемуся, морем получить и секурс, и продовольствие.

— Австрийская политика, — продолжал он, — самая вероломная и управляема врагом своего отечества Тугутом, который вместо того, чтобы действовать на защиту лишенных престола королей, своих союзников, вздумал делать приобретения из завоеванных нами у неприятеля городов и провинций. Гофкригсрат, мой злейший неприятель, предписал мимо меня генералу Меласу на всяком взятом нами у неприятеля городе выставлять австрийский императорский герб, но я сему воспротивился. Австрийцы дорого заплатят за их вероломство. Один наш император поступает как прилично высокому союзнику, безо всяких видов корысти и из единого похвального подвига, чтобы восстановить и храм Божий, и престолы царей. Сию монаршую волю мы, кажется, сколько могли, исполнили. Я сделался стар и слаб, — присовокупил он, — и одной прошу милости у

всемиловейшего государя моего, чтобы отпустил меня домой. Мы увидим, что будет с австрийцами, когда бич их, Бонапарте, возвратится в Европу[7].

Генералиссимус еще со мной несколько времени говорил, но что я мог теперь припомнить, кажется, было самое интересное из его разговора. Великий князь был очень доволен отданным мною его высочеству отчетом о суждениях князя Суворова.

Австрийский кабинет, увидя, но поздно, что князь Суворов, огорченный действиями оною, решительно желает оставить армию, а тем уничтожиться может и коалиция с Россиею, вознамерился прислать в главную квартиру, в Аугсбург, князя Эстергази как особу, которой великий князь оказывал милости. Инструкция князя Эстергази состояла в том, чтобы склонить его высочество быть посредником между двумя императорами; что недоумение происходило от того, что министры во взаимных своих сношениях не всегда соблюдали строго интересы обеих держав. Князь Эстергази привез от императора Франца две ленты военного ордена Марии Терезии: одну великому князю, а другую князю Суворову; два ордена на шею: князю Багратиону и Милорадовичу, и несколько орденов в петлицу, которые предоставлено было генералиссимусу возложить по его усмотрению на тех, которых он признает более отличившимися при освобождении от неприятеля Италии. Нельзя более было показать уважения к услугам князя Суворова и к нему самому.

В то же почти время и король Сардинский прислал генералиссимусу цепь военного ордена св. Лазаря и Маврикия, несколько орденов на шею и в петлицу; из сих последних и я получил. Даже камердинер князя Суворова, Прошка, получил золотую медаль с изображением короля для ношения на зеленой ленте на шее. Удостоение сими орденами предоставлено было тоже на произвол князя Суворова, за освобождение ПиEMONTE от неприятеля, как провинции, принадлежащей королю Сардинскому[8]. Князь Эстергази открылся первому мне о данном ему поручении касательно великого князя. Я ему сказал, что не могу взять на себя довести сего до сведения его высочества, а чтобы он испросил аудиенцию и сам бы объяснился с великим князем. Для испрошения сей аудиенции князь Эстергази отнесся ко мне официально. Его высочество отвечал ему письменно, что он в армии находится волонтером, что дипломатические отношения между союзными дворами вовсе ему неизвестны, что он не может войти ни в какое посредничество без высочайшей воли императора, его родителя; и что он, видя в князе Эстергази теперь дипломатическое лицо, должен переменить образ своего с ним обращения. Сей отзыв его высочества чрезмерно огорчил князя Эстергази, ибо Тугут уверен был, что посланные ордена великому князю, генералиссимусу и прочим чиновникам российской армии произведут желаемое им действие и что князь Эстергази несомненно успеет в своей миссии.[9] Сие подтвердилось тем, что князь Эстергази опять обратился ко мне и в отчаянии своем сказал:

— Я нахожусь в таком положении, что мне нельзя почти возвратиться в Вену; министр требовал от меня, чтобы я непременно привез согласие великого князя на сделанное его высочеству предложение.

Я ему советовал стараться испросить свидания с князем Суворовым. Он мне отвечал:

- Как можно говорить с таким человеком, от которого нельзя добиться толку.

Вы его не знаете, — возразил я, — и если князь вас примет наедине, то вы совсем других будете о нем мыслей.

Долго князь Эстергази не получал удовлетворительного ответа, наконец князь Суворов назначил ему час свидания, и мне случилось с Эстергази встретиться, как он выходил от генералиссимуса. Увидя меня, он сказал:

— Действительно, это изумительный человек!.. У него столько же ума, сколько сведений, но я ничего не мог от него добиться.

И скоро после того князь Эстергази уехал в Вену. Таким образом окончилась и война для России, и дружеские ее отношения к австрийской державе. Начало сего сразу ознаменовалось тем, что великий князь на возвратном пути своем в Россию поехал уже не на Вену, а на Прагу. Я в сем городе получил приказ, отданный при пароле от 4 ноября в Петербурге, что я, по старшинству, произведен в генерал-майоры, с оставлением при прежней должности; и так я с небольшим в семь лет из сержантов гвардии получил генерал-майорский чин. Это могло случиться только в царствование императора Павла, где беспрестанные были выключки, отставки, а потому и большие производства.

Здесь можно привести в пример Аркадия Ивановича Нелидова. При восшествии императора Павла на престол, т.е. 6 ноября 1796 года, он только что выпущен был из камер-пажей в поручики гвардии; в марте месяце 1797 года он был генерал-майором и генерал-адъютантом, а в день коронации получил Аннинскую ленту и тысячу душ. Я забыл выше сказать, что в тот же самый день все служившие в гатчинских и павловских батальонах штаб- и обер-офицеры получили деревни от 100 и до 250 душ, по чинам, а некоторые, как граф Аракчеев, Кологривов, Донауров, Кушелев и проч. — по 2000 душ.

Я выехал из Италии в Аннинском кресте на шее, бриллиантами украшенном, с командорским крестом Иоанна Иерусалимского, с пенсионом по 300 рублей в год, из почтовых доходов, и с Крестом в петлице ордена св. Лазаря и Маврикия.

Мы приехали в Петербург 27 декабря 1799 года. Император Павел принял великого князя с большой радостью; на другой день его высочество представлял нас государю. По тогдашнему обыкновению, должно было стать на колени тому, кто за что-нибудь благодарил; а как всякий из нас должен благодарить или за чин, или за полученные во время кампании знаки отличия, то император, не допуская становиться на колени, всякого из нас обнимал, говоря при том:

— Не вы, а я вас благодарить должен за службу вашу мне и царевичу. — А ко мне оборотись, сказал: — Ты, сверх того, еще и отличил себя в сражениях, команду батальоном^[10].

Один раз государь спросил у великого князя, покойна ли теперешняя одежда для солдата во время походов. Император знал, что во всю кампанию солдаты штиблет не надевали, а унтер-офицерские галебарды, которые были в 4 аршина, все изрублены были на дрова, когда проходили снежные Альпийские горы.

— Я готов сделать всякую перемену в одеянии, — продолжал государь, — ибо удобность познается опытом.

Тогда его высочество отвечал, что башмаки, штиблеты и особливо унтер-офицерские галебарды вовсе не удобны в походе. На сие император ему сказал:

— Прикажи одеть рядового и унтер-офицера во всей амуниции и вооружении и представь мне для образца.

Великий князь через несколько дней представил императору образцовых; так как форма немного походила на бывшую при императрице, государь с гневом сказал его высочеству:

— Я вижу, ты хочешь ввести потемкинскую одежду в мою армию; чтоб они шли с глаз моих долой, — и сам вышел из комнаты, где находились образцовые.

Великий князь увидел, но поздно, что государь хотел только выведать его мысли насчет формы, им введенной, а не переменить оную. С тех пор началась холодность к великому князю и ко всем бывшим при нем, а потом гонения на участвовавших в итальянской кампании. Известно, как поступлено было с князем Суворовым, которого император приглашал приехать в Петербург, обещая принять его, как Рим принимал своих триумфаторов; вместо того, лишь только генералиссимус приехал на нашу границу, как ему сделан был выговор в приказе по армии за то, что во время кампании он имел при себе против устава дежурного генерала вместо бригад-майора, и князь Суворов умер, не видавши императора.

Я слышал от наследника, что государю завидно было, что князь Суворов приобрел такую славу, а не он сам; от сего в нем родилась зависть и ненависть ко всем служившим в сей знаменитой кампании. Полк конной гвардии с давнего времени имел несчастье быть под гневом императора. Января 6-го 1800 года, в день Богоявления Господня, был обыкновенный парад для освящения знамен и штандартов; полк сей, в числе прочих войск, бывших в параде, проходил церемониальным маршем мимо государя и так его прогневал, что множество офицеров, в том числе четыре брата Васильчиковых, были посажены под арест и выключены из службы; один Илларион Васильевич остался при дворе камергером, которым он был прежде. С.И. Муханов, командир полка, был выключен из службы и лишен Аннинского креста 2-го класса, которого он был кавалер.

Отдано было в приказе, чтобы Конногвардейский полк в тот же самый день выступил в Царское Село. Великому князю Константину Павловичу поручено было принять сей полк под свое начальство, и стараться истребить из оного дух буйства и бунтовщицкий, которым сей полк заражен. Его высочеству приказано жить в Царском Селе, в своем доме, который был куплен для него императрицею Екатериною у фаворита ее Ланского. Я в тот самый день занемог и потому не поехал в Царское Село с великим князем. Его высочество нашел дворец свой во всю зиму нетопленным, и оттого холод в оном был ужасный; я приехал на третий день и увидел, что все мои товарищи в комнатах сидят в шинелях на меху. Великая княгиня Анна Феодоровна так сильно простудилась в сем доме, что едва не умерла от жестокой горячки^[11].

Великий князь взял с собой в Царское Село двух офицеров Измайловского полка: Олсуфьева и Опочинина, которые потом были его адъютантами. Император прикомандировал к его высочеству двух своих генерал-адъютантов: Кожина и князя А.Ф.Щербатова. Бедная конная гвардия должна была всякий день, по колени в снегу, делать ученья, невзирая на жестокость морозов. Говорили, что Г.А.Кожин был прислан с тем, чтобы и о действиях великого князя доносить императору. Великому князю позволено было только по воскресеньям приезжать в Петербург с Сафоновым.

Его высочество наследник, когда я подъезжал в Царское Село, изволил мне сказать:

— Если тебе нужно будет приезжать в Петербург, то отнюдь не прописывайся на заставе своим именем, а чужим, или Ахта, или Линдстрема, а то тебе будет худо.

Первый был камердинер, а другой — лейб-хирург при его высочестве. Я во всяком случае находил неоцененным для меня участие, которое его высочество наследник принимал во мне. Однажды великий князь в Зимнем дворце послал меня с поручением к его высочеству Александру Павловичу. По окончании оно ему угодно было со мной начать какой-то разговор, и мы подошли к окошку. Это было в большом его высочества кабинете, что на углу, против Адмиралтейства. Мы не чувствовали, что народ, увидевши наследника, начал собираться толпою. Его высочество взглянул нечаянно в окошко и, приметя сию толпу, сказал мне:

— Прощай, брат, убирайся скорее, а то обоим нам будет беда, — и сам поспешно ушел в другую комнату.

Как видно, была и тогда уже любовь народа к сему милосерднейшему из государей. В марте месяце приехал в Царское Село генерал-адъютант Уваров, с повелением выбрать из полку конной гвардии лучших людей и лошадей для формирования Кавалергардского полка, которого Уваров назначен был шефом. Великому князю кавалерийская служба начала очень нравиться. Во время итальянской кампании его высочество имел при себе всегда австрийский Лобковица драгунский полк, которым он очень занимался; а сверх того, и в полку конной гвардии его высочество принимал уже большое участие.

Приезд Уварова великому князю был очень неприятен, тем более, что его высочеству известно было, что Кавалергардский полк формировался по предложению Уварова, который был тогда в большой милости у императора, по связям сего генерала с княгиней Лопухиной. При выборе людей и лошадей Уваров встретил большие затруднения, так что он ездил в Петербург и привез высочайшее повеление допустить Уварова беспрепятственно производить выбор. От сего времени родилась в великом князе непримиримая вражда против Кавалергардского полка и против шефа оною. Всякий день я посылал ездового в Петербург за приказом. 2 мая получен был приказ, при пароле отданный, в котором сказано: адъютантам его императорского высочества Константина Павловича, генерал-майорам Сафонову и Комаровскому, и полковнику графу Шувалову[12] состоять при армии и носить общий армейский мундир[13]. Прочтя сей приказ, я тотчас понес оный, к великому князю. Его высочество в первую минуту не мог ничего сказать и приметно переменялся в лице, потом говорит:

— Ну, что ж? Это значит, что вы должны носить только армейский мундир, а все остаетесь при мне.

Я ему возразил:

— Тогда бы сказано было: «с оставлением при прежней должности».

Великий князь встал с своего места и сказал с жаром:

— Кажется, быть не может, чтобы государю угодно было так много меня огорчать!

Потом приказал мне написать к графу Ливену и спросить у него, остаемся ли мы при его высочестве или нет, и в таком случае, что нам делать, а сам написал к наследнику и тотчас велел отправить с письмами ездового в город. Возвратившийся наш посланный привез ответы вовсе неудовлетворительные. Граф Ливен писал, что государь потребовал его к себе в кабинет в 6 часов утра, приказал ему сесть и сам продиктовал первый пункт приказа; что ему кажется, что мы уже более не состоим при великом князе, и завтра же при разводе должны представиться государю, и в общих армейских мундирах. Наследниково письмо было почти такого же содержания. Великий князь был тронут сим до слез, благодарил нас за верную к нему службу и, прощаясь, несколько раз обнимал нас, написал письмо к своему гофмаршалу князю Вяземскому, чтобы, в случае нашего отъезда из Петербурга, снабдил нас экипажем и всем нужным для дороги, а сверх того, приказал производить Сафонову и мне по три тысячи рублей в год пенсии по смерти.

Мы тотчас оба отправились в Петербург. В ночь нам кое-как сделали общие армейские мундиры, и мы в назначенный час приехали к разводу. Нам сказано было, что государю представляются в комнате, что подле фонарика; дежурным генерал-адъютантом был тогда князь П.Г.Гагарин., уже женившийся на княжне Лопухиной. Государь вышел к нам с грозным видом, и когда представили ему Сафонову, он сказал:

— Aussitot pris, aussitot pendu[14], — а мне: — и вы, сударь, не заживетесь.

Я подумал, какая разница в приеме несколько месяцев тому назад, как мы возвратились из Италии, и чем мы могли провиниться. Сафонов не знал, ни слова по-французски и отвечал одною улыбкою, потом спросил у меня, что государь ему говорил. Я ему перевел слово в слово; он весь побледнел и сказал:

— Ах батюшки, да что я сделал?[\[15\]](#)

Я тотчас его успокоил, сказал ему, что это французская поговорка, которая значит, что он, вероятно, имеет уже место. На другой день Сафонов назначен был шефом С.-Петербургского гренадерского полка, квартировавшего в Риге, на место выключенного из службы князя Бориса Владимировича Голицына. Любопытно знать, за что князь Голицын был так строго наказан. Развод его полка в обыкновенное время шел по одной улице и, поровнявшись с домом, где находилась в родах женщина, барабанщики ударили поход, от чего та женщина, вероятно, испугалась и имела несчастные роды. Донесено было о сем происшествии государю, и шеф полка выключен из службы.

После представления государю я пошел к наследнику. Его высочество принял меня чрезвычайно милостиво и сказал мне:

— Я жалею о брате, что он тебя лишился; я знаю, что он тебя любит.

Вошел во все мои домашние обстоятельства, и когда я ему объяснил, что от меня некоторым образом зависят зять и сестра, племянник и племянница, его высочество, подумавши немного, сказал:

- Так надобно стараться, чтобы ты остался здесь.

Походя несколько по комнате:

— Не теряя времени, — продолжал он, — поезжай к Оболянинову[\[16\]](#), скажи ему, что он никогда столько ни меня, ни брата одолжить не будет в состоянии, как теперь, если ты причислен быть можешь к провиантскому департаменту и назначен тем чиновником, который должен послан быть на границу для ведения счетов с австрийским правительством, по случаю продовольствия наших войск во время кампании. Сие тем удобнее, что ты служил в этой кампании и можешь объясняться на французском и немецком языках.

Я тотчас поехал к Оболянинову. Он пользовался тогда большою доверенностью императора, и потому у него все комнаты наполнены были гостями. Лишь только он меня увидел, как сделал несколько шагов мне навстречу. Я сказал ему, что приехал от его императорского высочества наследника; он взял меня за руку и отвел в сторону. Я ему объяснил все, что приказал великий князь Александр Павлович ему сказать, и со своей стороны просил его оказать мне сие благодеяние. Он мне отвечал, что и для меня готов все сделать, а исполнить волю государя наследника и великого князя Константина Павловича есть священная для него обязанность, и что он при первом удобном случае непременно доложит императору.

К несчастью моему, построен был тогда в Адмиралтействе корабль, названный «Благодатный»; он имел 120 пушек и был первый такой величины. Корабельный мастер, видно, ошибся в конструкции сего корабля, ибо, когда надобно было оный спускать на воду, то корабль с места не тронулся. Государь так был этим занят, что почти целые дни проводил в Адмиралтействе. Наконец придумали устроить какие-то машины на противоположном берегу, и помощью канатов насили его стащили с места. По сей-то причине Оболянинов не нашел случая обо мне доложить, как между тем было получено донесение от подольского военного губернатора графа Гудовича, что Каменец-Подольская крепость остается без коменданта, и меня назначили в сие звание мая 5-го 1800 года.

Я чувствовал себя уже нездоровым, а сие назначение и более расстроило еще мое здоровье. Я, собравшись, однако же, с силами, поехал к наследнику просить его высочество позволить мне несколько дней остаться в Петербурге. Признаюсь, что я был в таком положении, что мне и выехать было не с чем, ибо несколько денег, которые я имел, должно было оставить на прожиток моим домашним. Великий князь Александр Павлович мне сказал:

— Ты знаешь порядок, что тот, кто назначен к какой-то должности, непременно выехать обязан на другой день, хотя полумертвый, но я прикажу тебя прописать завтра на заставе выехавшим, а ты можешь остаться три дня, но с тем, что никому не показывайся, особливо, чтобы Пален[\[17\]](#) не знал, что ты здесь.

Я бросился со слезами благодарить его высочество за такую милость, чувствуя, как много великий князь себя этим подвергал ответственности.

Едва я воротился домой, как наследник с своим камердинером прислал мне тысячу рублей на дорогу. Я не нахожу слов, чтобы изъяснить то, что я испытывал при получении сего благодеяния, на которое никакого не имел права; и, сверх того, оно оказано было в самую крайнюю, можно сказать, минуту. Я сим завещаю моим детям чтить память Благословенного, не только как бывшего их императора, но и как высокого, единственного благодетеля отца их. В течение тех трех дней наследник присылал ко мне адъютанта своего, князя Волконского, наведаться о моем здоровье и предложить мне еще пробыть день или два, если бы здоровье мое того требовало; но я хотя и не совсем выздоровел, выехал, однако же, в назначенное время, чтобы не употребить во зло столь для меня драгоценной

доверенности его высочества, под именем отставного полковника Муромцева, едущего в деревню на своих лошадях; а так как это было в полночь, то меня пропустили через заставу без всякого затруднения.

ГЛАВА V

Боязнь промедления в дороге — Эпизод с генералом Глуховым — Граф Гудович — Граф Марков — Отставка Гудовича и назначение Розенберга — Несостоявшееся сватовство — Посещение Каменца великим князем Константином Павловичем — Полковник Удом и определение его в должность полицеймейстера в Каменце — Весть о кончине императора Павла и о воцарении Александра I — Возвращение в Петербург и представление новому императору — Назначение адъютантом к государю — Беклешов и Троицкий — Въезд императора в Москву для коронации — Торжество коронации — Любовь народа к новому государю — Сватовство и женитьба на Е.Е.Цуриковой — Осмотр имени жены и учреждение деревенского лазарета

При выезде я чувствовал довольно сильные геморроидальные припадки, но оные, видно, от сильного движения, а более от начинающихся жаров, усилились до самой вышней степени боли; остановиться же мне никак было невозможно, ибо, пробывши уже три дня в Петербурге, после рапорта о выезде моем из оною, и если бы я еще несколько дней замедлил прибыть к месту моего назначения, то непременно бы выключен был из службы за долгое неприбытие к своей должности.

Я бы мог взять свидетельство о болезни, но пока бы оно дошло по порядку куда следует, дело бы было сделано, тем более, что я определен был на место инженер-генерал-майора Глухова, который находился в посланной экспедиции в Корфу, и когда она не состоялась, то Глухов назначен был комендантом в Каменец. По представлению военного губернатора, что крепость остается долгое время без коменданта, генерал-майор Глухов был выключен из службы за долгое неприбытие к своему месту. Хотя после объяснилось, что он физически не мог скорее приехать из такой отдаленности, и Глухов был принят по-прежнему в службу, но удар уже был нанесен.

Военный подольский губернатор, граф Гудович, брат первого любимца Петра III, был чрезмерно гордый, старинного века вельможа, особливо противу поляков, но ко мне он был весьма ласков. Тогда жил в Подольской губернии изгнанный и заточенный в свои деревни граф А.И.Морков; он в последнее время при императрице Екатерине играл большую роль, особливо, когда князю Зубову поручена была дипломатическая часть, граф Морков был в оной главное действующее лицо. Его упрекали в неблагодарности противу графа Безбородки, который составил его счастье, а Морков передался князю Зубову. Он дорого заплатил за свое вероломство. Поляки старались оказывать ему все возможное презрение, считая его одним из главных виновников последнего раздела Польши. Граф Гудович по связям своим с графом Безбородкою обходился с графом Морковым весьма надменно. Во всех процессах, у него с поляками по имению его случавшихся, — ибо в Польше их великое множество, — редко находил он защиту.

Граф Морков часто по делам своим приезжал в Каменец и проводил все свое время у меня, особливо, когда приехали ко мне в Каменец Алексей Николаевич, сестрица Анна Федотовна и племянница моя Александра Алексеевна. Я видел однажды за столом у графа Гудовича то, что только можно видеть в одной Польше, — жену, сидящую между двумя мужьями. Это была графиня Потоцкая; по одной стороне у нее сидел граф Потоцкий, а по другой граф Вит, прежний ее муж, и чтобы довершить сию картину, напротив графини сидел бискуп Сераковский, который делал ее развод и совершал второй брак.

Через несколько месяцев граф Гудович был отставлен, а на место его определен в подольские военные губернаторы Андрей Григорьевич Розенберг, тот самый, который служил в итальянской кампании. Мне еще приятнее было служить с сим новым начальником, который имел ко мне полную доверенность. Графу Моркову вздумалось было женить меня на одной из дочерей графа Потоцкого, бывшей потом за графом Шоазель и умершей женою А.Н.Бахметева; дело кончилось одной только корреспонденцией между графом Морковым и графиней Потоцкою. Фамилии, кажется, не хотелось, чтобы девица вышла замуж не за католика, да я и сам не очень желал быть женатым на польке, имея перед глазами множество примеров их непостоянства.

Генерал Розенберг поехал осматривать вверенные ему губернии: Подольскую, Волынскую и Минскую. Около сего времени великий князь Константин Павлович послан был императором Павлом инспектировать войска легкой кавалерии, находившиеся под начальством генерала Баура и расположенные по австрийской границе; его высочество находился не в дальнем расстоянии от Каменца. Ему угодно было посетить меня в новом моем местопребывании. Узнав, что великий князь уже близко от города, я выехал к нему навстречу верхом. Он обошелся со мной весьма милостиво и изволил мне сказать, что он нарочно приехал в Каменец, чтобы со мной видеться. Для его высочества приготовлена была квартира в доме военного губернатора и приличный караул. Великий князь

удержал меня весь вечер у себя. Откланиваясь, я спросил у него позволения иметь честь представиться его высочеству на другой день всем военным и гражданским чиновникам, находящимся в Каменце, удостоить присутствием своим бал, который будет иметь честь дать его высочеству дворянство Подольской губернии, и принял приказание насчет развода. Возвратясь домой, я нашел у себя графа Моркова; лишь только он меня увидел:

— Спасите меня, любезный генерал, — сказал он мне, — вы знаете, как со мной поляки поступают, и если великий князь со мной обойдется немилостиво и принять изволит меня в числе прочих, то я пропаду. Злодеи мои умножат еще свои ко мне притязания.

Я старался его, сколько мог, успокоить и обещал все объяснить великому князю. Принц Нассау был в отставке и жил на второй станции от Каменца в имении его жены; я иногда бывал у него в гостях, тотчас послал ему сказать, что великий князь на другой день желает его видеть. Я пришел к его высочеству очень рано поутру, начал издали говорить о графе Моркове, потом объяснил положение, в котором он тогда находился. В первую минуту великий князь мне сказал:

— Как, ты хочешь, чтобы я его принял? Он у государя под гневом.

Я осмелился просить его высочество, чтобы он уважил службу его императрице, а более, чтобы не дать восторжествовать полякам. Наконец он согласился и приказал мне, прежде общего представления, ввести — к нему в кабинет принца Нассау, а потом графа Моркова. Я вышел от великого князя, чтобы посмотреть, начали ли собираться в приемной комнате; увидевши графа Моркова, я подошел к нему и сказал вполголоса:

— Великий князь вас примет в своем кабинете.

Он схватил мою руку и так крепко ее сжал от радости, что я едва не закричал. Его высочество говорил с графом Морковым довольно долго, и надобно было его видеть перед поляками по выходе из кабинета великого князя; верх его счастья был, когда пригласили его вместе с принцем Нассау к обеденному столу его высочества; сверх того, во время бала великий князь несколько раз разговаривал с графом Морковым. Я должен отдать справедливость, что он всегда за оказанную мною ему сию услугу был признателен. Его высочество был вообще весьма любезен в Каменце, и все его милостивым и ласковым обращением были довольны; со мной же он обходился, как с своим домашним. На другой день, рано поутру, великий князь изволил выехать из Каменца.

В мое время получено было в Каменце новое постановление, чтобы в крепостях и губернских городах были полицеймейстеры, а в уездных городах городничие. В Каменце была вакансия полицеймейстера; я в затруднении находился, кого представить в сию должность. Однажды является ко мне выключенный из службы полковник Удом, двоюродный брат Ивана Федоровича, который женат был на моей двоюродной племяннице Акининой. Выключенный Удом служил в Таврическом гренадерском полку и в капитанском чине в варшавскую революцию получил Георгиевский крест^[18].

При императоре Павле во всяком армейском полку были две флигельроты, т.е. фланговые гренадерские, которые, соединяясь с двумя ротами другого полка, составляли сводный гренадерский батальон, и они действовали всегда отдельно от своих полков. По случаю предполагаемой тогда войны против турок несколько сводных гренадерских батальонов для составления особого отряда должны были собраться на границе. Полковник Удом от полка назначен был командиром флигельрот. Шеф Таврического гренадерского полка, генерал-майор Ляпунов, не отправил с ним всего положенного по штату обоза. На рапорт о сем полковника Удома шеф дал ему предписание, чтобы он с командою своею следовал непременно, и что вслед за ним выслано будет все, что должно укомплектовать обоз по штату; но генерал-майор Ляпунов сего не исполнил. Полковник Удом приходит с своими двумя флигельротами на сборное место. Отрядный начальник делает смотр, при котором полковник Удом представляет ему копии с его рапорта шефу Таврического гренадерского полка и предписание сего последнего, по которому он не смел не выступить, хотя и не имел положенного по штату обоза. Отрядный начальник донес государю, что приведенные полковником Удомом флигельроты Таврического гренадерского полка он нашел во всей исправности, но не имеют при себе всего по штату обоза. Император, уполучив сей рапорт, приказал полковника Удома выключить из службы: вот все его преступление. Видя несчастное положение сего заслуженного штаб-офицера и совершенную его невинность и желая ему быть полезным, я предложил полковнику Удому полицеймейстерскую должность в Каменце; он принял предложение мое с великой признательностью.

— Но я выключенный из службы, — ответил он, — а нас не велено никуда определять на службу.

И действительно, сие повеление насчет сих несчастных существовало, а сверх того, им запрещен был въезд в столицы. Я решился, однако же, представить Удома генералу Розенбергу; он ему очень понравился. Узнавши, что я прошу его высокопревосходительство представить Удома в полицеймейстеры:

— Помилуйте, генерал, — сказал мне военный губернатор, — вы хотите погубить нас всех троих.

На сие я ему отвечал:

— Я прошу только вас сделать представление о Удومه, а я оно отправлю при партикулярном письме к генералу-прокурору Оболянинову, который, я надеюсь, мне не откажет.

Через несколько времени мы получили самый удовлетворительный от Оболянинова отзыв, и Удом определен был в полицеймейстеры в Каменец[19].

Мы в Каменце жили довольно весело; у нас бывали иногда балы. Я могу сказать, что меня поляки любили. Но все я не уверен был, чтобы кто-нибудь не сделал на меня доноса, и всякую почту ожидал с некоторым страхом. Начальник мой был в великом беспокойстве. Он знал, что один жид за то, что открыли у него большую контрабанду на границе, в которой замешаны были многие из купцов, австрийские и наши, послал на него донос в Петербург.

Я несколько дней не выходил из дому от сильного ревматизма в правой руке.

В течение сего времени, однажды после обеда, приходит ко мне полицеймейстер Удом с встревоженным лицом и держит в руке бумагу. Я сидел с моими родными; он мне делает знак рукой, чтобы я к нему вышел. Я, видя его в таком положении, спрашиваю у него: что сделалось? Он мне прерывающимся голосом отвечает:

— Я, право, сам не знаю, — подает мне бумагу.

Я ее беру, и в первую минуту не поверил своим глазам: это была подорожная присланного из Киевского провиантского депо курьера в Каменец-Подольское комиссионерство. Подорожная начиналась: «По указу его императорского величества императора Александра Павловича» и проч. Я, прочитавши несколько раз, наконец вскрикнул:

— Боже мой, какое счастье!

Сестрица и все мои родные не могли понять, что со мной сделалось, и в ту самую минуту я перестал чувствовать боль от ревматизма. Прежде, нежели сестрица успела на восклицание мое прийти, я бросился к ним в комнату и начал их всех обнимать и поздравлять, показывая им подорожную. Удом за мной идет и все мне говорит:

— Ваше превосходительство, не подлог ли? Тогда мы все пропадем!

Я приказал позвать к себе присланного, который мне сказал, что накануне рано утром приехал курьер из комиссариатского департамента в Киев с объявлением, что император Павел скончался, а император Александр воцарился, и что как он выезжал, то весь Киевский гарнизон собирался к присяге. Я поспешно оделся, взял курьера с собой и пошел к военному губернатору; он тогда отдыхал. Лишь только я стукнул дверью, он спросил, кто тут, и тотчас вскочил с кровати.

— Что случилось, ваше превосходительство? — спросил он. — Нет ли из Петербурга курьера?

Видя, что он чрезвычайно встревожен, я отвечал ему:

Успокойтесь, ваше превосходительство.

- Да что у вас за бумага? — продолжал он. Я ему говорю:

- Подорожная, — и рассказал ему все, что случилось. Генерал Розенберг долго не мог опомниться, наконец

сказал мне:

— Да правда ли?

Тогда я позвал курьера, и он все подтвердил.

Радость Андрея Григорьевича была чрезмерная, и мы машинально бросились друг друга обнимать и поздравлять. Тут он мне признался о том беспокойстве, в котором находился, и что ежеминутно ожидал себе беды.

— Что же нам делать? — спросил он у меня. — Мы еще ничего не имеем официального.

Гарнизон Каменецкий состоял из двух армейских полков, нескольких пушек артиллерии и инженерной команды; один из полков помещен был в казармах, а другой расположен по окрестным деревням. Я предложил генералу Розенбергу послать в тот полк, который стоит по деревням, чтобы был в готовности к выступлению в крепость, и что я дам знать войскам, стоящим внутри города, быть тоже готовыми. На другой день приехал к нам курьер из Петербурга с манифестом о восшествии на

престол императора Александра Тис присяжным листом. Войска немедленно были собраны, и я с несказанным восторгом приводил их к присяге обожаемому мною императору.

Едва сия счастливая новость разнеслась, как я получил два письма: одно от принца Нассау, а другое от графа Моркова; оба они требовали от меня подтверждения сей новости и спрашивали моего совета, ехать ли им в Петербург. Я обоих удостоверил, послав к ним копию с манифеста, и советовал тому и другому ехать представиться новому императору, а графа Моркова просил доставить от меня письмо государю, через кого он сочтет приличным.

Я получил 10 мая 1801 года из Петербурга высочайший приказ, отданный при пароле апреля 17-го, в котором на место мое назначается майор, а мне повелено состоять по армии; а от 22-го того же месяца предписано от великого князя Константина Павловича, чтобы я сдал крепость назначенному на мое место комендантом генерал-майору Гану, а по сдаче рапортовать его высочеству и государственной военной коллегии. Я тогда удостоверился, что письмо мое дошло до его величества, в котором я только писал, что, повергая себя к стопам государя и благодетеля, изъявляю неизреченную мою радость, что могу наименоваться наивернейшим из его подданных, и что письмо мое напомнило обо мне императору.

Я предложил Алексею Николаевичу и сестрице ехать в Петербург, где я надеялся скоро с ними соединиться. Я прожил в Каменце около трех недель в ожидании моего преемника. По приезде генерал-майора Гана я сдал ему крепость в три дня и, распростиясь с моим добрым начальником АТ.Розенбергом, полетел в Петербург, взяв с собою просьбу от полицеймейстера Удома об определении его в армию^[20]. Я приехал в Петербург после обеда; одевшись, отправился тотчас к Михаилу Илларионовичу Кутузову, бывшему тогда военным губернатором, на место графа Палена. Проезжая по улицам, на всех лицах встречающихся со мной людей я приметил изображение какого-то душевного удовольствия. Являсь к военному губернатору, который принял меня очень ласково, я просил его высокопревосходительство представить меня императору. Он мне на сие сказал:

— Я знаю, что вас государь всегда жаловал, и потому я вам советую завтра в половине первого часа поехать прямо на Каменный остров, вызвать дежурного камердинера и приказать о себе доложить его величеству: в это время государь возвращается от развода и бывает один.

Я с нетерпением ожидал другого дня и назначенного часа ехать на Каменный остров. Наконец час наступил, я во дворце, вызываю камердинера, который мне сказал:

— Тотчас доложу.

И через десять минут отворяет дверь и говорит:

— Пожалуйте к государю.

Я не в состоянии описать той минуты, когда я увидел моим императором того, который с небольшим за год перед тем, как наследник престола, оказал мне милости и благодеяния, которым нет примера. Я не заплакал, а зарыдал, и только что мог сказать:

— Простите, государь, это слезы радости и неизъяснимой благодарности.

Император меня обнял, я хотел поймать его руку, чтоб поцеловать, но он ее отнял, и я поцеловал его в плечо. Государь мне сказал:

— Я рад, что тебя вижу, теперь, я надеюсь, мы будем жить вместе. — Присовокупить изволил:— Каково ты жил в Каменце? И ты не в претензии, что выехал оттуда?

Я отвечал его величеству:

— Не в претензии, потому что выезд оттуда доставляет мне счастье теперь видеть моего государя.

Потом император изволил спросить у меня:

- Был ли ты у брата? Я отвечал:

- Нет еще, ваше величество!

— Так съезди к нему, — присовокупил государь.

Я откланялся и поехал с большим восторгом от милостивого приема императора.

В тот же день я отправился в Стрельну, где находился великий князь Константин Павлович. Его высочество обласкал меня как нельзя более и сказал:

— Ну, Комаровский, я надеюсь, опять ко мне?

Я отвечал, что я почту себе за великое счастье находиться по-прежнему при особе его высочества.

— Так я доложу государю, — продолжал великий князь, — теперь Бог с тобой.

Я пошел повидаться с бывшими моими товарищами и нашел только одного Озерова; впрочем, я увидел множество новых для меня лиц: Баура, Н.Ф.Хитрова, который был тогда в большой милости, Витовтова, Олсуфьева и Опочинина, которых я оставил офицерами Измайловского полка, адъютантами его высочества, и тон их мне вообще очень не понравился. Через год я нашелся у великого князя в кругу совсем почти незнакомых. Возвратясь домой, я подумал, как бы мне еще встретиться с государем, и, если возможно, избавиться от предлагаемого мне великим князем. Я узнал, что император всякой день после развода в 12-м часу прогуливаться изволил с Уваровым в Летнем саду. Я туда поехал и, к счастью моему, тотчас встретил государя; его величество мне сказал:

— Здравствуй, Комаровский, что тебя давно не видать? Я доложил государю, что не смею беспокоить его величество.

— Вздор какой! Приезжай ко мне, когда хочешь, — присовокупил император.

Получив такое позволение, я решился в тот же день ехать на Каменный остров и тотчас был принят императором. Государь изволил у меня спросить:

— Ты виделся с братом? И он, я уверен, тебе обрадовался.

Я отвечал его величеству, что великий князь меня принял очень милостиво, и что его высочеству угодно, чтобы я по-прежнему находился при его особе. Сказав сие, я замолчал; последние слова я выговорил с некоторою расстановкою. Государь, взглянув на меня пристально, продолжал:

— А ты что думаешь? Я молчал.

Потом он изволил сказать:

— Говори откровенно.

Тогда я объяснил государю, что, будучи с лишком год в отсутствии от его высочества, я нашел при его особе много людей, мне вовсе незнакомых, которые, вероятно, уже удостоены доверенности великого князя, и я в моем чине буду увеличивать только число чиновников, при его высочестве находящихся, что я бы не желал вести жизнь праздную, и что те занятия, которые я имел при великом князе, возложены, конечно, на другие лица. Император слушал меня с приметным вниманием. Помолчав немного, государь сказал:

Разве ты хочешь быть моим генерал-адъютантом? Я не опомнился от радости и отвечал:

Это было бы верх моего счастья.

Я бросился благодарить государя. Его величество меня обнял и изволил сказать:

— Теперь никому ни слова; мне надобно уладить это с братом, — и меня изволил отпустить.

Хотя назначение мое казалось верным, но я опасался, чтобы великий князь не воспрепятствовал. Через несколько дней я читаю, однако же, в высочайшем приказе от 17 июля 1801 года: «Состоящий по армии генерал-майор Комаровский назначается генерал-адъютантом к его императорскому величеству». Всякий может себе вообразить, что я почувствовал при прочтении сего приказа. Сие назначение было для меня тем лестнее, что я первый удостоился получить сие звание при императоре Александре. После императора Павла оставались генерал-адъютанты: Уваров, граф Ливен, князь Долгорукий — сии два последние имели военный портфель, — и князь Гагарин, который находился министром во Флоренции. Я узнал потом, что в первое свидание у императора с великим князем Константином Павловичем государь, между прочим, спросил у его высочества:

- У тебя был Комаровский?

— Был, государь, — отвечал великий князь. — Я надеюсь, что ваше величество пожалует его мне по-прежнему, — присовокупил его высочество.

Государь изволил сказать:

— Охотно, но у меня один только генерал-адъютант, Уваров; Ливен и Долгорукий имеют свою часть; мне бы нехотелось взять, кого я не знаю; при тебе же будут два генерал-майора: Хитров и Комаровский, они оба мне известны, уступи мне одного из них.

Император знал, что от меня великий князь уже отвык, а Хитрова он очень любит. Его высочество, подумав несколько, сказал:

— Если вашему величеству уже непременно угодно иметь одного из двух, то извольте взять Комаровского, а Хитрову позвольте носить конногвардейский мундир.

Государь изволил отвечать:

— Очень рад.

Возвратясь в Стрельну, великий князь обнимает Хитрова и поздравляет. Наконец объясняется, что он выпросил Николаю Феодоровичу позволение носить конногвардейский мундир, и что меня уступил государю. Хитров мне никогда не мог простить, что не он назначен был в генерал-адъютанты, а я. Он считал, что при сем случае мною употреблена была какая-нибудь интрига, ибо и его император очень жаловал. Вероятно, Хитров был причиною, что с тех пор великий князь ко мне переменялся до того, что приказал своей конторе не производить мне тех трех тысяч рублей, которые пожалованы были в пенсион по смерти.

Я всякий день после обеда был во дворце на Каменном острове. Обедов тогда с гостями у государя не было. Уваров выезжал с императором поутру верхом или гулял пешком с его величеством в Летнем саду, а я сопровождал государя после вечерних его величества занятий в кабриолете парой, которой государь сам правил. В одно время были с докладом у императора вместе Беклешов и Трощинский, первый был генерал-прокурором на место Обольянинова, а второй первым статс-секретарем. Я видел, что они вышли из государева кабинета оба чрезвычайно раскрасневшиеся, как будто после большого прения или спора, и казалось, в великом негодовании друг на друга. Лишь только я сел подле государя в кабриолет, его величество у меня изволил спросить:

— Ты видел, каковы были лица на Беклешове и Трощинском, когда они вышли от меня?

Я отвечал:

- Видел, государь.

Не правда ли, что они похожи были на вареных раков? — продолжал император. — Они, без сомнения, по опытности своей в делах знающие более всех прочих государственных чиновников, но между ними есть зависть; я заметил это, потому что, когда один из них объясняет какое-либо дело, кажется, нельзя лучше, лишь только оно коснется для приведения в исполнение до другого, тот совершенно опровергает мнение первого, тоже на самых ясных, кажется, доказательствах. По неопытности моей в делах я находился в большом затруднении и не знал, которому из них должно отдать справедливость. Я приказал, чтобы по генерал-прокурорским делам они приходили с докладом ко мне оба вместе и позволяю спорить при себе, сколько им угодно, а из сего извлекаю для себя пользу.

Я нашел, что государь весьма благоразумно делает, ибо это был один способ, чтобы ознакомить его величество скорее с делами. Мое положение становилось более для меня приятным, особливо, когда мне известны сделались все ужасные происшествия, которые сопровождали восшествие императора Александра на престол, отчасти рассказанные мне самим великим князем Константином Павловичем^[21]. По восшествии императора Александра на престол графу Н.П.Румянцеву немедленно позволено было возвратиться в Россию, и он, по приезде своем, назначен был министром коммерции. Я думаю, что он несколько способствовал назначению меня в генерал-адъютанты, ибо государь к нему был очень милостив, и я графу сообщал мои мысли, что мне было бы очень неприятно находиться между теми, которые окружали великого князя, по возвращении моем из Каменца. Я бывал у графа Н.П. очень часто, и он обращался со мной, как с ближним своим родственником.

Я должен здесь сказать к славе императора Александра, чем начал его величество свое царствование. Государь повелел учредить комиссию, которая должна была рассмотреть все дела и поступки, по коим сослано было множество лиц в Сибирь, и поднести к нему доклад о сих несчастных. Множество невинных были возвращены, некоторые получили прежние свои должности, другие вознаграждены были одновременно выданными пособиями или по смерти пенсионерами.

День коронации назначен был 15 сентября.

Сестрица моя, Анна Федотовна, часто видалась с Софией Сергеевой Титовой, которой муж служил в 1-м департаменте сената секретарем. В одно время Софья Сергеевна говорит сестрице:

— Как бы желала, чтобы Евграф Федотович женился на девице Елизавете Егоровне Цуриковой: она прекрасно воспитана и имеет хорошее состояние; это тем удобнее можно сделать, что муж мой, Петр Яковлевич, вероятно, с 1-м департаментом сената поедет в Москву на коронацию; мы же с фамилиею Цуриковых в родстве. Одно только препятствие может быть, что Егор Лаврентьевич Цуриков, отец девицы, о которой я говорю, скончался, и что мать ее, Авдотья Дмитриевна, не захочет, может быть, так скоро выдать дочь свою замуж после кончины ее супруга.

Сей разговор никакого тогда действия не произвел надо мной, тем более, что П.Я.Титов не поехал с 1-м департаментом сената в Москву, а остался в Петербурге. Нас поехало четверо вместе на

коронацию: я, как старший генерал-адъютант, генерал-майор Репнинский, князь Петр Михайлович Волконский, бывший тогда полковником и флигель-адъютантом, и капитан 2-го ранга Клокачев; он был тогда начальником императорской флотилии. Вояж наш был превеселый; нас чрезвычайно забавлял Клокачев, который никогда почти не ездил по твердой земле, а все плавал по морям, и он испытывал от движения экипажа по земле ту же болезнь, которую имеют на море, и мы прозвали Клокачева страдальцем от земляной болезни, и он все вещи называл морскими именами, например, ему нужна была веревка, и он говорил: «Подайте мне шкот». Я имел случай рассказать это государю, и его величество очень смеялся.

День торжественного въезда императора Александра в Москву, как праздник отличается от будня, так оный не походил на бывший 4 года и несколько месяцев тому назад. Тогда все чиновники военные и статские, в карикатурных своих мундирах, ехали по два в ряд, младшие, впереди, что составляло предлинную линию в виде протянутой веревки. Император Павел ехал один, и несколько позади два великие князя.

Теперь же молодой император, в красе лет своих богоподобной наружности, ехал окруженный многочисленною и блестящею свитою; все было величественно, а не карикатурно. Перед императором ехало одно только московское дворянство по два в ряд, на отличнейших лошадях, на коих были богатейшие уборы; после церемонии все эти лошади подведены были государю. Стечение народа было неимоверное; радостные клики сопровождали императора от самого Петровского дворца до Кремлевского; дома украшены были разными дорогими тканями; дамы во всех окошках приветствовали вожденного гостя, махая белыми платками своими, развевающимися по воздуху; погода была прекрасная, как посреди лета. Я в жизнь мою ничего не видывал ни торжественнее, ни восхитительнее сего достопамятного дня.

Граф Н.П.Румянцев пригласил меня остановиться в его доме. По приезде в Москву я сделал несколько визитов моим знакомым, между которыми я не забыл А.Н.Гончарова; я не виделся с ним после коронации императора Павла. Через несколько дней он приезжает ко мне и просит меня достать несколько билетов для фамилии госпожи Цуриковой, чтобы смотреть на коронацию, и что он делает сие по просьбе племянника Авдотьи Дмитриевны, князя Черкасского, с которым он очень знаком. Я послал просить церемониймейстера: билеты были присланы, и я вручил оные г. Гончарову. Священный обряд коронации происходил, как обыкновенно, в Успенском соборе. Зрелище было восхитительное и трогательное, когда император возлагал корону на августейшую свою супругу, и видеть потом молодую императорскую чету, пленительной красоты, в коронах и царских облачениях, шествующую при пушечной пальбе, колокольном звоне и восклицаниях многочисленного народа, под золотоглазетовыми балдахинами, вокруг древнего Кремля. По сему случаю праздники были превеликолепные, особливо у графа Шереметьева в Останкине, где дан был спектакль, бал, фейерверк и ужин, и вся дорога от Москвы до Останкина, на расстоянии шести верст, была иллюминирована.

Чтобы дать понятие, с каким восторгом император Александр встречался в Москве народом, привожу следующий случай. Его величество всякий день, после развода, изволил прогуливаться по московским улицам, верхом, в сопровождении бывшего тогда в Москве главнокомандующего, фельдмаршала графа Салтыкова, и дежурного генерал-адъютанта. Однажды я имел счастье сопровождать императора; множество народа окружило государя и беспрестанно кричало: «Ура!» Один мужик долго шел подле стремени императора, все любясь на него, вдруг обтер пыль с сапога его величества, перекрестился и поцеловал его ногу. Это было как сигналом для всей толпы, которая таким же образом начала целовать с обеих сторон ноги императора.

После коронации приезжал ко мне князь А.А.Черкасский с Гончаровым, чтобы благодарить меня за доставленные мною билеты для его тетушки, но не застал меня дома; через несколько дней я просил Афанасия Николаевича свозить меня к князю, но его не случилось дома, и я принят был Авдотьей Дмитриевной Цуриковою; она меня очень обласкала, но ее дочери я не видал. После приезжал ко мне князь А.А.Черкасский в другой раз; я навестил его опять, и, таким образом, сделался знаком в доме Авдотьи Дмитриевны, теперешней матушки моей, тещи. Один несчастный случай доставил мне способ оказать услугу Авдотье Дмитриевне. Сделался пожар в конюшне, принадлежавшей к ее дому, который угрожал распространиться и дом подвергнуть пламени. Приехала пожарная команда; полиция вообще тогда не была в таком устройстве, как мы видим ее теперь; я взял команду под свое распоряжение, и так удачно оною действовал, что, кроме нескольких стойл, в конюшне ничего более не сгорело; А.Д.Цуриковой не случилось тогда дома. Я, как водится, осыпан был за то благодарностью.

Первый, сделавший предложение, Авдотье Дмитриевне о желании моем войти в ее семейство, был Н.С.Свечин, с которым я имел давнее знакомство; он тогда служил генерал-провиантмейстером и женат был на родной племяннице жены В.Д.Арсеньева, родного брата Авдотьи Дмитриевны, находившегося под командою Свечина. После того граф Н.П.Румянцев, как принимавший всегда

живейшее участие во всем том, что могло случиться для меня счастливого, поехал к Авдотье Дмитриевне и говорил много в мою пользу. Наконец мне сделан был отзыв довольно удовлетворительный.

Между тем двор из Москвы возвратился в Петербург. Я, пробыв несколько дней после того в Москве и получив удостоверение о будущем моем счастье, отправился туда же для испрошения позволения у императора вступить в законный брак с девицею Елисаветою Егоровною Цуриковой, о котором государь уже несколько был известен, и пригласить зятя моего А.Н.Астафьева и сестрицу Анну Федотовну быть свидетелями события, которого они так давно желали, совершившегося 8 января 1802 года в церкви Косьмы и Дамиана на Полянке, почти против дома В.Д.Арсеньева.

В марте месяце того же года мы поехали в Петербург: матушка моя, теща, которая с того времени заступила для меня место моей родной матери, по ее ко мне милости и по моей сыновней к ней привязанности, — жена моя Елисавета Егоровна, князь А.А.Черкасский, родной племянник матушки, и я.

Император предпринял летом путешествие в остзейские провинции; я испросил у его величества позволение во время его отсутствия съездить осмотреть деревни жены моей, куда и матушка с нею приехала; я в первый раз познакомился тогда с прелестным Городищем и полюбил оное. Объезжая прочие деревни и входя в каждый крестьянский дом, я нашел в одном из них, в селе Покровском, старуху и трех молодых женщин. Спрашиваю, почему я не вижу ни одного мужика. Старуха, заплакав, мне отвечала, что из молодых женщин одна ее дочь и две невестки, которые обе овдовели, что с небольшим в три недели их мужья, а ее сыновья померли от горячки, и что дом ее остался почти без работников. Сие тотчас подало мне мысль иметь лекаря и учредить в Городище лазарет, чем я немедленно занялся и скоро привел в исполнение.

ГЛАВА VI

Дело Шубина — Назначение начальником петербургской полиции — Граф Каменской, главнокомандующий столицю — Преобразования по полиции — Просьба об увольнении от полицейской службы и ее результаты — Эртель — Покупка у него 500 душ крестьян и выгодная их продажа — Проект о сформировании земского войска — Солдатские светлицы при Екатерине П — История казарм Семеновского полка — Приезд эрцгерцога палатина — Получение от эрцгерцога графского достоинства — Рождение сына — Отъезд эрцгерцога — Мысль об учреждении секретной полиции — А.Д.Балашов — Определение его московским обер-полицеймейстером — Болезнь и отправление за границу

По возвращении моем в Петербург случилось происшествие, которое сделало тогда много шуму. В Семеновском полку служил поручиком Шубин; он был очень дружен с К.М.Полторацким, бывшим тогда полковым адъютантом Семеновского полка. Шубин однажды открылся ему, что какой-то Григорий Иванов, находившийся при дворе великого князя Константина Павловича, предлагает ему войти с ним в заговор против императора Александра, что Шубин никак на сие не соглашается, а открывается Полторацкому с тем, что нельзя ли Григория Ивановича схватить, ибо у них свидания бывают в Летнем саду, когда смеркается. Полторацкий на сие согласился и в назначенный день и час поехал с Шубиным в Летний сад. Идя вместе по большой аллее, Шубин сказал:

— Слышишь, кто-то идет. Это верно он! Ты постой, а я пойду к нему навстречу.

Полторацкий после показал, что он точно слышал будто шаги и видел даже, что кто-то мелькнул между деревьями; сие, вероятно, ему просто показалось. Через пять минут Полторацкий слышит pistolетный выстрел, бежит на оный и видит друга своего Шубина, лежащего на земле и говорящего:

— Ах, злодей меня застрелил!

Полторацкий не знал, что с ним делать, поднял его и примечает, что у него идет кровь из левой руки; к счастью, видит огонь в нижнем этаже Михайловского замка, Полторацкий ведет Шубина туда. Этот огонь был в комнатах, занимаемых бывшим кастеляном того замка. Полторацкий осматривает своего друга и видит, что рана не смертельна, а только что прострелена рука выше локтя. Послали за лекарем, а Полторацкий поехал тотчас на Каменный остров, чтобы немедленно довести до сведения императора о таком важном происшествии. На Каменном острове все спало. Полторацкий идет в комнаты, где жил обер-гофмаршал, граф Николай Александрович Толстой, приказывает его разбудить и рассказывает ему о случившемся в Летнем саду. Граф Толстой решается идти к государю и сообщает его величеству о слышанном от Полторацкого. Петербургским военным губернатором был тогда Михаил Илларионович Кутузов.

За несколько времени перед тем случилось еще два происшествия в столице. Одна карета, ехавшая с Васильевского острова, на Исаакиевской площади смяла одного англичанина. У Михайловского замка, после постройки оногo, оставались еще шалаши, в которых жила рабочие люди; брат

кавалера великих князей, Николая и Михаила Павловичей, Ушаков, возвращаясь ночью домой в Михайловский замок, где он жил вместе с своим братом, выскочившими из тех шалашей людьми был ограблен и жестоко прибит.

Государь действиями петербургской полиции был уже весьма недоволен, ибо и то и другое из сих приключений остались нераскрытыми; происшествие, случившееся в Летнем саду, довершило, чтобы прогневать императора на полицию. Михаил Илларионович сказался больным. На другой день после шубинской истории назначена была комиссия из генерал-адъютантов: Уварова, князя Волконского и сенатора Макарова, чтобы произвести строгое по сему делу разыскание. Случившийся тогда в Петербурге фельдмаршал, граф Каменской, назван был главнокомандующим в столице, а я назначен к нему в помощники и начальником петербургской полиции. Фельдмаршал и я случились тогда во дворце, когда государю угодно было позвать графа Каменского и меня в свой кабинет и объявить нам обоим сию высочайшую свою волю. Вышедши из государева кабинета, я предложил фельдмаршалу навестить Михаила Илларионовича Кутузова; граф Каменской на сие согласился. Мы нашли Кутузова очень растроганным, особливо шубинской историей. Говоря о ней, я сказал:

— Мне кажется, что пресловутый Григорий Иванович — призрак.

Михаил Илларионович с восклицанием отвечал:

— Вы правы, генерал.

В следующий день приехал ко мне обер-полицеймейстер Овсов с двумя полицеймейстерами, Зайцевым и Евреиновым, и со всеми частными приставами. Из поданных мне рапортов я усмотрел, что при многих будках не было вовсе будочников; сие меня крайне удивило. Я спросил о причине и сказал:

— Мудрено ли, что по улицам делаются грабежи и драки, когда ни брать грабителей, ни разнимать дерущихся некому.

Частные пристава мне отвечали, что в будочники посылают людей обыватели из своих дворов, кого хотят, а тем из них, которые не пожелают прислать человека натурою, дозволяется внести девять рублей в месяц деньгами; что на сию сумму никакой нет возможности нанять человека, который бы согласился бессменно стоять на часах, а особливо зимою на морозе^[22].

Между частными приставами я заметил одного, который показался мне расторопнее прочих, фамилия его — Гейде; я приказал ему явиться к себе после обеда. Я спросил у него, знает ли он о двух происшествиях, которые случились несколько дней тому назад: с англичанином и с ограбленным г. Ушаковым.

Гейде мне отвечал, что он о том слышал. Я ему приказал непременно найти, кому принадлежала карета ехавшая с Васильевского острова, и отыскать тех людей, которые ограбили Ушакова, и что его ожидает награда, если он все это раскроет. Гейде испросил у меня позволения действовать в партикулярном платье, что я ему позволил. Через несколько дней найдено было, кому принадлежала карета и кто в ней ехал; лошади были ямские, ограбившие Ушакова были беглые солдаты, которые также отысканы. Гейде за сие произведен был в следующий чин.

Я занимался раскрытием и шубинского происшествия. Полиция открыла, что на третий день после выстрела истопник Михайловского замка, ловя рыбу в поперечной канаве, которая идет из Фонтанки в Екатерининский канал, вытащил пистолет, который тотчас был ко мне представлен. Я увидел, что он должен быть из военного седла; призвав к себе шубинского камердинера, я спросил у него, нет ли у его господина форменного седла.

— Есть, — отвечал он мне, — барин мой несколько времени исправлял в полку адъютантскую должность.

Я приказал принести пистолеты, и камердинер принес мне только один, который видно совершенно был пара найденному. Между тем, я узнал, что к Шубину допускается Полторацкий; я сообщил комиссии, что, мне кажется, не должно позволять им иметь свидания, ибо они могут сговориться, и тогда нельзя будет дойти до истины. Комиссия уважила сие обстоятельство, и к Полторацкому приставлен был полицейский офицер. Шубин представил приметы Григория Иванова; тотчас по всем трактам посланы были фельдъегери его отыскивать. Примеры эти чрезвычайно похожи были на П.В.Кутузова, которому показалось это очень обидно. Узнавши, что у Шубина бежал один из лакеев незадолго перед тем, я послал за его камердинером, который мне сие подтвердил. Я спросил у него, подавал ли барин его о том заявление в часть, и в которую. Камердинер мне отвечал, что он сам носил объявление в 3-ю Адмиралтейскую часть. Я приказал оное к себе, и открылось, что в нем написаны приметы те же самые, какие имел мнимый Григорий Иванов.

Я отправил в комиссию и найденный пистолет и копию с объявления о бежавшем лакее. Сии две улики немало способствовали к доведению Шубина до признания, что вся эта история была им выдумана, что Григория Иванова никогда не существовало, что он выстрелил в свою руку сам и бросил пистолет в канаву, что наделал много долгов, которые отец отказался за него платить, и что он решился все это сделать, надеясь, что государь его наградит. Шубина лишили чинов и сослали в Сибирь. Полторацкому, как говорится, вымыли голову за его легковёрность.

Государь скоро приметил, что граф Каменской был слишком тороплив, чрезмерно вспыльчив и переиначивал иногда даже приказания, его величеством ему даваемые. В отвращение сего последнего, государь повелел мне всякий раз после обеда приезжать к нему за получением приказаний, а от фельдмаршала поутру принимать изволил только рапорты, и когда он о чем докладывал, то его величество ему отвечал:

— Я после вам дам знать, что сделать должно.

Мое положение было самое затруднительное: иногда фельдмаршал вздумает сам собою сделать какое-нибудь распоряжение, а я знаю, что оно негодно будет государю, или я получил уже совсем противное тому повеление, то и должен был ему представлять, как от самого себя, что не лучше ли будет сделать иначе; ибо государю негодно было, по сродной его величеству деликатности, огорчить фельдмаршала тем, что будто он не имеет полной доверенности императора.

Я, пользуясь позволением всякий день после обеда приезжать к его величеству, представил государю однажды записку о положении, в котором находилась тогда полиция, и что кроме того, что будочников при всех будках не находится, но когда бывает пожар, то будочники ходят по улицам, вертят трещотками и сзывают с обывательских дворов людей, назначенных хозяевами для сей повинности, что весьма неудобно; сверх того, драгунская полицейская команда разделена по частям, и что у старательного только частного пристава она находится в порядке. Его величество, прочитав мою записку, удивился и изволил сказать:

— Как, здешняя полиция находится в таком положении, и мне никто о сем по сие время не говорил!

Поблагодаривши меня за мою догадку, приказать мне изволил представить мои мысли насчет улучшения полиции. Проект мой состоял в том, чтобы хозяева домов не посылали людей натурою в полицейские должности, а платили бы по 9 рублей в месяц за каждого, на что, по собранным мною предварительным сведениям, хозяева домов все согласны. В будочники и пожарные служители я предлагал определять из армейских полков менее способных к фронтовой службе, которые поступали тогда в гарнизонные полки, в коих не отправляли никакой службы. Присовокупив собираемую с хозяев домов сумму к положенному по штату жалованью и провианту, можно улучшить состояние каждого полицейского служителя. Драгунские полицейские команды для единообразия должны соединены быть в одну команду, и следует поручить оную исправному штаб-офицеру.

Государь во всех частях изволил утвердить мой проект и приказал тотчас учредить из полицейских драгун одну команду, начальником которой я назначил подполковника Гейде. Теперь все будочники и служители в пожарных командах, по тогдашнему моему проекту, комплектуются из внутренней стражи не только в Петербурге, в Москве, но и во всех губернских городах.

Скоро потом назначены были маневры всем гвардейским войскам и находящимся армейским полкам в окрестностях Петербурга, при Красном Селе. Все войска поручены были начальству фельдмаршала графа Каменского. Государю угодно было видеть искусство в военном ремесле сего состарившегося в оном генерала, но, кажется, он не вполне оправдал ожидания его величества. На время отсутствия графа Каменского из столицы я остался единственным оной начальником.

Я должен признаться, что моя настоящая должность становилась час от часу для меня тягостнее. Дурное устройство полиции, о котором я выше упоминал, бестолковость моего ближайшего начальства, против которого я должен был почти беспрестанно действовать, вовлекали меня в большие неприятности, а сверх того, и беспрестанные хлопоты, сопряженные с исправляемою мною должностью, изнуряли мои силы. По возвращении императора из Красного Села, хотя его величество изъявить мне изволил свое удовольствие за управление мною столицею, но я решился при первом удобном случае просить государя уволить меня от возложенной на меня обязанности.

Однажды я был приглашен на обед к императору; во время стола его величество публично отзываться изволил, что он моей службой очень доволен, и, глядя на меня, сказал:

— Но ты, брат, не потолстел, видно, полицейские хлебы тебе не впрок.

Я только поклонился, не отвечая ничего. После обеда я должен был принять, по обыкновению, приказания от государя; получивши оные, я осмелился представить его величеству, что физические мои силы отказываются продолжать служение в настоящей моей должности, и что я прошу одной милости — меня от оной уволить. Государь, несколько помолчав, сказать мне изволил:

— На кого же ты меня оставляешь? Ты знаешь, каков фельдмаршал!

Я продолжал:

Здесьняя полиция в самом дурном положении, как вашему величеству известно; я со всем моим желанием и усердием не в состоянии ее исправлять, ибо не имею ни малейшей опытности, ни познания по полицейской части; один, по мнению моему, генерал-майор Эртель, бывший обер-полицеймейстером почти во все время царствования покойного государя в Москве, может привести здесьнюю полицию в порядок.

- Да ты знаешь ли, — возразил государь, — каковы были Эртеля поступки в Москве? Я должен был первого его удалить от должности и дать ему полк.

Я на сие отвечал:

— Вашему величеству докладывал граф Салтыков, что Эртель действовал самовластно; может быть, он имел на то высочайшее повеление; но здесь, и в присутствии вашего величества, он, конечно, не осмелится выйти из границ своей должности; впрочем, я могу засвидетельствовать перед вашим величеством, что московские жители вообще были Эртелем очень довольны.

Государь, подумав немного, изволил сказать:

— Хорошо, я согласен, но с тем, что ты остаешься, как теперь, начальником полиции.

Я осмелился возразить:

— От сего потерпит служба вашего величества, ибо генерал-майор Эртель, будучи гораздо старше меня в чине, неохотно мне будет повиноваться.

Император изволил отвечать:

- Но ты мой генерал-адъютант.

- Все равно, государь, — продолжал я, — старшему быть в команде у младшего очень обидно.

Наконец его величество согласился и приказал мне послать фельдъегеря за Эртелем, который тогда был шефом Бутырского пехотного полка. Я несказанно был рад приезду Эртеля, который тотчас назначен был петербургским обер-полицеймейстером, а Овсов получил другую должность. Когда генерал-майор Эртель принял должность петербургского обер-полицеймейстера, государь в высочайшем приказе изволил объявить мне свое удовольствие за хорошее мною исправление порученной должности и в знак все милостивейшего благоволения пожаловал мне перстень с бриллиантами и с вензелевым его величества именем.

Я должен сказать, что во время нахождения моего под начальством графа Каменского он обращался со мной, невзирая на его крутой нрав, весьма снисходительно. Фельдмаршал так, можно сказать, надоел императору, что его величество однажды мне говорить изволил:

— Не хочет ли граф Каменской проситься прочь? Если бы сие случилось, я бы поставил свечу Казанской Божьей Матери!

С одной стороны, государь не хотел огорчить фельдмаршала увольнением его от должности, а с другой — граф Каменской привык служить там, куда государи его определяли, хотя фельдмаршал мне тоже говорил:

— Я приехал сюда огурчиком, а теперь стал похож на вялую репу. Меня однажды просил Эртель, чтобы, по знакомству моему с графом Васильевым, бывшим тогда государственным казначеем, куплены были у него в казну пятьсот душ, пожалованные Эртелю императором Павлом. Граф Васильев мне отвечал, что в казне тогда на сей предмет денег не было; мне вздумалось самому войти в торг с Эртелем, и, найдя покупку выгодною, за 75000 я приобрел те 500 душ, которые были в двух деревнях на Днестре в Подольской губернии. Я поехал осмотреть новые мои поместья и с удовольствием увидел Каменец-Подольск и его жителей, которые приняли меня с большою ласкою. Управление новополученным имением представляло, по отдаленности своей, некоторые неудобства, и я решился через год продать оное и получил 100000 рублей.

В проезд мой через разные города я видел гарнизонные роты, составленные из людей, по виду еще здоровых; сие подало мне мысль представить государю проект о сформировании из сих гарнизонных рот, — в которых люди не исправляли ни малейшей службы, особливо в заштатных городах, — под названием земского войска, разделив оное на батальоны и команды, которые и подчинить отставным из военной службы начальникам. Тогда в губернских городах были драгунские команды и несколько пеших солдат, а в уездах штатные команды, состоявшие в губернских городах под распоряжением губернаторов, а в уездных — городничих; но число людей в сих командах было весьма ограничено.

Государю проект мой понравился, и, может быть, оный послужил основанием учреждения впоследствии внутренней стражи.

В царствование императрицы Екатерины солдаты гвардейских полков жили в так называемых светлицах; светлица была деревянная связь, разделенная сенями пополам, и состояла из двух больших покоев; в каждом из них помещались и холостые, и женатые солдаты. Между строением находилось довольно большое пространство пустой земли, которая занималась огородами. Светлицы выстроены были по обеим сторонам улицы, в линию, и в каждой из оных квартировала одна рота, а потому и теперь называют еще улицы, находившиеся в гвардейских полках, по номерам живших тогда в оных рот. Офицеры жили в больших деревянных связях: у богатых и у женатых оные были прекрасно убранны.

Императору Александру, еще наследником престола, угодно было на свой счет, для своего Семеновского полка, выстроить каменный полковой двор, где должны помещаться лазарет и церковь, три флигеля для офицеров и казармы для помещения солдат всего полка. Производство сих строений поручено было полковнику Путилову, бывшему тогда адъютантом при его высочестве наследнике, и архитектору Волкову, а по выходе Путилова в отставку на его место определен гардеробмейстер Геслер. Дабы скорее окончено было строение, отдали оное на подряд. Архитектор Волков вскоре умер. После восшествия императора Александра на престол, через два года, казармы Семеновского полка оказались от сырости к жительству почти совсем неспособными. Однажды государь мне изволил рассказывать, какой капитал употреблен на построение казарм, и в то время, когда он сам нуждался в деньгах, а теперь они обратились ко вреду тех, которым его величество желал доставить покой и выгоды. Император находился в большом затруднении, каким бы образом сделать казармы к жительству удобными. Наконец государь изволил мне сказать:

— Не возьмешься ли ты за это дело? Я отвечал:

Вашему величеству известно и мое усердие, и моя ревность: я готов исполнять все, что приказать изволите, — и тотчас предложил средство, которое государю очень понравилось.

Мне кажется, что должно созвать, — сказал я, — всех лучших здешних архитекторов и каменных мастеров, осмотреть с ними казармы и потребовать их мнения о приведении оных в такое состояние, чтобы безвредно можно было в них жить.

Сие было сделано, и нашли, что должно пристроить особливые кухни и прачечные.

Потом государю угодно было возложить на меня построение кавалергардских, конногвардейских, Измайловских и построить вновь несколько семеновских казарм.

В начале 1803 года эрцгерцог палатин изъявил желание видеться с императором и со вдовствующею императрицею, после кончины его супруги великой княгини и эрцгерцогини Александры Павловны. Государю угодно было послать меня на встречу его императорского высочества. Я дождался эрцгерцога палатина в Вильне. Так как это было в марте месяце, то дорога так испортилась, что его императорское высочество принужден был оставить свои тяжелые экипажи и ехать на перекладных повозках. Я предложил эрцгерцогу остановиться в Нарве и послать курьера в Петербург, чтобы высланы были легкие экипажи, но на сие он не согласился. Подъезжая к Петербургу, в санях не было возможности ехать, и мы сели в две телеги: в одной эрцгерцог со мною, а в другой один из его адъютантов с камердинером его императорского высочества. Я боялся, что привезу эрцгерцога полумертвым, и действительно, он насилу на ногах мог держаться, когда мы приехали в Зимний дворец.

Его императорское высочество ввели в приготовленные для него комнаты. Немедленно пришли к нему император и вдовствующая императрица; все пеняли эрцгерцогу, что он так много рисковал; но он тотчас, однако же, сказал, что я просил его остановиться в Нарве и послать за экипажами, но его нетерпение было так велико увидеться с их императорскими величествами, что не хотел ни минуты промедлить. Я должен был всякое утро приходиться к государю и принимать приказания на целый день для эрцгерцога; иногда император мне говорил:

— Поди к матушке и спроси, как ей угодно, чтоб палатин провел день.

Я беспрестанно находился с эрцгерцогом, кроме только, когда он обедал или проводил вечер с одною императорскою фамилиею. Свита его императорского высочества состояла из гофмейстера его, графа Сапари, двух камергеров, двух адъютантов и одного медика. Эрцгерцог обходился со мною весьма милостиво, а граф Сапари полюбил меня как невозможно больше; он пользовался совершенною доверенностью его императорского высочества. Однажды граф Сапари мне сказал:

- Вы, генерал, примечаете, я думаю, как его императорское высочество, эрцгерцог, вас любит; ему бы хотелось сделать для вас что-нибудь приятное; скажите мне откровенно, чего бы вы желали?

Я ему отвечал:

Для меня очень лестно слышать, что его императорское высочество имеет ко мне столько милостей, я этим очень доволен, и больше ничего не желаю.

Вы мне сказывали, генерал, — продолжал граф Сапари, — что вы недавно женаты; разве вам не было бы приятно, и вашей молодой супруге, получить графское достоинство? Сей титул вы оставили бы в наследство вашему потомству.

Сие предложение меня очень удивило и, признаюсь, обрадовало.

— Я бы почел для себя это большим счастьем, — отвечал я, — но без воли императора не могу принять милости, которую угодно мне оказать его императорскому высочеству; а между тем прошу ваше сиятельство повергнуть мою признательность к стопам эрцгерцога.

На другой день, поутру рано, я пришел к государю, и, к счастью моему, никого не было у его величества. Я тотчас передал разговор мой с графом Сапари, слово в слово. Государю, приметно, это было очень приятно, и он изволил с обыкновенною его милостию мне сказать:

— Я этому очень рад, и как ты думаешь, — продолжал государь, — если и я примолвлю за тебя слово эрцгерцогу, не испорчу дела?

Я начал его величество благодарить, а государь меня обнял и продолжать изволил:

— Неужели ты думал, что я когда-нибудь помешаю твоему счастью! Напротив, я всегда готов к тому способствовать.

В сей день был обед у императора, и я видел, что после стола государь отвел эрцгерцога к окошку и довольно долго с ним разговаривал, чего прежде я не заметил. В тот же вечер эрцгерцог отправил курьера в Вену. Мне странно было, что граф Сапари не спрашивал у меня после, просил ли я у государя позволения принять предложенное мне им от имени эрцгерцога достоинство, и получил ли я или нет высочайшее на то соизволение. Спусти несколько недель прихожу я в одно утро, по обыкновению, к эрцгерцогу; вдруг вижу, что отворяются обе половинки двери из его кабинета, и он несет на обеих руках какую-то широкую, в малиновом бархате переплетенную книгу, и идет ко мне навстречу. Подошел, его императорское высочество, отдавая мне эту книгу, сказал:

— Поздравляю вас, граф Священной Римской империи.

Я догадался, что сия книга должна быть диплом на графское достоинство. Я принял книгу и, принеся мою благодарность эрцгерцогу, просил позволить отнести ее к государю. Император изволил меня поздравить графом и повелел мне диплом мой оставить у его величества, который препровожден был потом через бывшего тогда министра юстиции Г.Р.Державина, при высочайшем указе, в правительствующий сенат, для рас публикации повсеместно[23].

Мне сказывал после граф Сапари, что когда император Франц известился о желании государя, чтобы я получил графское достоинство, и что эрцгерцогу хотелось, прежде отъезда своего из России, лично вручить мне диплом, то его величество приказал канцлеру своему графу Кобенцелю оставить все прочие дела и заняться отправлением скорее диплома в Петербург. Я забыл сказать, что предварительно из герольдии вытребована была моя родословная. Государь довершил милостивое свое ко мне участие тем, что когда я получил графское достоинство, его величество повелел своему послу в Вене, графу Разумовскому, испросить особую аудиенцию у императора Франца и изъявить его величеству от имени государя признательность за введение меня в достоинство графа Священной Римской империи.

Эрцгерцог собирался к отъезду из России. Мне хотелось дать прощальный обед свите его императорского высочества, и для того позвал оную к себе. 28 мая 1803 года, лишь только отобедали и гости мои разъехались, как Бог мне даровал первого сына графа Егора Евграфовича[24]. Восприемниками его были император и вдовствующая императрица.

По случаю возложенного на меня государем поручения, построения для гвардейских полков казарм, о чем я говорил выше, я не мог сопровождать эрцгерцога палатина на возвратном его пути до границы; сие возложено было на генерал-адъютанта А.В.Васильчикова. Прощаясь со мной, его императорское высочество подарил мне золотую табакерку, осыпанную брильянтами, с его вензелем, которую ценили тогда в 7 тысяч рублей.

Когда государь собирался ехать в Аустерлицкую кампанию, приказать мне изволил явиться к себе.

— Я еду в армию, — сказал мне император, — но тебя не беру с собой потому, что ты гораздо будешь для меня важнее здесь; впрочем, ты пороку уже нанюхался и видел близко неприятеля, — продолжал государь. — Я поручаю столицу Вязьмитинову[25], а тебя назначаю к нему в помощники; сверх того, я

желаю, чтобы учреждена была секретная полиция, которой мы еще не имеем и которая необходима в теперешних обстоятельствах. Для составления правил оной назначен будет комитет из князя Лопухина[26], графа Кочубея[27] и тебя. Ты видишь, — присовокупил император, — что тебе нечем обижаться, что не будешь находиться в кампании, я знаю твою голову и усердие; прощай, Бог с тобой.

По отъезде государя к армии я был у благодетеля моего, графа Николая Петровича Румянцева, и сообщил ему о комитете. Он мне сказал:

— У меня есть много книг касательно сей полиции, и мы вместе, если хочешь, станем делать выписки об образовании оной. Когда ты приедешь в комитет, ты будешь уже иметь понятие о предмете оного и сообщишь сведения, которые прочим членам комитета, может быть, вовсе неизвестны.

Мы действительно сими выписками несколько времени занимались; комитет сей, однако же, не состоялся, и мне никогда не была известна сему причина.

Во время отсутствия государя, которое продолжалось, как известно, не очень долго, я исполнял некоторые поручения генерала Вязьмитинова и занимался казенными строениями. По возвращении императора в Петербург его величество с удовольствием увидевший хороший успех в строениях, под моим распоряжением бывших, и по донесении петербургского военного губернатора о исправном исполнении делаемых им мне поручений его величеству угодно было 16 марта 1806 года наградить меня орденом Св. Анны 1-го класса, при весьма милостивом рескрипте.

Во время служения моего еще в Измайловском полку я весьма был дружен с Александром Дмитриевичем Балашовым; он выпущен был из камер-пажей поручиком в наш полк, вышел в армию подполковником, а в царствование императора Павла, как и все те, которые не подверглись выключке из службы, скоро достиг до генерал-майорского чина. Когда объявлена была война Англии, Балашов был назначен военным губернатором в Ревель. Адмирал Нельсон пришел с вверенною ему эскадрою в Балтийское море с тем, чтобы истребить наш флот и взять Ревель и Кронштадт. Император Павел тогда скончался. Государь Александр Павлович, по восшествии своем на престол, послал в Англию Новосильцева, а Балашову поручено было трактовать с Нельсоном, бывшим уже со своею эскадрою в виду Ревеля. Как известно, мир с Англиею скоро был заключен, а вместе с тем уничтожилось и ревельское военное губернаторство; Балашову поведено было состоять по армии. Потом он назначен был шефом Троицкого пехотного полка. Я Балашова потерял совсем из виду. В одно воскресенье во время спектакля в Эрмитаже граф Кочубей, бывший тогда министром внутренних дел, говорит мне:

— Государь поручил мне спросить у вас, не знаете ли вы кого-нибудь из ваших сослуживцев, которого бы можно было назначить в московские обер-полицеймейстеры.

Я ему отвечал, что сию минуту никого не имею, но чтобы граф позволил мне подумать.

На другой день мы званы были на музыкальный вечер к А.Н.Гончарову, который переселился в Петербург и которого сын учился тогда у славного Роде играть на скрипке. Каково же было мое удивление встретить там Александра Дмитриевича Балашова[28]. Не видавшись столько лет, мы друг другу обрадовались; я начал у него расспрашивать, почему он во фраке и оставил военную службу, и давно ли в Петербурге. Он мне отвечал, что в Петербург только что приехал, и не по своей надобности; что он имел дело около Вышнего Волочка, там нашел одного из своих приятелей, который в затруднении был доставить сына своего в Петербург для определения в корпус.

— Я, как человек свободный, — продолжал Александр Дмитриевич, — и бывший на половине дороги, вызвался оказать приятелю моему сию услугу и вместе с тем я желал повидаться с моими знакомыми; а что оставил службу, так потому, что меня иметь в оной более не желают.

Я возразил.

— Как не желают! Этого, кажется, быть не может. Он мне на сие сказал:

— Выслушай, что со мной случилось: я был, как тебе известно, ревельским военным губернатором и имел там весьма важное поручение, которое исполнил, кажется, нельзя лучше; вместо награды я лишился места и состоял по армии; вдруг получаю приказ, что Преображенского полка полковник Запольский назначается шефом первого в армии полка, Екатеринбургского гренадерского, а я получаю Троицкий полк, который расположен по Кавказской линии. Я, однако же, поехал к полку и, дождавшись 1 сентября, подал в отставку. После сего желают ли меня иметь на службе, и как бы ты на моем месте поступил?

Я должен был с ним согласиться, что ему не оставалось ничего другого делать.

Но, — продолжал я, — неужели ты решился в твои лета никогда более уже не служить? Есть должности, в которых можно быть полезным отечеству, и кроме военной службы.

Я живу с моей матушкой, с женой, с сестрами, —отвечал он, — и в кругу моего семейства я чрезвычайно счастлив.

Я ему сказал:

— А если можно соединить и семейную жизнь и службу вместе, то не будет ли сие приятнее?

Тогда я сообщил Балашову о сделанном мне поручении. Он, подумав несколько, отвечал:

— Хотя и трудно решиться быть разжаловану из попов в дьяконы, ибо, как военный губернатор, я имел в команде у себя полицеймейстера и всю полицию и ни от кого не зависел, а тут сам буду под командой; но я бы сию должность принял, только я уверен, что меня не определят.

В следующий день поутру я донес государю, что по сделанному мне поручению графом Кочубеем, по воле его величества, я осмелился бы рекомендовать в московские обер-полицеймейстеры Балашова, но он полагает, что имеет несчастье быть под гневом его величества. Потом рассказал все слышанное мною от Александра Дмитриевича государю. Его величество изволил слушать с большим вниманием, наконец сказать изволил:

— Я помню Балашова с того времени, как он еще был камер-пажом при бабушке; после видел его в Казани комендантом и знал, когда он был ревельским военным губернатором; сие место, с миром с Англией, само собой уничтожилось. Назначение же полковника Запольскогошефом Екатеринославского гренадерского полка произошло оттого, что я в сем полку беру большое участие: ты знаешь, что шефом оною я назначен был покойною бабушкою[29]. Полк сей приведен в большое расстройство Палицыным; мне надобно было поручить оный такому начальнику, которого бы я лично знал по службе и который бы в состоянии был полк привести в хорошее состояние. Балашов, кажется, от фронтальной службы отвык, а так как он состоял по армии, то и назначен был шефом первого вакантного полка. Из сего ты видишь причины, по коим сделан шефом Екатеринославского гренадерского полка Запольский, а не другой кто. Ты можешь уверить Балашова, что я вовсе не хотел его обидеть, и ничего, кроме хорошего, против его не имею, и если он желает быть московским обер-полицеймейстером, то я охотно его в сию должность определяю. Прикажи ему явиться к Кочубею.

Увидевшись с Александром Дмитриевичем, я ему передал разговор мой с государем, и Балашов получил желаемое им место. Сие было начало его последующей фортуны по службе и всех почестей, им в оной приобретенных. Я должен отдать справедливость Александру Дмитриевичу, что он более и более старался всегда оказывать мне знаки своей дружбы и откровенности.

В октябре месяце 1806 года я весьма сильно занемог и по причине сей жестокой моей болезни, продолжавшейся около года, я не мог участвовать в Фридландской кампании. Государь принимать изволил самое милостивое и живейшее участие в отчаянном почти положении моей жизни, в котором я находился. Прислать изволил лечить меня собственного своего доктора Крейтона, который обязан был всякий день доносить императору о состоянии моего здоровья. Его величество полагать изволил, что сия жестокая болезнь мне приключилась от простуды, которую я получил, ездив беспрестанно по казенным строениям, в самую ненастную погоду; тем более государь желал моего выздоровления. Наконец болезнь моя кончилась, но оставалось сильное расслабление в нервах. Лечившие меня медики признали необходимость, чтобы я поехал к минеральным водам в чужие края. Я лишь только послал о сем государю просьбу, как его величество соизволил на мой отъезд, не отдавая о том приказа, дабы я не лишился во время моего отсутствия моего трапезанта.

Мы все это лето прожили на даче по Петергофской дороге, на 6-й версте, принадлежащей княгине Дашковой.[30]

---

[1] Все преступление графа Суворова было, как говорили, в том, что когда император Павел спросил его мнения насчет введенного его величеством нового одеяния войск, которые имели прежде остриженные волосы в кружок, а по новому положению должны были иметь косы и пукли, то Суворов будто отвечал между прочим: «Пукли не пушки, а коса не штык».

[2] Императрице Марии Феодоровне угодно было поручить мне привезти для ее величества из Италии разных шелков и пармезанского сыру, до которого императрица была охотница. Я обе сии комиссии исполнил в точности.

[3] Казаки взяли в реквизицию где-то одну небольшую синего цвета карету. Граф Суворов ее увидел и приказал купить: в этой карете он всегда ездил запряженною парюю лошадей, которых брали из ближних деревень, и с кучером из мужиков, а кривой его повар стоял всегда лакеем на запятках.

[4] Известно, что когда граф Суворов находился с кем-либо наедине, то он говорил с большим красноречием и умом.

- [5] Генерал Розенберг точно несколько лет командовал в Крыму войсками и оттуда назначен был в итальянскую армию.
- [6] По приезде в Вену его высочество приказал берейтору своему Штраубе купить для своего седла лошадей, и всякий из нас дал ему такую же комиссию. Хотя Штраубе и накупил всех нужных лошадей для великого князя и для его свиты, но они не могли поспеть к делу 1 мая. Генерал граф Милорадович, великолепный во всех его деяниях, по прибытии его высочества к корпусу генерала Розенберга, в котором Милорадович служил, подвел к великому князю прекрасную английскую лошадь; Сафонова и меня, как бывших с ним ополчан, ссудил тоже английскими лошадьми. Из всех лошадей в деле при Бассиньяно одна только лошадь его высочества уцелела, а Сафонова и моя пропали.
- [7] Бонапарте был тогда в Египте.
- [8] Цепь носится на шее, и тот, который получает оную, называется *le consin du roi* (кузен короля). Князь Суворов поступил при раздаче орденов более пристрастно, нежели справедливо, ибо получили оные или родственники его, бывшие в армии, или находящиеся при нем чиновники; из отличившихся же действительно в армии никто почти оных не был удостоен.
- [9] Я сохранил у себя всю бывшую по сему предмету переписку.
- [10] Товарищ мой, его высочества адъютант, полковник Ланг, тоже командовал батальоном; он умер от раны, полученной при озере Ключталъ.
- [11] Незадолго пред тем приехал в Петербург Дибич, отец фельдмаршала, он служил адъютантом при Фридрихе Великом. Император принял его в нашу службу подполковником и определил к своей особе. Государь так много желал подражать во всем Фридриху I, что когда узнал об отчаянной болезни великой княгини, приказал Дибичу, как говорили, сделать церемониал похорон своей невестке такой точно, какой был в употреблении в Пруссии при погребении принцесс.
- [12] Граф Шувалов находился тогда в Италии из-за раны.
- [13] Сафонов и я носили мундир Измайловского полка.
- [14] Пойман и повешен (*франц.*).
- [15] В царствование императора Павла можно было испугаться, ибо на мятежном Дону незадолго перед тем и головы рубили, и вешали.
- [16] Оболянинов был тогда генерал-провиантмейстером и генерал-прокурором.
- [17] Граф Пален был тогда вторым военным петербургским губернатором.
- [18] Мне показалось не излишним объяснить здесь все случившееся с Удомом, чтобы показать, за что самые заслуженные и отличного поведения чиновники в царствование императора Павла подвергались иногда выключке из службы.
- [19] Это тот самый, который служит генерал-лейтенантом и тонул вместе в реке Рымнике с князем Аркадием Александровичем Суворовым.
- [20] Удом, чрез месяц после моего приезда в Петербург, определен был в тот же Таврический гренадерский полк, из которого он был выключен. Сколько сия перемена в царствовании сделала счастливых, подобно Удому!
- [21] Надобно думать, что император Павел имел некоторое подозрение об измене, ибо за несколько недель до сего плачевного события государь повелел Оболянинову, бывшему тогда генерал-прокурором, привести обоих великих князей к присяге на верность к нему в церкви Михайловского замка, что и было исполнено; его высочество цесаревич показывал мне место в церкви, где сие происходило.
- [22] Тогда в будках не было печей.
- [23] Австрийскому курьеру, привезшему мой диплом на графское достоинство, я подарил 100 червонцев.
- [24] О рождении прочих моих детей написано в святцах, и потому упоминать здесь о том я нахожу излишним.
- [25] Вязьмитинов был тогда петербургским военным губернатором.
- [26] Князь Лопухин — министр юстиции
- [27] Граф Кочубей — министр внутренних дел.

[28] Балашов по первой своей жене был в родстве с женою Гончарова.

[29] Императрица Екатерина, незадолго до ее кончины, назначила шефами полков гренадерских: Екатеринославского — великого князя Александра Павловича и С.-Петербургского — великого князя Константина Павловича.

[30] На сей даче мы имели тогда несчастье лишиться дочери нашей Авдотьи, которая была старше дочери Анны.

ГЛАВА VII

Приезд в Вену — Болезнь — Доктор Капелини — Бракосочетание императора Франца — Увеселения венской аристократии — Рождение сына Александра — Г-жа Сталь — Переселение в Баден — Поездка в Пресбург — Коронование новой императрицы венгерской короной — Возвращение в Баден и в Вену — Гулянья в Пратере — Образцовый порядок — Переселение в Париж — Прием у Наполеона — Князь Куракин — Параллель между Парижем до революции и Парижем времен империи — Представление императрице Жозефине — Симпатия к русским — Спектакли в Тюльри — Строгости придворного этикета — Обед

Сентября 15-го 1807 года прямо с дачи мы поехали в Вену. В сем путешествии находились: матушка, жена моя, сын Егор Евграфович, который был тогда по пятому году, с его няней, и, чтобы вести счета во время дороги, — двоюродный мой племянник Н.Н.Акинин, а дочь нашу Анну, которая имела тогда полтора года, поручили сестрице моей Анне Федотовне.

Во время вояжа нашего ничего примечательного до Вены не случилось. По приезде нашем в сию столицу мы нашли ее наполненною таким множеством приехавших со всех сторон любопытных, по случаю бракосочетания императора Франца с третьей его супругой, принцессою д'Эсте, что ездили несколько часов по всему городу, чтобы сыскать квартиру в какой-нибудь гостинице. Наконец принуждены были остановиться в самой последней из всей Вены Kartner-Strasse, «Am wilden Mann», и то отвели нам только три комнаты в 4-м этаже.

На другой день я поехал к нашему послу, которым был тогда в Вене князь Александр Борисович Куракин. Он предварен уже был о моем приезде вдовствующею императрицею, которая к нему была очень милостива и вела с ним партикулярную переписку. Князь Куракин, увидя меня, сказал:

— Я давно уже ожидаю ваше сиятельство, мне ваш приезд сюда был известен; рад буду оказывать вам всякого рода услуги, — продолжал он, — знаю, что вы приехали сюда лечиться, и что в вас принимают участие их императорские величества.

После некоторых еще взаимных комплиментов я возвратился домой. Желая показать жене моей любимое венских жителей гулянье, по бастионам вокруг города^[1], я надел фрак и пошел с ней гулять. Это было уже в ноябре месяце, ветер был прехолодный, и я сильно простудился; к вечеру я почувствовал большой жар. К счастью, пришел меня навестить бывший тогда советником посольства барон Аистен, с которым я знаком был, когда он служил при принце Нассау. Он, увидев меня в этом положении, а особливо жену мою в отчаянии и матушку, которая себя также не очень хорошо чувствовала, сказал:

— Вы живете в самой дурной гостинице, какая только есть в Вене, но вознаграждены тем, что напротив вас живет лучший здешний и всех русских доктор Капелини, и в том же доме есть и аптека. Пошлите за Капелини: он, верно, дома и к вам тотчас будет. Если угодно, я напишу к нему записку и пошлю с своим человеком.

Капелини действительно к нам тотчас явился и нашел, что у меня на лице и на голове делается рожа.

Мы впоследствии имели в нем друга, а не медика. Первое, что он сказал:

— Вам здесь никак нельзя оставаться; я постараюсь найти для вас покойную квартиру, а между тем для графа нужен хороший суп; в здешней гостинице столь прескверный; я буду присылать оный с моей кухаркой, а так как в трактире не дозволяют носить кушанья со стороны, она называться будет вашей прачкой и ходить к вам будто с бельем. Подле самой той комнаты, в которой я лежал, жило несколько офицеров, которые целые ночи проводили в пьянстве, в картежной игре и в ужасном шуме. Племянник мой Акинин несколько раз ходил просить их, чтобы не так шумели, что подле них лежит больной русский генерал, но они переставали только на минуту, а потом опять тот же шум возобновлялся и гораздо еще сильнее. Каково же было мое положение, что я в страдании не мог не только спать, но иметь ни малейшего покоя. Один раз Капелини входит к нам с веселым видом и говорит:

— Как я рад, что наконец нашел для вас препокойную квартиру, которую я сам ездил осматривать; я не пропустил ни одного объявления, чтобы не прочесть, и дал комиссию моим приятелям и

знакомым искать и наведываться о квартире для вас, и теперь, кажется, я в этому спел. Дом в предместье^[2] в два этажа, главный фасад в сад, принадлежит земляку моему Оригони; верхний этаж занят жильцами, а нижний свободен, — и сказывает нам цену.

Мы стали его благодарить как нельзя больше и просить, чтобы он тотчас нанял квартиру, и дали денег для задатка. Капелини нам сказал:

— Здесь иначе не нанимают квартиры, как на известное время и по контракту. Если вам угодно, — продолжал он, — я заключу контракт от своего имени, но должно только определить время.

Мы решились нанять квартиру на шесть месяцев. Мне сделалось несколько лучше, то есть боли перестали, но на лице была еще большая опухоль. Капелини долго не знал, каким образом меня перевезти; наконец решился, чтобы портшез^[3] принесли к самой моей постели и, окутав меня хорошенько, чтобы я не простудился, отнесли бы на новую квартиру. Лестница была в сем мерзком трактире так узка и с поворотами, что с большим трудом меня снесли вниз. Послан был вперед мой камердинер, немец, который нанят был еще в Петербурге, чтобы приготовить для меня постель; каково же было мое удивление, когда я увидел, что Капелини меня сам дождался; я не мог довольно изъявить ему моей благодарности, и в самом деле, какое примерное и редкое попечение о своем больном!

Я думал, что я нахожусь в раю: комнаты прекрасные, опрятные, хорошо меблированы; и меня принесли к самой моей постели. Капелини приказал комнаты вытопить и везде накурить. Я скоро совершенно оправился в чистом воздухе, который был в наших комнатах.

Во всем доме жили только две фамилии: вверху графиня Лабия, урожденная графиня Гадик, а внизу наша. Граф Лабия, дворянин из Венеции, после всех перемен, случившихся с сей республикой, в которой он имел большие маенности, решился оставить жизнь свою в Австрии; он находился тогда по своим делам в Венеции. Мы скоро познакомились с его женою и нашли в ней прекрасную и премилую соседку. Мы с ней видались почти всякий день.

Поручили нашему доктору Капелини, чтобы найти для старшего нашего сына, за которым необходим уже был присмотр, род гувернера. Капелини нам рекомендовал отставного из австрийской службы поручика, родом итальянца, Витали, за нравственность которого он ручался. Основываясь на рекомендации Капелини, мы взяли к себе Витали.

Тогда в Вене было русских: Н.А.Нарышкин со своей фамилией, княгиня Шаховская с двумя дочерьми, деверем своим, князем Шаховским, и Бахметевым; прекрасная Татищева, бывшая тогда Безобразова, и теперешний ее муж Татищев; барон Бюллер, бывший нашим министром в Мюнхене, с своим семейством, князь Багратион, графиня М.А.Толстая с двумя дочерьми и с двумя сыновьями — муж ее, граф П.А., был тогда послан в Париж; с нею приехал П.А.Арсеньев и Кологривов, который причислен к венской миссии; П.М.Лунин с женою и дочерью, два брата Яковлевы; еще находился там А.П.Ермолов, но с ним почти не видались. Я был представлен императору, а жена моя ко двору не представлялась по причине ее беременности.

Бракосочетание императора происходило в церкви aux petits Augustins, где нам отведена была трибуна. Священную сию церемонию совершал родной брат императрицы, примас венгерский. Редко можно было видеть где-нибудь столько драгоценных камней, как при сем случае, которыми украшены были австрийские и венгерские дамы: сии последние были в национальном своем костюме. На императоре был фельдмаршальский мундир; лента Марии-Терезии в два ряда по краям унизана была довольно крупными брильянтами.

В сей же церкви находится знаменитый мавзолей из лучших произведений резца славного Кановы, в память эрцгерцогини Христины, дочери Марии-Терезии, сооруженный мужем ее, герцогом Саксен-Тешенским, бывшим наместником нидерландским.

Герцог Альберт имел лучший дом в Вене, давал часто великолепные и многоядные обеды. В сей столице партикулярные балы тогда вовсе не были в употреблении, а большие обеды и рауты, которые назывались les avant-soirees, т.е. полдни. В Вене странное тогда было обыкновение: после званого обеда должно узнать, когда будет другой такой же обед у того же хозяина, и приехать после сего обеда благодарить, и сие называлось: благодарить за обед, rendre le diner, а буде сего не сделаешь, то почиталось большою невежливостью, и даже вперед повергнешься не быть никогда более приглашенным. После всякого большого обеда начинается в доме совершенная суматоха, ибо одни приезжают, а другие уезжают.

Князь Лобковиц любил музыку и театр, и у него был спектакль, составленный из членов общества, и представляли итальянские оперы, между прочим, «Camille, или Подземелье», сочинение Пера. Князь Лобковиц имел одну ногу короче другой, играл в сей опере роль садовника и говорил, что он оттого хромает, что полез на дерево и упал с оногo. Роль Камилы в большом превосходстве была играна

девицею Губо, она имела притом голос прелестнейший. У графини Замойской тоже был театр, но представляли французские пьесы. Графиня Замойская играла прелестно, особенно в роли Betti в «La jeunesse de Henri V»^[4]. Я после видел в Париже в той же роли славную m-lle Mars и не нашел большой разницы. Между актерами, игравшими у графини Замойской, я видел Cleru, камердинера несчастного Людовика XVI, короля французского. В Вене, сверх того, был театр, составленный из охотников (т.е. любителей) лучших фамилий, где играли только национальные пьесы; я иногда ездил туда, получая билет от графини Лабии: дядя ее, граф Бренер, был один из старшин сего общества^[5].

1 февраля 1808 года родился у нас сын Александр; восприемниками его были посол наш князь Куракин и графиня М.А.Толстая. При посольстве нашем был священник, который с лишком 30 лет не выезжал из Вены, но все сие время ему не случалось ни разу крестить младенцев; он был в большом затруднении и никак не решался погрузить младенца в воду и просил, чтобы позволили его облить водою, на что мы принуждены были согласиться.

Доктор Капелини нашел, что для подкрепления моих нервов нужно употреблять серные ванны, а потому и советовал на лето ехать в Баден, расстоянием от Вены в 3 милях, или 21 версте. Поелику он сам туда всякое лето ездил, то и взялся для нас нанять в Бадене дом. В наше время была в Вене знаменитая мадам Сталь, которую старались все сколько можно более угощать. У князя Лихтенштейна дан был спектакль «Агарь в пустыне», в котором мадам Сталь играла с своим сыном. Она была несколько раз, из любопытства, в нашей посольской церкви. Всех более ей нравилось общество принца де Линя; он был тогда уже в ребячестве. M-me Stael говорила, что для нее любезнее всех в Вене принц де Линь и С.С.Уваров, бывший тогда при нашем посольстве.

Мы переехали в Баден в мае месяце, ровно как и все почти русские семейства, бывшие в Вене; некоторые из них вовсе не для лечения, а только чтобы провести лето в сем прекрасном месте, переселились в Баден. В сие почти время приехал туда же лечиться граф Эммануил Сенпри, с графом Людольфом, теперешним неаполитанским министром в Петербурге. Граф Сенпри получил жестокую рану в ногу в Фридландскую кампанию. Я с ним ездил купаться вместе и в один павильон. Мы жили в Бадене самым неприятнейшим образом. Часто ездили в обществе наших соотчичей по прелестным окрестностям баденским, каковы Маркенштейн, загородный дом Лихтенштейна, которого называли Назе по чрезвычайному его носу; Феслау банкира барона Фраза; Шенау графа Брауна, где видно великое изобилие вод и где в построенном кругообразном, превосходной внутри архитектуры, храме, посвященном богине ночи (сия богиня изображена на колеснице), свод представляет небесную твердь, освещенную луною и звездами. Когда войдешь в сей храм, вдруг услышишь музыку восхитительной мелодии и в такой отдаленности, что едва звуки доходят до слуха, и в то время колесница, на которой стоит богиня, медленно объезжает всю внутренность храма. Все вместе представляет что-то таинственное.

В увеселительном дворце императора, Лаксенбурге, между прочим, видно судилище средних веков: посреди комнаты, где члены онога собирались, находится большое отверстие в виде трубы, в которую поднимали из темницы, устроенной в погребах, рыцаря для объявления ему приговора; после чего опускали его в сие заточение. Вся эта комната, впрочем, довольно большая, убрана латами рыцарей тех веков. Мы входили и в самую темницу; в ней изображен рыцарь большого роста, сидящий на деревянной скамье и имеющий на ногах и руках цепи, и, коль скоро к нему станешь подходить, он привстает со скамьи и несколько раз встряхивает цепями и потом опускается на скамью. Лаксенбург было любимое место второй жены императора Франца. Она, сказывают, была большая охотница до всякого рода зверей. Павильон, в котором императрица часто бывала, снаружи увешан множеством разнообразных животных чучел, как то: кошек, собак и проч.

Монастырь Гейлиген-Крейц, или Святого Креста, с местоположением уединенным, окруженный горами, имеет печать святости. Множество ходит туда на богомолье. Наконец, деревня Брюль представляет вид дикой природы, лежит в превысоких голых скалах. Екатерина Александровна Нарышкина была, можно сказать, душою этих прогулок; она большей частью их учреждала и все угощение принимала под свое распоряжение.

После ванн, в 12 часов, все, и те, которые лечились, и здоровые, собирались в довольно обширный, в самом Бадене находящийся, парк. В устроенном посреди парка киоске играла музыка, и сие гуляние продолжалось до 2 часов пополудни и возобновлялось после обеда, но без музыки. Ездили часто гулять в долину св. Елены, в самом ближнем расстоянии от Бадена; сия долина окружена превысокими горами.

В это лето множество было приезжих в Баден. Мы переменяли три квартиры; последняя называлась, по своему местоположению, Ландшафтом, и действительно, перед глазами нашими, на высотах трех гор, находились развалины трех замков: Раухенштейн, Шарфенек и Треугольная башня. Всякий вечер почти у нас собирались все русские, а иногда австрийцы; между прочими просил позволения быть нам представлен молодой князь Эстергази, теперешний посол в Англии, и другие иностранцы, бывшие

тогда в Бадене. Очень часто играли у нас в шарады в лицах, что было для всех весьма приятно. В Бадене был театр, и мы за несколько гульденов могли иметь всякого рода костюмы.

Из Бадена я с женою моею ездил в Пресбург по случаю коронации императрицы как королевы венгерской. Мы нанимали в Вене четверместную карету и пару прекрасных вороных инглизированных лошадей за 300 гульденов в месяц, что составляло тогда на наши деньги 180 рублей, а когда переехали в Баден, то вместо кареты мы взяли четверместную коляску, и в сей-то коляске и на паре вороных лошадей мы отправились в другое государство и в другую столицу, взяв с собою: жена — горничную свою девку, а я — своего камердинера Лапиера; так расстояния близки во всех почти государствах, кроме России. Мы из Бадена выехали рано поутру; на середине дороги обедали, кормили лошадей часа два и приехали в Пресбург еще гораздо до захождения солнца. Мы переоделись и пошли гулять в публичный сад.

Для нашего посла и для всех русских в кафедральной церкви, где совершалось коронавание, назначено было особое место. Нам всем неприятно было видеть, что А.К.Разумовский, живший тогда в отставке, в Вене, находился не с нами, а между первых чинов австрийских. Император был в приготовленном для него месте и имел корону и все одеяния Св. Стефана. Короновал и священнодействовал тот же брат императрицы, примас венгерский, который и венчал ее. Прежде коронации императрица должна была причаститься Святых Тайн, и лишь только она перед алтарем стала на колени, как ей сделался обморок. Сие произвело большое смятение, но она скоро пришла в себя. Когда возложили на нее корону эрцгерцогини австрийской, тогда примас подошел к императору, снял с него корону Св. Стефана и коснулся оною плеча императрицы; в сем состояло все коронавание.

Потом был публичный обед; под балдахином за столом сидели император, императрица, палатин и примас венгерский.

Ничего не можно видеть великолепнее, как шествие императрицы в церковь и обратно во дворец. Император, палатин и все первейшие магнаты венгерские окружали ее карету верхом, имея на себе самые богатейшие свои одеяния, а на лошадях их были драгоценные украшения. На князе Эстергази было платье из красного бархата, вышитое все, где должно быть, шнурком, крупным жемчугом, а вместо пуговиц — солитеры; ножны сабли осыпаны брильянтами с разными драгоценными камнями; сапоги вверху обшиты брильянтами, а кисточки у сапогов из крупного жемчуга. Конский убор был тоже из красного бархата, и вышит жемчугом с драгоценными камнями; даже отловы мундштука унизаны таковыми же камнями.

Я несколько раз во время пребывания нашего в Пресбурге был у эрцгерцога палатина, который обращался со мной так же, как и я в бытность его в Петербурге, т.е. весьма милостиво. Я с большим удовольствием увиделся и с добрым графом Сапари, и со всеми, которые были с его императорским высочеством в Петербурге; одного только из тех камергеров уже при палатине не находилось.

Возвратясь в Баден, и когда вечера стали длиннее, ввелись в употребление серенады; они состояли из девицы Губо, которая восхитительно пела, одного француза Ма-кота, который был стихотворец и играл на гитаре, и фа-фа Лудольфа, игравшего тогда на флейте. Ничего не было прелестнее сих серенад.

По совету доктора Капелини, при употреблении серных баденских ванн я пил эгерские воды, и сей способ лечения мне совершенно возвратил здоровье. В Бадене хотя и был доктор Шенк, но никто почти с ним не советовался, а брали советы большею частью от венских докторов. Там находились публичные ванны, под названием Frauenbad, в которых купались и женщины и мужчины вместе, но они имели на себе длинные одеяния, род халатов. В Баден приехал принц Плес, который был совершенно здоров; ему понравилось, что можно купаться вместе с женщинами, хотя доктора и предупреждали его, что сие может быть для него весьма вредно, но он их не послушался, полагаясь на свое крепкое сложение, однако же кончил тем, что пришел после нескольких ванн в совершенное расслабление. На самом источнике, который называется Шпрудель, видна надпись: «Благотворение природы посвящено страждущему человечеству». В самом Бадене, на одной из окружающих его гор, принадлежащей графине Александровичевой, разведен прекрасный сад, в котором находится много надписей на итальянском языке; а на другой горе есть кальвер, куда в назначенные дни ходят на богомолье.

Проведя таким образом около пяти месяцев в Бадене, мы возвратились в Вену. Мы нашли прекрасную квартиру в предместье Иосифштадт, на улице, называемой Егерцейль, которая из Вены ведет в Пратер. У нас перед окошками ежедневное было гулянье по известной страсти венских жителей к сему, единственному во всей Европе, парку; особенно по воскресеньям, можно сказать, что вся Вена на несколько часов переселялась в Пратер. Недалеко от нас был национальный театр, Кашперне, куда я часто ходил смеяться дурачествам, на оном представляемым. В Пратере даваемы были тогда фейерверки, каковых я нигде не видывал; оные представляли взятие Гибралтара,

осажденного кораблями с моря, или знаменитые осады крепостей. Стечение при сих зрелищах бывает до 20 тысяч человек и более, и кажется, сидишь один, пока темно, когда же осветится сей партер голов человеческих, не можешь себе без удивления представить такое безмолвное молчание от сего множества народа, соединенного вместе. Оно только сродно одним венским жителям, известным своею беспримерною кротостью нравов.

Вокруг того места, где зажигают фейерверки, протянута в аршин ширины сеть из самых тонких бечевок, а в середине пустое место, оставленное для входа, у которого стоят два человека для получения денег с входящих. Не было примера, чтобы кто-нибудь нарушал сию брентную преграду. У нас бы должно обнести сие место, по крайней мере, рогатками и, сверх того, еще поставить несколько человек будочников. Во время самого большого стечения народа и экипажей в Пратер, когда вереница карет начинается у кафедральной церкви св. Стефана, — что составит до павильона, находящегося на самом конце Пратера, верст до восьми и больше, — для порядка наряжаются из городских драгуны, при одном унтер-офицере, человек до 10 рядовых, и тем дела почти никакого нет, ибо всякий из кучеров знает свой ряд и, хоть тысячу раз ему приказывай, он никак из него не выедет.

Народные же увеселения венских жителей самые скромные; всякой выкурит свою трубку табуку^[6], выпьет несколько стаканов пива и съест пару или две жареных цыплят, до чего они большие охотники, — вот вся их забава. Мне ни одного разу не случилось видеть пьяного человека до того, чтобы он на ногах шатался, или бы кто сделал какой-нибудь шум. Сравните же теперь сие с нашим Екатеринбургским или с другим публичным гуляньем, куда для порядка посылаются весь жандармский дивизион, со всего города полицейские офицеры, солдаты и будочники, и всем много дела находится.

В Вене на всех мостах сделаны помосты деревянные, и, чтобы долее сохранить оные, на обоих концах каждого моста поставлены столбы, на которых написано, чтобы через мост ехали шагом. Ни один кучер, ни за что, ни под каким видом, иначе через мост не поедет; а тут нет, однако же, ни часового, ни будочника, который бы запретил ему сие делать. Мне случилось видеть, что даже самого императора по мостам везут шагом.

Кстати, для сравнения сказать здесь можно: во время командования моего петербургскою полициею я испросил высочайшее повеление, чтобы через мосты не позволено было скакать во всю прыть, ибо находил сие для мостов весьма вредным — особливо устроенных на плашкоутах, а чтобы ехали по оным маленькой рысью. О сей высочайшей воле объявлено было, с подпискою, всем обывателям петербургским, и на обоих концах и на середине мостов сначала поставлены были полицейские офицеры. Но до того доходило, что, когда карета скакала на мост, то будочник старался ее остановить, и если в карете сидела почетная особа, то офицер подходил к ней и говорил учтивым образом, что по высочайшему повелению запрещено ездить так скоро по мостам. Некоторые из сих почетных особ доходили до того, что даже плевали в глаза офицерам с досады, что не позволяют им скакать как бешеным. Я всякий раз доводил сие до сведения государя; сим плевателям в глаза хотя и делаемы были выговоры, но офицер не менее был обещен.

В Бадене, куда съезжались лечиться со всех стран Европы, вся полиция состояла из одного унтер-офицера, именем Христиана, который имел время, за несколько гульденов во все лето, разносить записки о приезжающих, а по случаю только пребывания там императора отряжалось из венской полиции два офицера, которые ходили во фраках. В Бадене, как и у всех минеральных вод, куда съезжаются только лечиться, был королем некто Ценек, а королевой графиня Александровичева; их главная обязанность состояла в том, чтобы управлять веселостями, доставляющими удовольствие публике. В Бадене были прекрасные редуты.

Лечивший меня доктор Капелюш не советовал в осеннее время возвращаться в Россию, а находил полезным провести зиму в теплом климате. Нам предложили две страны — или Франция, или Италия, и мы выбрали первую, в которой Париж сделал большой перевес.

Мы выехали из Вены в начале ноября 1808 года, проезжали через города: Регенсбург, Мюнхен, Стутгарт, Карлсруэ, где я опять увидел единственную в свете аллею из тополей, которую пощадили и все войска, после первого моего вояжа столько раз по ней проходившие, — Страсбург, Нанси и Люневиль. В Париже мы остановились Place des Victoires, rue du Mail, в Petit Hotel de Portugal.

Наполеон тогда находился в Гишпании, но через несколько дней, самым неожиданным образом, возвратился в Париж. После Эрфуртского свидания назначен послом нашим при французском дворе князь Куракин из Вены, а граф Толстой отозван. Сверх того, из Эрфурта приехал в Париж бывший тогда нашим канцлером граф Н.П.Румянцев, как известно, с тем, чтобы вместе с тюильрийским Кабинетом склонить Англию на заключение всеобщего мира, на что граф Румянцев имел полномочие.

Я имел посещение des Dames de la Halle, которые поднесли мне из цветов прекрасный букет; это мне стоило несколько золотых наполеонов.

Мы нашли в Париже из русских: графа Кочубея с женою, князя П.М.Волконского с фамилиею, княгиню Шаховскую, с которой мы виделись в Вене, с дочерьми и с деверем ее, князем Н.А.Шаховским, двух братьев Яковлевых и Н.Н.Демидова с женою, которого можно было почесть скорее жителем Парижа, ибо он несколько лет там жил безвыездно.

Скоро назначена была для посла нашего князя Куракина в Тюильрийском дворце публичная аудиенция, на которой должны были представлены быть и русские. Съезд во дворец был премноголюдный; весь дипломатический корпус, все первые члены, военные, штатские и придворные составляли двор превеликолепным, несколько маршалов в мантиях, полном своем мундире, и всякий из них с жезлом в руке, придавали оному еще более величия. Придворный мундир был красного цвета с серебряным шитьем по борту и обшлагам.

Посреди сего двора, блестящего золотом и серебром, Наполеон в простом офицерском, егерского полка, мундире делал величайшую оттенку. Я признаюсь, что вид его произвел на меня впечатление, которого я никогда не забуду. В сей день Наполеон имел, по мундиру, нашу Андреевскую ленту.

Посол наш князь Куракин превзошел всех богатством своего одеяния: на нем был золотой глазетовый кафтан^[7], пуговицы, пряжки, эпolet, который поддерживал на плече ленту, звезда Андреевская, шпага, петлица на шляпе и пуговицы на оной были все бриллиантовые.

Аудиенция началась тем, что посла нашего ввели в тронную комнату, подле той, в которой мы все находились. Сказывают, что Наполеон сидел на троне и наш посол ему говорил речь. Мы были представлены князем Куракиным; у меня Наполеон спросил, в каких войсках я служу, то есть в кавалерии или в пехоте. Подле меня стоял князь Н.Л.Шаховской, который был в прусской ленте Красного Орла, ибо другой у него тогда не было, и имел подвязанную руку, в которую он был жестоко ранен. Наполеон, по глядя на него пристально, сказал:

— Вы, конечно, служили в последнюю войну; а в каком деле ранены?

— При Гельсберге, — отвечал князь Шаховской. Наполеон пошел далее.

Тогда уже начались слухи о близком разрыве Австрии с Францией. Наполеон подошел к князю Метерниху, австрийскому послу, сказал ему:

— У вас вооружаются; если это против меня, то я пошлю женщин сражаться с вами, — и, не дождавшись ответа, пошел прочь.

Пусть представят себе положение бедного Метерниха, услышавшего такие уничижительные изречения для своего государства при собрании представителей всех европейских государей.

В тот день ввечеру давали в Гранд-Опера «Весталку», куда мы поехали. Каково было наше удивление, когда мы увидели посла нашего, князя Куракина, сидящего одного в своей ложе, в том самом кафтане и во всех бриллиантах, в которых он был поутру на аудиенции у Наполеона. Признаюсь, что самолюбие наше очень страдало, когда мы увидели, что весь партер обратился на него и занимался более им, нежели оперою. Князь А.Б. Куракин имел прекрасные качества; он был гостеприимен, весьма добр и учтив, но слишком держался старинного обыкновения и имел слабость выставять на себе множество орденов^[8] и драгоценных вещей, без коих его редко можно было видеть.

По сравнению, я нашел большую перемену в Париже до революции и в Париже во время империи. Тогда не было видно ни одного почти военного мундира, теперь же, напротив, их встретил столько, как бывает в военном стане. Прежде по всем улицам слышны были песни и видны всякого рода увеселения, ныне же повсюду молчание и род какого-то уныния. Словом, вид на всех лицах переменялся. Говорили, что правительство употребило большие суммы денег, дабы нанимать паяцев и разных шутов для забав народа, особливо во время карнавалов.

Мы представлены были Жозефине, жене Наполеона, Гортензии, дочери Жозефины, и жене Людовика, бывшего тогда королем голландским, принцессе Боргезе, сестре Наполеона, и матери его, Летиции Бонапарте; она имела также свой двор. Камергер, представлявший нас сей последней, спросил, не любопытны ли мы видеть портрет великого Наполеона. По изъявлении нами согласия он ввел нас в одну комнату, где мы увидели портрет во весь рост мужчины в коричневом французского покроя кафтане, средних лет и довольно приятной наружности.

Все русские, находившиеся тогда в Париже, как двором, так и первыми министрами были принимаемы как нельзя лучше, во-первых, потому, что сие было скоро после заключенного в Тильзите мира, которым Россия признала Наполеона императором французов, всех королей, им сотворенных и все приобретения, им сделанные; во-вторых, по случаю предстоящего разрыва с Австрией, ибо союз России, с той или с другой стороны, мог произвести большой перевес в успехах войны.

В Тюильрийском дворце всякий четверг был спектакль, потом собрание в комнатах и ужин, в котором мужчины, однако же, не участвовали, а одни только дамы. Зов делался дежурным камергером билетом на имя каждого из приглашаемых. Сей билет должно было при входе во дворец показать швейцару, который раздирал его пополам, одну половину оставлял у себя, а другую должно было отдать стоящему при входе в театр лакею. Ничто не было величественнее и вместе с тем воинственнее, как вид на каждой ступени высокой лестницы Тюильрийского дворца стоявших по обеим сторонам в медвежьих шапках гренадер императорской гвардии, мужественного и марциального вида, украшенных медалями и шевронами, державших свое ружье, — которое столько раз обогрено было кровью неприятелей почти всех земных стран, — смиренно у ноги.

Наполеон как итальянец любил и музыку итальянскую предпочтительно перед французской. Его капельмейстер был Раег, известный своими превосходными сочинениями нескольких итальянских опер. Славный певец Крементини^[9] и певица Грассини принадлежали к императорской капелле. Почти беспрестанно давали в Тюильрийском театре итальянскую оперу «Ромео и Джульетта», в которой играли Крементини и Грассини; ничего невозможно было слышать восхитительнее, как сии два голоса вместе, ибо Грассини имела превосходный *contre-alto*. Хотя сия опера представляема была так часто, но всякий раз ее можно было слышать с новым удовольствием.

Мы видели также там несколько и французских пьес, как то: трагедию «Рим спасенный и Манлий», торжество славного Тальма и водевиль «Флибустьер», в котором австрийцы были выведены на сцену в самом карикатурном виде. В Тюильрийском театре назначены были две ложи для всего дипломатического корпуса.

Граф Толстой, бывший нашим послом^[10], нарочно, сказывают, опаздывал в театр, чтобы садиться позади всех; а так как те ложи были против Наполеоновой, то он не мог сего не заметить и кончил тем, что приказал нашему послу назначить особую ложу; подле оной сидел всегда итальянского королевства министр граф Морескальки.

Я всегда был в ложе нашего посла, которая была через две ложи от Наполеоновой. Надобно сказать, что Наполеон никогда в театре не аплодировал, а оттого царствовала всегда в оном глубокая тишина. Один раз случилось, что Крементини пропел известную его арию «*Ombra odorata asmeta*» с таким совершенством, что бедный Морескальки как итальянец, в исступлении от восторга, несколько раз громко закричал: «*Bravo, bravo!* — и вдруг, опомнившись, спустился со стула на пол и на четвереньках выполз из ложи. Между нашей ложей и Наполеоновой никого тогда не сидело. Я сам испугался за несчастного Морескальки и взглянул на Наполеона, за которым в продолжение всего спектакля всегда стоял Ремюза, директор театров и дежурный камергер. В ту самую минуту, как услышал Наполеон сей, можно сказать, никогда небывалый крик в театре, оборотясь, бросил взор на Ремюза, который, поклонясь, вышел вон из ложи, но чем это кончилось, мне не было известно.

Наполеон во время представления всегда читал ту пьесу, которую играли на театре. Против его ложи находилась Жозефинина; за императрицей также во время всего спектакля стояли ее двора гофмаршал и дежурный камергер.

Нельзя было с большим, можно сказать, пренебрежением трактовать придворных чиновников, как при Наполеоновом дворе. Мне случилось видеть однажды, что во время танцев в Тюильрийском дворце, произведенных первыми танцорами парижских театров, приглашенные дамы сидели на табуретах^[11], а императрица, королевы гишпанская, голландская и принцесса Боргезе — на креслах; за каждой из них стояло по одному камергеру; принцессе Боргезе захотелось поставить свои ноги на скамеечку; она оборотилась, сделала только знак своему камергеру, который тотчас пошел, принес скамеечку, поставил ей под ноги и закрыл оную ее платьем, она даже и поклоном его за то не поблагодарила.

Сравните же с сими пришельцами высоких членов нашего императорского дома: с какою утонченною деликатностью они обходятся со своими придворными чинами.

Должно еще приметить, что Наполеон составил свой двор из особ знатнейших французских фамилий. После спектакля все собирались в комнате, так называемой Салон маршалов; в ней находились во весь рост портреты французских маршалов. Через несколько минут дежурные камергеры выходили из бывшей подле комнаты и приглашали избранных особ для составления партии в вист императрицы, обеих королев, принцессы Боргезе и мадам Рош-фуко. Когда партии в карты были составлены, то отворялись обе половинки двери, и все мужчины и дамы должны были идти поодиночке отдать — так называлось — поклон императрице, обеим королевам: гишпанской, голландской и принцессе Боргезе, которые отвечали небольшим поклоном.

В сие время Наполеон стоял в той же комнате и как будто всем делал инспекторский смотр; иногда он подзывал к себе из мужчин того, с кем ему нужно было поговорить.

Для дам сия церемония была весьма затруднительна, ибо они, не оборачиваясь, а только отталкивая ногой предлинные хвосты их платьев, должны были маневрировать. Императрицын стол был один в

поперечной стене комнаты, а прочие три — в продольной. Стало быть, надлежало дамам сделать три поклона, идя прямо к столу императрицы; потом, повернувшись несколько направо, сделать каждой из королев и принцессе по одному поклону, переходя боком от одной до другой, и идти задом до дверей[12]. Когда все мужчины и дамы перебивались, таким образом, для отдачи поклона императрице, двум королевам и принцессе, Наполеон выходил в комнату собрания и делал круг, после коего он уходил к себе.

Всякий раз перед ним шли два привратника, или гоф-фурьера, чтобы очищать для него дорогу, когда он приходил в собрание или уходил из оною, крича во весь голос: «Император!» — а так как он ходил очень скоро, то нередко сии его передовые сшибали почти с ног попадавших на их дороге[13].

За ужином столы накрыты были на восемь особ. За стол императрицы, равно как и за столы королев и принцессы Боргезе, приглашались дамы по выбору, а прочие наполнялись как ни попало. У императрицы Жозефины были приватные вечерние собрания, на которых она была чрезвычайно любезна. Королева Гортензия тоже иногда принимала к себе по вечерам.

Всякую почти неделю были большие званые обеды: у Камбассереса, архиканцлера, у Шампаньи, министра иностранных дел, у князя Талейрана, обер-гофмейстера двора, у князя Куракина, нашего посла, и у графа Н.П.Румянцева, у которого был стол лучше всех прочих, а Шампаньи, напротив, славился своими предупредными винами и столом. Один раз я обедал у графа Румянцева вместе с кардиналом Мори; после обеда подошли мы к камину, он мне сказал:

— Какое счастье для Европы, что два наши императора заключили теперь между собой союз, а всего бы еще лучше было, если бы они разделили ее пополам и назвались бы один — северным, а другой — полуденным императорами.

Кардинал Мори, сказавши сие, ушел, не дождавшись моего ответа.

ГЛАВА VIII

Карнавал — Маскарады — Обращение Наполеона с дамами — Публичные заседания в законодательном собрании и в l'Institut de France — Музей Наполеона — Осмотр художественной выставки и других достопримечательностей — Люксембургский дворец — Дом инвалидов — Артиллерийский музей — Монетный двор — Агрономический музей — Ботанический сад — Институт глухонемых — Церковь les perils Augustins — Физик Беер — Фабрика гобеленов — Императорская консерватория — Пантеон — Панорама тильзитского свидания — Версаль — Трианоны — Сен Клу — Аббатство Сен-Дени — Ожидание войны между Францией и Австрией — Выезд из Парижа в Вену — Дорога — Объявление войны — Вена — Возвращение в Россию — Милостивый ответ государя — Лето в Городище — Возвращение в Петербург

Никогда, как говорили, такого веселого карнавала не было, как в тот год. Граф Морескальки, министр итальянского королевства, дал, между прочим, маскарад, для которого королева голландская составила кадрили из двенадцати дам, в числе коих и сама находилась, в русских костюмах, и каждая из них по очереди и все вместе интриговали графа Румянцева и князя Куракина. Наполеон на сем маскараде несколько раз переодевался. Камбасарес тоже давал маскарад премноголюдный и прекрасный.

У Шампаньи было несколько балов; на одном из них я был свидетелем странного случая. Я стоял подле жены Н.Н.Демидова; Наполеон, говоря прежде со многими, подходил к ней; она сделала пренизкий поклон и взяла веселый вид, ожидая от него какого-нибудь приятного приветствия; она знала его генералом Бонапарте, первым консулом и наконец видала уже императором. Наполеон, остановясь перед ней, довольно долго смотрел ей в лицо, переступая с одной ноги на другую, понюхал табаку, ибо в левой руке он держал всегда табакерку, наконец, спросил:

— Кто вы, сударыня?

Я взглянул на мою соседку и заметил, что она вся переменялась в лице и сквозь зубы сказала свою фамилию.

Потом он, обратившись к стоявшей на другой стороне Демидовой дочери Муравьева-Апостол а, которая была с нею на бале, сказал:

— Это очень хорошенькая особа, которая служит вам здесь надзирательницей.

Надобно знать, что Наполеон почти никогда не дождался ответа, и, сказавши сии слова, отошел прочь. Демидова, насилу опомнившись от такого грубого вопроса, ей сделанного, сказала мне:

— Он имеет непостижимые странности и рассеянности, и оные еще более в нем увеличились с тех пор, как он стал императором. Я уверена, что он сие сделал потому, что занят был другою какою-нибудь мыслью; можно ли ему было меня не узнать? Я была в самом коротком знакомстве с его женою, когда она была просто m-me Bonaparte, и с ним очень часто видалась.

Это точно доказывало, что Наполеон не имел ни малейшего понятия о приличиях в обращении с дамами, а может быть, и не хотел его иметь. Мы довольно часто после спектакля проводили вечера у Н.Н.Демидова, а по вторникам бывали у графа Сепора, бывшего французским министром при дворе императрицы Екатерины II. Мы бывали также у князя Метерниха.

Мне случилось быть в публичном заседании законодательного собрания по случаю закрытия оногo. Председателем сего собрания был тогда Fontanes. Он, по обыкновению, говорил предлинную речь, наполненную похвалами и лестью их законодателю Наполеону. Кончилось рукоплесканием и продолжительным криком депутатов «Да здравствует император!»

Заседание в Institut de France, в котором я также находился, гораздо более мне понравилось. Оным председательствовал граф Сегюр; Андиё читал при сем случае прекрасную басню его сочинения: «Королева Фенелона», и некоторые другие сочинения были читаны самими авторами. Я слушал два курса в Париже — в Французском Атенеуме за деньги, где лекции преподавали знаменитые Cuvier, Thénard и другие славные тогдашнего времени ученые; другой курс древностей gratuit, т.е. безденежно, преподаваемый профессором Melin. Он был вместе директором кабинета древностей Публичной императорской библиотеки, в которой, между прочими редкостями, находятся два глобуса необыкновенной величины, так что, невзирая на высоту комнат, они проходили во второй этаж.

В наше время в Париже находились все изящные произведения древней Италии, трофеи великой армии, в хранилище, называемом Наполеонов музей, в Луврском дворце устроенном. Описывать красоты Аполлона Бельведерского, Венеры Медицейской, Лаокоона и проч. статуй было бы излишним, и я не в состоянии того сделать; впрочем, кому неизвестны сии мастерские произведения из множества описаний, изданных в свете? Но достойно примечания: то, чем славилась вся Италия, классическая страна Европы, и куда стекались отовсюду любители изящного, — здесь собрано в одном месте, и в несколько часов сложно было видеть лучшие произведения резца и кисти, ибо в Наполеоновом музее находились не только все лучшие статуи, но и картины первейших древних итальянских живописцев, даже «Преображение Христа Спасителя» Рафаэ-лево, которое почитается единственным в свете произведением живописи. Каково же было французам расставаться в 1815 году с сими сокровищами, которые, по Парижскому трактату, должны были быть возвращены прежним их владельцам.

В Луврском же дворце в тот год была выставка национальных произведений искусства. В Париже все удобства придуманы: куда ни приедешь видеть любопытное, швейцар или привратник при входе за несколько су предлагает купить описание того, что предстоит видеть. Таким образом случилось и с нами при входе на выставку; по сему подробному каталогу мы осматривали все произведения живописи и скульптуры. Тогда славилась как живописцы Давид Жерар, Жироде старший и некоторые другие.

Картина коронавания Наполеона папою Пием VII, кисти Давида, останавливала всех зрителей. Она представляла ту самую минуту, когда сей верховный святитель возлагал на Наполеона, сидящего на троне, императорскую корону; в картине находилось до тридцати фигур, во весь рост, и все списаны были с натуры. Одно, в чем упрекали живописца, это то, что он всех принцесс Наполеоновой фамилии нарядил в белое платье и поставил почти на одной линии, как фронт солдат, зато изображение папы сделано было превосходно.

Картина, представлявшая Марию Стюарт в темнице, написанная Жироде, получила всеобщую похвалу, равно как и портрет генерала Лассаля во весь рост, державшего в одной руке ключи взятой им крепости, живописца Жерара. В сей же выставке мы видели статую из белого мрамора, резца знаменитого Кановы, изображающую мать Наполеона, сидящую в длинных креслах, в виде Агриппины. Странная мысль, но неизвестно, кому она принадлежала — скульптору или оригиналу статуи.

Сверх сего, мы старались употребить наше время, оставшееся от веселостей, на осмотрение всего любопытного как в Париже, так и в окрестностях оногo, сколько было возможно. Мы руководствовались книгою Pariseum, дабы знать дни и часы, когда можно было видеть какое-либо заведение; а путеводителем нашим был один француз, m-g de la Bontraye.

В самом городе мы были в Люксембургском дворце, где находится галерея картин славного фламандского живописца Рубенса, представляющая, во-первых, портрет Генриха IV, короля французского, и жены его Марии Медичийской; во-вторых, то время, когда ей сделано было предложение о вступлении в брак с Генрихом; в-третьих, их сговор; в-четвертых, их бракосочетание;

представлены и другие обстоятельства относительно сего случая; все сие писано было с натуры. В сем же дворце, в превосходных живописных картинах, изображена жизнь св. Брюна и полное собрание видов французских гаваней славного Вернета.

Ездили в Инвалидный дом и осматривали оный во всех подробностях. В библиотеке, куда сходятся читать повествования о деяниях своих предков-героев сии изувеченные воины на поле чести, из коих часто видно у троих не более двух ног, — находится портрет Наполеона, верхом, в плаще, обуреваемом ветром, когда он был на вершине горы Сан-Бернарда, первым консулом, перед баталией при Маренго, за которой, как известно, Наполеон завоевал вторично всю Италию. Умилительно было видеть в больнице, где — как раненые, так одержимые и другими телесными недугами — сии защитники отечества успокаиваются и ухаживаются сестрами милосердия. Мы видели сих благотворных сестер, шьющих белье и приготавливающих пищу для больных инвалидов; мы были в той столовой, где Петр Великий, налив кубок вина, выпил за здоровье сих увечных воинов. Купол с превосходною живописью, равно как и вся церковь инвалидного дома, почитается мастерским произведением архитектуры; в сей церкви сохраняются все военные трофеи, взятые у неприятелей.

В Артиллерийском музее, между прочими достопримечательностями, мы видели один из бочонков, начиненный порохом, принадлежащий к адской машине, *machine infernale*. Мы купили там несколько секретных замков, видели из таковых один, который привинчивается к двери. К сему замку приделан небольшой пистолет; когда отворишь дверь, пистолет делает выстрел и искрами от кремня зажигает маленькую свечку, подле полки находящуюся, и, таким образом, хозяин разбужен, и комната освещена. Сии замки изобретены против воров.

В монетном дворе мы видели род медных тумбов, на которых выбивается монета; на сих тумбах была надпись: «Сии тумбы вылиты из меди пушек, взятых у русских под Аустерлицем». Какое непростительное самохвальство, тем более, что я нарочно спросил у чиновника, который показывал нам монетный двор: была ли в оном какая перемена и не сделали ли некоторых прибавлений? Он мне отвечал, что как сей монетный двор был до революции, в таком положении и теперь находится. Чиновник, видно, не подозревал, что я русский. Какая разница между нашим монетным двором и Парижским: у нас видна опрятность, а там ужасная нечистота; на нашем монетном дворе действующая сила есть паровая машина, а в парижском, по крайней мере, как я его видел, употреблена была человеческая сила, и работали на оном преступники.

В Агрономическом музее я видел множество машин и орудий для хлебопашества, подобно как у нас в Вольном экономическом обществе, но с тех пор сия часть сделала во Франции великие успехи.

Мы с великим любопытством рассматривали все растения в *Jardin des Plantes* (ботанический сад). Директор оного м-г *F. Jussieu* по знакомству своему с *de la Bontraye*, который нам предложил видеть сие редкое в своем роде заведение, принял нас в своих комнатах и приказал показать нам сад во всех подробностях. Тогда находилось там и большое собрание редких зверей. Мы видели также и Шенбрунский ботанический сад, но Парижский кажется гораздо полнее. В первом мы видели белых орлов, которые, сказывают, очень редки.

Нам случилось быть на публичном испытании знаменитого Института глухонемых аббата Сикара. Славный *Malhió* был тогда уже его помощником. В комнате, где происходило испытание, видны были два портрета в натуральный рост: один изображал аббата де л'Эпе, незабвенного изобретателя способа, служащего к образованию сих несчастно-рожденных и основателя сего института, с тем из его воспитанников, который служил сюжетом написать известную комедию, а другой портрет представлял аббата Сикара и *Malhió*, а внизу написан его удивительный ответ: «Благодарность — память сердца».

Нельзя было без чувства сострадания о сих несчастных и вместе без удивления видеть, до чего может дойти терпение человека, посвятившего себя какой-либо части. Между сими воспитанниками много было с такими приметными дарованиями, что им недоставало только возможности объясняться, чтобы быть полезнейшими людьми в обществе.

Во время революции все мавзолеи и гробницы, бывшие в Аббатстве Сен-Дени, истреблены, и, не помню кем-то, остатки оных собраны и помещены в упраздненную церковь *les petits Augustins*. Сии обломки древних памятников были расположены по векам с большим тщанием и искусством. Стекла в окошках даже были того же века, которого находились в том отделении куски памятников, ибо совершенно целого ни одного почти не было; сие доказывает, до какого иступления зверства доходил во время революции народ! Например, видна была часть лошадиной головы от монумента Генриха IV, несколько звеньев цепи, которою окованы были четыре народа, побежденные Людовиком XIV, от памятника, в честь сего короля воздвигнутого на площади, называемой *la place des Victoires*. На сей площади Побед теперь находится, кажется, бронзовая статуя, изображающая генерала *Deshix*.

Нас возил г-н de la Bontraye к славному тогда физику Бееру; он наиболее занимался отводами громовых ударов, и у него сия часть так была усовершенствована, что в саду его находилась беседка на китайский манер, вокруг всей крыши коей было навешено множество колокольчиков, подобранных звуком в роде карилиона, и при малейшей электрической силе в воздухе сии колокольчики производили звон самый стройный и приятный; он делал сей опыт в бытность нашу у него. Беер, узнавши, что мы русские, и не из обожателей Наполеона, повел нас в свою спальню, снял со стены небольшую картину, под которой в стене сделано было отверстие, закрывавшееся небольшой жестяной дощечкой; он пожал пружинку, дощечка отскочила, и сквозь стекло, как у небольшой зрительной трубки, видно было изображение Людовика XVI, освещенное ярким светом, и он представлялся в некотором отдалении, совершенно как живой.

Мы видели славную во всем свете гобеленовую фабрику аух Gobelins (семьи Гобеленов); в ней ткали тогда Наполеона верхом, во весь рост.

Посетили также Императорскую консерваторию, где образуются музыканты, певцы, певицы, актеры, актрисы, танцоры и танцорки для всех национальных театров. Все первые из французов таланты в сих родах получили свое образование в сем превосходном заведении.

Из церкви Сен-Женевьев во время революции устроен пантеон, великолепнейшее здание во всем Париже, посвященное для принятия праха великих мужей, отличившихся на поприще жизни. Мы видели тут гробы, между прочими, Руссо и Вольтера, Вид с пантеона представляет весь Париж, как в панораме.

Тогда любопытство всех парижан привлекаемо было Тильзитскою панорамой, которая сделана была с большим совершенством, особливо для тех, которые там находились. На Немане виден был тот павильон, в котором встретились оба императора. По улицам города представлены были в параде наши гвардейские полки, которые объезжали верхом Александр и Наполеон с многочисленною свитою.

Мы ездили в Версаль; в каком состоянии я нашел сие всегдашнее и любимое пребывание французских королей! Видно было, что революция прошла через царские чертоги, которые, хотя несколько возобновлены Наполеоном, но уже нет и признака раззолоченных лож в королевском театре. Славные фонтаны совсем не существуют. Сказывали, что водопроводные свинцовые трубы все вытасканы из земли. Странно, что в бывших королевских комнатах сохранились портреты мадемуазель де ла Вальер и мадам Помпадур. Большой Трианон отделан Наполеоном; он ездил туда на охоту. Маленький Трианон, любимое жилище королевы Марии Антуанетты, совершенно почти разорен. Проводник наш, уроженец версальский, показывал нам в саду то место, где будто королева имела тайные свидания с кардиналом Роганом, чтобы получить от него известное драгоценное ожерелье. Так поддерживалась еще молва, помрачающая честь сей несчастной принцессы.

На возвратном пути мы останавливались в Сен-Клу; сей дворец был в весьма хорошем состоянии, ибо Наполеон часто в нем жила. Мы были в той оранжерее, из которой генерал Бонапарте, по возвращении своем из Египта, введенными им гренадерами принудил 500 членов национального собрания, имевших заседание в сей оранжерее, для спасения своей жизни выскочить в окошки.

Мимоездом в Париж мы осматривали главную фарфоровую фабрику в Севре. Она превосходнее венской (в которой мы купили много фарфора для стола и для десерта) своими приятными формами и имеющимся секретом наводить на фарфор синий цвет, которому ни одна фарфоровая фабрика подражать не может; зато в ценах вещам никакого нет сравнения.

В аббатстве Сен-Дени, где до революции покоился прах толиких поколений французских королей, в наше время устроен был запасный магазин хлеба для продовольствия парижских жителей. Привратник соборной церкви, под сводами которой находились гробы королей, рассказывал нам, что за несколько дней перед тем приезжал Наполеон с кем-то сам-друг, чтобы осмотреть то место, которое он назначил для себя, велел зажечь свечу, взял ее в руку и пошел один в темное подземелье.

— Этот разбойник — без страха, — прибавил привратник.

Мы любопытны были видеть место, которое, по тогдашним соображениям, могло действительно вмещать в себе останки сего великого человека. Но сколь все человеческие предположения ничтожны противу неисповедимых судеб Всевышнего!

Мы хотели воспользоваться пребыванием нашим в Париже, чтобы найти гувернантку для дочери нашей Анны; и хотя Витали очень хорошего поведения, но он был весьма слабого здоровья и не мог быть гувернером при сыне нашем Егоре, то и для него нам нужно было иметь другого человека. Для дочери мы нашли m-lle Anne, пожилую девицу отменной нравственности. Она воспитывала старшую дочь Лукьяна Бонапарте. Из представлявшихся во множестве, желающих определиться к сыну нашему в гувернеры, мы решили взять m-г Place, который был весьма учен, но оказался

впоследствии неспособным исполнять принятую им на себя обязанность. Mlle Anne должна была с нами ехать в Россию, а m-r Place весною приехал в Петербург морем.

Между тем война у австрийцев с французами казалась неизбежною; положение всех русских, находившихся тогда в Париже, сделалось затруднительным, ибо мы не знали, которую сторону возьмет наше правительство; нейтральною же оставаться России казалось невозможно. В таких обстоятельствах все почти наши соотечичи вознамерились оставить Париж. Мы решились в конце марта месяца 1809 года ехать опять в Вену.

Проезжая французские владения до реки Рейна, мы видели уже множество войск, идущих на границу. Я принял в Вене к себе в камердинеры одного из дезертиров французской армии, служившего в одной унтер-офицером, по имени Лапиер. Когда мы поехали в Париж, то я в своем паспорте назвал его Штейном, уроженцем из Курляндии, и так его все и называли. На возвратном пути мы остановились в городе Нанси, чтобы переменить лошадей; Лапиер сидел тогда на козлах четвероместной нашей кареты. К счастью, он купил еще в Вене для дороги шапку с длинными наушниками, которыми он завернул себе все лицо и оставил только одни глаза. Покуда нам закладывали почтовых лошадей, Лапиер узнает множество солдат того самого эскадрона, в котором он служил, ходящих вокруг наших экипажей. Каково же было его положение! Он сидел ни жив, ни мертв, ибо если бы он кем-нибудь из его сослуживцев был признан, то его бы взяли, и он был бы расстрелян.

В Страсбурге мы ходили смотреть в протестантской церкви мраморный монумент фельдмаршала де Сакса. Фельдмаршал изображен во весь рост, у ног его открытый гроб, куда уже он одною ногою вступил, и Франция, в виде женщины, его останавливает. В этой же церкви находится несколько столетий в стеклянном футляре совсем почти неповрежденное тело какого-то графа Нассау.

В Мюнхене баварского короля тогда уже не было, и все находилось в большой тревоге; однако же нам предложили осмотреть дворец; картины и прочие вещи были уложены в ящики. По всей дороге беспрестанный был проход войск. В городе Браунау, на австрийской Гранине, пришел ко мне комендант и сказал, что декларация о войне с французами уже опубликована, и, узнавши, что я русский, весьма желал узнать, которую мы возьмем сторону. Я ему отвечал, что, так как я оставил давно Россию, мне вовсе неизвестны намерения нашего правительства. Комендант меня предварил, что мы найдем большое затруднение в почтовых лошадях и в самом проезде по дороге, и, действительно, мы часто должны были на станциях дожидаться по несколько часов лошадей, а дорогой останавливаться, покуда пройдет колонна войска; особливо затрудняли нас понтоны и тяжелая артиллерия. Мы, можно сказать, вояжировали по военным этапам и окружены были с обеих сторон войсками, сперва как будто нас провожающими, а потом идущими к нам навстречу. За несколько станций до Вены мы встретили императора Франца и эрцгерцога Карла, едущих к своей армии на границу.

Как мы были рады, когда добрались до Вены! Мы остановились в трактире «У австрийской императрицы». Русских мы нашли в Вене очень мало. Граф П.А.Толстой находился там с своим семейством, и мы с ним почти всякий день видались. Начали получаться бюллетени из армии; первые были довольно благоприятны для австрийских войск. Трогательно было видеть молодую императрицу в черном платье и под таковым же вуалем, окруженную своим двором, ходящую в процессии пешком по разным монастырям для богомолья. Миссиею нашею управлял тогда советник посольства Анстет, чрез которого я узнал, что правительство наше скорее действовать будет противу австрийцев, нежели возьмет их сторону, и что на границе нашей собирается уже вспомогательный корпус наших войск французам, в 30 000 человек, под командой князя С.Ф.Голицына.

Мы, пробывши в Вене около трех недель, расстались здесь с Витали и отправились в Россию. Вместе с нами выехал граф Толстой с своим семейством; мы до самой нашей границы делали дорогу почти вместе. В начале мая месяца 1809 года мы приехали в Городище. Достоинно примечания, что в этот год мы видели три весны: в конце февраля месяца в Париже на улицах продавали уже букеты из фиалок, а в марте уже было зелено; выехали в апреле из Вены, где тоже деревья стали зеленеть, а приехав в Городище в мае, через несколько дней равномерно увидели, что деревья начали распускаться.

Я привез с собою, по совету Капелини, несколько кувшинов Егерской воды. Я донес государю о возвращении моем в Россию и просил позволения пробыть несколько времени в наших деревнях, где мне нужно пить еще привезенные со мною минеральные воды. Его величество приказал мне отвечать, что хорошо делаю, что не вдруг возвращаюсь в холодный петербургский климат, а что остановился провести лето в умеренном и тем приучить себя постепенно к перенесению холодного северного воздуха.

Через несколько недель приехали к нам в Городище зять мой, Алексей Николаевич Астафьев, сестрица Анна Федотовна, племянница Александра Алексеевна и привезли с собой дочь нашу Анну, которой был тогда четвертый год. Я несказанно был рад увидиться с моими родными, особливо с

нашей дочерью Анной. Когда мы ее оставили, она не могла еще на ногах держаться, а тут увидели, что она ходила и все говорила, только по-своему, и собой была прелестна. Мы поручили тотчас дочь нашу воспитанию mademoiselle Anne. Я дал слово графу П.А.Толстому посетить его в Тульской губернии в селе его Троицком и исполнил свое обещание. Я пробыл у него несколько дней и возвратился в Городище, куда приехала графиня Марья Алексеевна Толстая с одним из своих сыновей и погостила у нас с неделю. Она не могла довольно налюбоваться красотой дочери нашей Анны и называла ее Грезовой картиной. В июле месяце того же 1809 года Бог даровал нам сына Владимира. Скоро после сего зять мой, сестрица и племянница отправились в Петербург, куда и мы возвратились, как скоро жена моя после родов оправилась. Государь изволил меня принять весьма милостиво и долго со мной разговаривал, входя во все подробности моего лечения, пребывания в чужих краях и семейного моего положения.

ГЛАВА IX

Назначение инспектором внутренней стражи — Заседание по вопросу о внутренней страже — Ее организация — 1812 год — Отъезд с государем в Вильно — Бал в Закрете — Окрестности Вильно — Государь отправляет Балашова к Наполеону — Начало кампании — Балашов у Наполеона — Укрепленный лагерь Нфуля — Отступление — Государь отправляется в Москву — Молебен в Успенском соборе — Речь государя московскому дворянству — Возвращение в Петербург — Назначение Кутузова главнокомандующим — Командировка в Волынскую губернию — Дорога - Винценгероде — Смерть Багратиона ~ Ямщики — Дела по хозяйству в Городище — Приезд в Житомир — Занятия по набору лошадей — Приезд графини Комаровской

В мое отсутствие для окончания начатых под моим распоряжением казенных строений учреждена была комиссия, которою управлял В.А.Пашков, бывший тогда членом военной коллегии. Образ жизни моей был единообразен до 1811 года, июля 7-го, когда я, по высочайшему приказу, назначен был инспектором вновь учреждаемой внутренней стражи и помощником по сей части военного министра, которым был тогда Барклай-де-Толли. Государь, прежде назначения моего, приказал мне рассмотреть постановление внутренней стражи и ее обязанности и с моими замечаниями передать военному министру. Потом все сие внесено было в Государственный совет и получило высочайшее утверждение. Барклай-де-Толли хотел, чтобы я носил звание дежурного при нем генерала по внутренней страже, но государь на сие не согласился, сказав:

— Граф Комаровский — мой генерал-адъютант, и я хочу, чтобы он был между мной и вами.

С начала последнего образования Государственного совета и учреждения Комитета министерств государь председательствовал сам всегда как в Совете, так и в Комитете министерств. Когда внесено было в Совет положение о внутренней страже, император приказал прочесть оное и сам объяснил выгоды сего учреждения, опорочивая прежнее постановление о губернских и уездных штатных командах тем, что они, будучи составлены из воинских нижних чинов, подчиняются статским чиновникам, как то: губернаторам и городничим, и что те нижние чины беспрестанно употребляют в партикулярные работы вместо отправления их служебных обязанностей; что в команды сии офицеры употребляются сенатом с гражданскими чинами; что вообще в тех командах нижние чины имеют только одно звание солдата, а потому, чтобы сии команды, войдя в состав внутренней стражи, получили образование, соответствующее их предназначению; они должны зависеть от военного министерства.

На сие Балашов, бывший уже министром полиции, просил и получил позволение объяснить свое мнение. Он старался доказать, что местное гражданское начальство, лишась способа действовать по своему усмотрению, часто не пропуская нисколько времени, военною силою, не будет в состоянии отвратить могущие возникнуть важные беспорядки и сохранить спокойствие и тишину между обывателями, столь необходимые в благоустроенном государстве; что, по его мнению, внутренняя стража должна быть под непосредственным распоряжением местного гражданского начальства.

Сие мнение министра полиции, как известно, оставлено было без уважения. Однако же прение по сему предмету между государем и Балашовым, как говорили, продолжалось довольно долго, и сие заседание имело что-то конституционное. Главный предмет учреждения внутренней стражи состоял в том, чтобы при батальонах оной формируемы были рекруты, чтобы посредством оной препровождались в случае войны пленные, чтобы конвоированы были рекрутские партии с места их набора, в назначенное рекрутское депо, куда прикомандированы должны быть офицеры из внутренней стражи. На сии потребности прежде отряжались команды при офицерах из действующих войск; при самых рекрутских наборах находились прежде штаб-офицеры из армейских полков, которые должны были заменены быть штаб-офицерами из внутренней стражи. Пересылка арестантов всякого рода прежде возлагаема была на обывателей — повинность самая отяготительная, особливо в рабочую пору, — а сверх того, за упуски на пути арестанта сии несчастные подвергались тюремному заключению и часто невинному наказанию; названная повинность также вошла в обязанность внутренней стражи.

Сия огромная инспекция сначала разделена была на восемь округов; каждым командовал генерал-майор, на правах дивизионного генерала, на бригады и на полубатальоны, ибо они состояли тогда только из трех рот. Округ составляли несколько бригад, а бригады два или три батальона. Впоследствии времени число округов, по представлению моему, увеличилось до 11 и прибавлено по одной роте к каждому полубатальону, и оные получили название батальонов. В каждом губернском городе назначен находится один батальон, который и носит имя того города; в каждом уездном городе учреждена инвалидная команда. Принято было за правило, чтобы в губернские батальоны поступали из армии нижние чины, определенные на службу из самих тех уездов. Сие соблюдалось, сколько было возможно. Для удобнейшего препровождения арестантов и пересыльных потом учреждены по большим трактам этапные команды.

По назначении меня инспектором внутренней стражи я часто имел счастье быть призываемым в кабинет государя. Его величество весьма много занимался сею вновь учрежденною им частью. Когда я представил императору первый месячный рапорт о вверенной мне сей обширной и по всей России, кроме Сибири, разбросанной инспекции, государь был чрезвычайно доволен. Как инспектор внутренней стражи я имел при себе канцелярию, состоящую из одного секретаря, двух чиновников, обер-аудитора и нескольких писцов. По званию моему, я мог иметь 4-х адъютантов, но сначала находились при мне только три: Преображенского полка барон Швахгейм, Семеновского — Дохтуров и Измайловского — Храповицкий.

Настал для России роковой 1812 год. Государь в марте месяце отправиться изволил в Вильно, куда приказал и мне ехать. За несколько времени перед отъездом у императора был обеденный стол, на котором, в числе многих военных чиновников, и я находился. После обеда государь подошел к нам и сказать изволил:

— Мы участвовали в двух войнах против французов как союзники и, кажется, свой долг исполнили, как должно; теперь пришло время защищать свои собственные права, а не посторонние, а потому надеюсь и уповаю на Бога, что всякий из нас исполнит свою обязанность и что мы не помрачим военную славу, нами приобретенную.

Я взял с собой в Вильно двух моих адъютантов — Швахгейма и Дохтурова — и обер-аудитора Куликова, а адъютанта Храповицкого оставил в Петербурге управлять моею канцелярией. Кому неизвестны военные и политические происшествия сей знаменитейшей эпохи в летописях нашей империи? Впрочем, судьбе неугодно было, как впоследствии будет видно, чтобы я и в сей войне деятельным образом на поле брани участвовал. Сведения, которые о ней имею, я почерпнул из реляций и из других источников, а потому и говорить здесь о сей войне я не намерен.

В Вильно, против всякого чаяния, приехал адъютант Наполеона граф де Нарбонн с собственноручным письмом от своего государя к нашему императору. Содержание письма тогда никому известно не было. В Вильне и окрестностях сего города стояла 3-я дивизия, которую командовал граф Коновницын. Государю угодно было показать приезжему гостю, как наши войска маневрируют, и для сего собрана была вся 3-я дивизия, и все движения производила она превосходно.

Незадолго перед отъездом из Петербурга известный шведский уроженец, генерал граф Армфельд, был назначен состоять в свите его величества; он находился в Вильне. Все военные чиновники, бывшие тогда при государе, как то: генерал- и флигель-адъютанты и прочие, вознамерились дать праздник его величеству. Для сего назначен был замок недалеко от Вильно, называвшийся Закрет, в котором во время Польши жили монахи, а после оный пожалован был графу Бенигсену. Собрали деньги, и учредителем сего праздника избран был граф Армфельд. Замок назначен был для бала, а для ужина положили выстроить деревянную галерею, что поручено было лучшему архитектору из поляков, находившемуся в Вильно. Накануне того дня, как назначен был праздник, вся построенная

галерея обрушилась; к счастью, что в ней тогда никого не случилось, а больше еще, что не тогда, когда бы она была наполнена гостями. Архитектор, строивший сию галерею, после сего несчастного происшествия без вести пропал: сказывали, что нашли его шляпу на берегу реки Вилии, и из сего заключили, что он бросился в воду. Праздник, однако же, был дан, который удостоил император своим присутствием.

Окрестности Вильны прелестные. Государь всякий день изволил ездить верхом с дежурным генерал-адъютантом; мне случилось показывать императору загородный дом, называемый Верки, принадлежащий одному из графов Потоцких, где я был прежде с Балашовым. Местоположение Верки единственное; на превысокой горе, у подошвы которой извиаается река Вилия, окруженная зелеными лугами, с разбросанными по оной кустарниками по обоим ее берегам, это место представляло вид очаровательный. Сею прогулкою, казалось, государь был очень доволен^[14].

По принятому тогда плану кампании, когда известно сделалось, что Наполеон перешел через реку Неман с многочисленную свою армию, составленную из войск всех почти европейских наций, приказано было нашим корпусам, расположенным по прусской границе, отступить к Дриссе. Часть главной квартиры, находившейся в Вильно, отправлена уже была по тому же направлению. Государь рассудил послать с ответом к Наполеону и избрать для сего изволил А.Д. Балашова. Поздно ввечеру, накануне нашего оттуда выезда, приказывает ему явиться к себе; отдавая письмо, повелевает ему тотчас отправиться к Наполеону. Балашов доносит императору, что он уже свой обоз с прочими отправил и что у него нет ни генеральского мундира, ни ленты. Государь приказывает ему у кого-нибудь достать для себя мундир и все, что ему нужно, и чтобы он непременно через час выехал, назначив находиться при Балашове полковника М.Ф. Орлова, который был тогда причислен к князю П.М. Волконскому. Я жил тогда вместе с Александром Дмитриевичем. Он приходит домой в отчаянии, рассказывает мне все, что с ним случилось, говоря, что Александровской лентой его ссудил граф П.А. Толстой. К счастью, мой обоз еще не уехал, и я ему предложил мой генеральский мундир. Надобно было оный примерять; насилу мундир мой влез на Балашова, но нечего было делать; он решился его взять и обещался во все время есть насколько можно менее, чтобы похудеть. На другой день государь и вся его величества свита оставили Вильно.

Известно, что наш арьергард, состоящий из одних гвардейских казаков, под командою генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова, был атакован французами в виленских улицах. Сей генерал так славно защищался, что не только отретировался в совершенном порядке, но даже ранил и взял в плен начальника неприятельского отряда, графа Сегюра, а полковник Ефремов сам своею пикою нанес почти смертельный удар принцу Гогенлоэ, бывшему после при дворе министром короля Виртембергского.

Главная квартира императора пришла в местечко Видзы, сделавши шесть переходов, а о Балашове еще слуху не было, и начинали уже насчет его беспокоиться, не оставил ли его Наполеон военнопленным. Наконец, перед выходом уже из сего местечка, посланный от государя возвратился и привез собственноручное письмо к его величеству от Наполеона. Все обступили и начали расспрашивать Александра Дмитриевича, что с ним случилось во время его отсутствия. Вот что он рассказывал.

Оставя Вильно, на другой день он приехал на французские аванпосты; когда трубач его протрубил три раза и Балашов объявил, что он российской армии генерал, присланный к императору Наполеону, то неприятельский офицер его остановил, а сам послал получить приказание. Через несколько времени посланный возвратился. Балашову и Орлову завязали глаза и вели их таким образом до главной квартиры маршала Давуста (т.е. Даву); тут им развязаны были глаза, и Балашова одного ввели к маршалу, которому он объявил причину своего приезда, и просил отправить его к императору французов. Давуст ему отвечал, что он не знает точно, где находится теперь его величество, но если генерал Балашов желает, то он пошлет письмо от российского императора со своим адъютантом к императору Наполеону, на что Балашов возразил, что ему от государя своего повелено отдать письмо лично, и потому он никому оно поверить не может. Маршал ему сказал, что он тотчас пошлет известить Наполеона о приезде к нему генерала от императора Александра. Посланный не возвратился четыре дня, между тем Балашов видел, что за всеми его движениями примечали: наконец он решился спросить у маршала Давуста, не считают ли они его своим пленным, в таком случае он просит его, чтобы он дал ему способ донести о том своему государю, ибо он не постигает, каким образом, когда известно, что император Наполеон перешел через наши границы, по сию пору посланный его адъютант не привозит никакого ответа. Маршал ему отвечал:

— Послушайте, генерал, неужели нам неизвестны права военные, и что особа парламентаря есть по всем законам неприкосновенна и даже священна; замедление же сие, — продолжал маршал, — происходит, вероятно, оттого, что император объезжает многочисленные корпуса своей армии, расположенные на большом пространстве, и что адъютант мой не успел его догнать.

Наконец посланный возвратился с повелением к Давусту препроводить русского генерала под приличным конвоем в настоящее место пребывания императора Наполеона. Каково же было удивление Балашова, когда его привели в Вильне в тот дворец, где жил государь, и Наполеон принял его в той самой комнате, из которой отправлял его император Александр несколько дней тому назад. Это Александр Дмитриевич рассказывал всем любопытным. Мне же, так как мы жили вместе, он сообщил все подробности его пребывания в Вильне. Когда ввели его к Наполеону и он подал письмо от нашего государя, император французов, прочитавши оное, сказал:

— Нас англичане поссорили; я удивляюсь, — продолжал он, — что ваш император находится сам при войсках. Что ему тут делать? Он природный государь, ему должно царствовать, а не воевать; мое дело другое: я солдат, и это мое ремесло. Я не могу согласиться на требования вашего императора. Когда я что занял — считаю своим. Вам мудрено защищать вашу границу, столь обширную, с таким малым числом войск.

Во все это время он ходил по комнате, потом, подумавши немного, прибавил:

— Увидим, чем все это кончится.

Наполеон много еще говорил, но сие составляет почти всю существенность разговора, Балашов был приглашен к обеденному столу, за которым находились, кроме него, Наполеон, Бертье, Дюрок, Бесиер и Коленкур. За обедом Наполеон обращается к Балашову и говорит:

— Вы думаете, генерал, что сии господа (показывая на Бертье и Бесиера) что-нибудь у меня значат; ничего небывало: они только исполнители моих приказаний.

Потом продолжает:

Вы были, кажется, начальником московской полиции? — и, не давши времени Балашову отвечать, спрашивает у Коленкура:

Вы знаете Москву? Большая деревня, где видно множество церквей, — и продолжая говорить: — к чему они? В теперешнем веке перестали быть набожными.

На сие Балашов отвечал:

— Я не знаю, ваше величество, набожных во Франции, но в Гишпании и в России много еще есть набожных.

После обеда, который продолжался с небольшим полчаса, Коленкур подошел осторожно к Балашову и сказал:

— Зайдите, генерал, ко мне.

Александр Дмитриевич исполнил. Коленкур много говорил о милостях, императором Александром ему оказанных во время пребывания его послом в Петербурге, и о привязанности его к нашему государю. В разговорах своих он был очень откровенен и даже советовал быть твердым в своих предприятиях. Балашов сказывал, что тогда уже французская кавалерия очень много пострадала; вся дорога усеяна была околевшими лошадьми.

Через несколько переходов пришли мы в знаменитый укрепленный лагерь, на правом берегу реки Десны генералом Пфулем устроенный. Я поехал вперед с бароном Толем, бывшим тогда оберквартирмейстером нашей армии, чтобы он, как мастер сего дела, показал мне сие укрепление и объявил выгоды и невыгоды оною. Барон Толь математически мне доказал, что если мы дождемся в сем лагере Наполеона, то он нас всех, как говорится, возьмет живьем. Лагерь устроен был на высоком берегу в утесе, а к реке внизу большая отмель. Для отступления всей армии находились три моста на реке Десне. Если бы мы атакованы были во фронт лагеря и в то самое время неприятель послал бы отряд внизу утеса отмелью, который легко мог бы овладеть хотя первым мостом, тогда бы никакой ретирады иметь не могли[15].

К счастью, Наполеон, видно, не знал, в каком невыгодном положении находилась наша армия. Между тем мы никакого сведения не имели о неприятеле. Корпусы, приходившие в соединение, не были при отступлении им беспокоиваемы. При нашей армии казаков, кроме гвардейских, почти вовсе не было. Решились командировать генерала Корфа с регулярной кавалерией сделать сильное рекогносцирование, чтобы открыть неприятеля, но он возвратился без успеха. Граф Мишо служил тогда полковником в свите его величества; он составил записку о бедственном положении армии и предлагал, чтобы немедленно оставить лагерь и идти по левому берегу реки Десны к Полоцку. Сия записка через князя Волконского представлена была государю; учрежден был совет, чтобы рассмотреть мнение графа Мишо. При государе находился комитет для отправления государственных дел, состоящий из графа Аракчеева, Шишкова, государственного секретаря, и Балашова. Совет согласился с мнением графа Мишо, и отступление армии было решено. Граф Витгенштейн оставлен был с своим корпусом, чтобы обеспечивать ретираду армии.

Шишков и Балашов, с которыми я жил вместе, сказывали мне, что решено сделать воззвание к Москве и ко всей России, чтобы собрать добровольное ополчение, что они насилу могли убедить графа Аракчеева, чтобы он упросил государя оставить армию, а самому императору ехать в Москву, где присутствие его величества произведет большое действие в сию критическую минуту. Когда Шишков и Балашов предлагали графу Аракчееву, что необходимо нужно государю, в теперешнем ее положении, оставить армию и ехать в Москву, и что сие одно средство, чтобы спасти отечество, — граф Аракчеев возвратил на сие:

— Что мне до отечества! Скажите мне, не в опасности ли государь, оставаясь при армии.

Они ему отвечали:

— Конечно, ибо если Наполеон атакует нашу армию и разобьет ее, что тогда будет с государем? А если он победит Баркляя, то беда еще не велика.

Сие заставило Аракчеева идти к государю и упросить его величество на отъезд из армии. Можно сказать, что душа и чувства графа Аракчеева, совершенного царедворца, были чужды любви к отечеству. С нами жил также генерал-адъютант Винцегероде; он просился с несколькими гусарами сделать поиски на неприятеля, но тоже никого не открыл. Император следовал с армиею до Полоцка, но еще из лагеря под Дриссой послан был генерал-адъютант князь Трубецкой с возванием в Москву. Государь, на другой день по прибытии в Полоцк, изволил отправиться в Москву. В свите его величества находились: обер-гофмаршал граф Толстой, граф Аракчеев, князь П.М.Волконский, А.С.Шишков, А.Д.Балашов и я. Главную свою квартиру император поручил генерал-адъютанту П.В.Кутузову.

Тогда главнокомандующим в Москве был граф Ф.В.Ростопчин. Государь повелел ему, чтобы никакой встречи для его величества делано не было, и нарочно приехал в Москву ночью; но от последней станции к Москве вся дорога была наполнена таким множеством народа, что от бывших у сих желающих видеть своего государя фонарей было так почти светло, как днем.

В следующий день, поутру, император назначить изволил быть молебну в Успенском соборе. Стечение народа на всей Кремлевской площади было так велико, что находившиеся при государе генерал-адъютанты принуждены были составить из себя род оплота, чтобы довести императора с Красного крыльца до собора; всех нас можно было уподобить судну, без мачт и кормила, обуреваемому на море волнами; мы очутились почти у гауптвахты и оттуда уже кое-как добрались до церкви. Между тем громогласное «ура!» заглушало почти колокольный звон. Сие шествие продолжалось очень долго, и мы едва совершенно не выбились из сил. Я никогда не видывал такого энтузиазма в народе, как в это время. На другой день приказано было сделать из досок мостки с перилами от Красного крыльца до собора. Архиепископ Августин встретил государя с крестом и с святою водою и произнес весьма трогательное и красноречивое слово.

В пространных залах Слободского дворца назначены были собрания для дворянства и купечества; император сам поехал в Слободский дворец. Войдя в залу, где собрано было все московское дворянство, коего губернским предводителем был В.Д.Арсеньев, государь сказал:

— Вам известна, знаменитое дворянство, причина моего приезда. Император французов вероломным образом, без объявления войны, с многочисленной армией, составленной из поработанных им народов, вторгнулся в нашу границу. Все средства истощены были, — сохраняя, однако же, достоинство империи, — к отвращению сего бедствия; но властолюбивый дух Наполеона, не имеющий пределов, не внимал никаким предложениям. Настало время для России показать свету ее могущество и силу. Я в полной уверенности взываю к вам: вы, подобно предкам вашим, не потерпите ига чуждого, и неприятель да не восторжествует в своих дерзких замыслах; сего ожидает от вас ваше отечество и государь.

Все зало огласилось словами:

— Готовы умереть скорее, государь, нежели покориться врагу! Все, что мы имеем, отдаем тебе; на первый случай десятого человека со ста душ крестьян наших на службу.

Все бывшие в зале не могли воздержаться от слез. Государь сам был чрезмерно тронут и добавил:

— Я многого ожидал от московского дворянства, но оно превзошло мое ожидание^[16].

Потом император изволил войти в залу, где находилось московское купечество. Государь встречен был с радостным восклицанием, и они объявили его величеству, что на несколько миллионов рублей, которые они приносят в дар отечеству, уже сделаны подписки. Император, окруженный толпой народа, который отовсюду стремился навстречу его величеству с беспрестанным криком «ура!», возвратился в Кремлевский дворец.

Многие из первейших московских чиновников и мы все в тот день были приглашены к обеденному столу государя. Император несколько раз изволил повторять, что он этого дня никогда не забудет. После обеда послан был орден 1 класса Св. Анны губернскому московскому предводителю В.Д.Арсеньеву. Многие из моих знакомых, московских дворян, мне говорили: одни, что отдадут всех своих музыкантов, другие — актеров, третьи — дворовых людей, псарей в ратники, ибо их скорее образовать можно для военного ремесла, нежели крестьян. Начальником московского ополчения избран был дворянством М.Л.Кутузов, а в помощь ему граф Ираклий Иванович Морков. В Москве уже получено было известие, что французами занят Смоленск; с сим известием приехал великий князь цесаревич. Государь после сего изволил отъехать в Петербург. В сей столице петербургское дворянство собирало тоже ополчение, и сие дворянство подчинило своих ратников тоже М.Л.Кутузову. В сем качестве он приехал явиться к государю. Это было в Таврическом дворце; я, увидевши сего славного генерала, подхожу к нему и говорю:

— Стало быть, дворянство обеих столиц нарекло ваше превосходительство своим защитником и отечества!

Михаилу Ларионовичу неизвестно еще было, что московское дворянство избрало его также начальником своего ополчения. Когда он узнал от меня о сем назначении, с полными слез глазами сказал:

- Вот лучшая для меня награда в моей жизни! — и благодарил меня за сие известие.

Хотя Барклай-де-Толли и назван был главнокомандующим 1-ю Западною армиею, но он не переставал быть военным министром; в отсутствие его управлял военным министерством князь А.И.Горчаков. Однажды я был дежурным при государе на Каменном острове. Князь Горчаков, бывший ко мне всегда чрезвычайно хорошо расположен, приезжает с докладом к императору и говорит мне:

— Ах, любезный друг, какую я имею ужасную комиссию к государю! Я избран ходатаем от всего Комитета господ министров, чтобы просить его величество переменить главнокомандующего армиею и вместо Барклая назначить Кутузова. Ты знаешь, как государь жалует Барклая, и что сие — собственный выбор его величества.

Я с нетерпением ожидал, когда князь Горчаков выйдет из кабинета императора. Действительно, случай был редкий, чтобы какое-либо место, хотя составленное, впрочем, из первейших государственных чинов, — предложило государю нашему, противу воли его, переменить лицо, и какое же? — главнокомандующего армиею, тем более, что император, как известно было, не весьма благоволил тогда к генералу Кутузову. Наконец, я увидел князя Горчакова, выходящего из кабинета государева; видно, что у них был продолжительный и жаркий разговор, ибо князь имел лицо, как пламя. Он мне сказал:

— Слава Богу, я успел. Нельзя не дивиться кротости и милосердию государя; представь себе, что я осмелился, наконец, сказать его величеству, что вся Россия желает назначения генерала Кутузова, что в отечественную войну приличнее быть настоящему русскому главнокомандующим.

Государь приказал князю Горчакову дать знать генералу Кутузову, чтобы на другой день поутру он приехал к его величеству. Мое дежурство еще продолжалось, когда генерал Кутузов прибыл на Каменный остров. Я с ним был один.

— Мне предстоит великое и весьма трудное поприще, — сказал Михаил Ларионович, — я противу Наполеона почти не служил; он все шел вперед, а мы ретировались; может быть, по обстоятельствам нельзя было иначе. Скажите мне, — продолжал он, — кто находится в главной квартире Барклая из чиновников, занимающих место по штабу? Я никого не знаю.

Я назвал ему всех, и когда он услышал, что обер-квартирмейстерскую должность отправляет барон Толь, он мне сказал:

— Я этому очень рад, он мой воспитанник, он выпущен из первых кадетского корпуса, когда я оным командовал.

После сего позвали его к государю. Выходя из кабинета его величества, генерал Кутузов сказал мне:

— Дело решено — я назначен главнокомандующим обеих армий, но, затворяя уже дверь кабинета, я вспомнил, что у меня ни полушки нет денег на дорогу; я воротился искажал: «Государь, у меня нет денег ни копейки». Государь пожаловал мне 10 000 рублей.

Простясь со мной, генерал Кутузов уехал, и мне более не случалось уже с ним никогда видеться.

Курьер с известием о Бородинской баталии приехал поутру в день св. Александра Невского; сначала казалось, что сей день был двойным торжеством для России — и по тезоименитству обожаемого императора, и по одержанию над неприятелем знаменитой победы. Впоследствии же, как известно, сия баталия не представляла тех выгод, каковых от нее ожидали. Положено было учредить для скорейшего образования рекрут пехотные и кавалерийские резервы. Первые поручены были генералу от инфантерии князю Лобанову-Ростовскому, а вторые генералу от кавалерии Кологривому. Государь изволил призвать меня однажды к себе в кабинет и, объясняя всю важность учреждения сих резервов и что от них зависеть должен впредь весь успех действующих армий, сказать мне изволил:

— Я хочу возложить на тебя весьма важное поручение. Я имею донесение, что некоторые поветы Волынской губернии заняты уже неприятелем; ты знаешь, как расположены к нам поляки! Хотя и обнародован указ, чтобы с тех губерний, которые не дают ополчений, взимать рекрут, и в том указе сказано также, чтобы помещикам Подольской и Волынской губерний, вместо рекрут, предоставить на волю ставить лошадей, но я не надеюсь, чтобы местным начальством сие было исполнено. Тебе известно, что сии две губернии изобилуют лошадьми, и чтобы оными не воспользовался неприятель, то я посылаю тебя с повелением собрать с тех губерний, вместо рекрут, по сделанному расчету до 20000 лошадей, которых и отправлять в кавалерийские резервы к Кологривому; ибо и мы, и неприятель более имеем нужды в лошадях, нежели в людях. Ты бывал в тех местах, и дух жителей тебе известен. У тебя, во внутренней страже, вероятно, много есть штаб-офицеров, служивших прежде в кавалерии; возьми их к себе, сколько хочешь. Из сего ты видишь, что я никого другого, кроме тебя, не могу употребить в сем государственном деле, а в успехах я не сомневаюсь. Поди к графу Аракчееву; ты получишь от него все нужные бумаги. Пиши обо всем прямо ко мне.

Сие поручение, по тогдашним обстоятельствам, действительно было весьма важно. Получив бумаги от графа Аракчеева после обеда, на другой день поутру я приехал к государю откланяться и получить последние приказания.

Когда я вошел в кабинет государя, я нашел его величество в чрезвычайном смущении; на большом столе лежала развернутая секретная маршрутная карта России. Император ее рассматривал и несколько времени не приметил, что я был в комнате. Увидевши, сказать изволил:

— Здравствуй; что, все получил?

Я отвечал, что я совсем готов к отъезду и пришел получить последние приказания и спросить, какой дорогой мне ехать, ибо на Смоленск невозможно, — разве на Москву? Государь посмотрел на меня и, помолчавши немного, сказать изволил:

— Ну, конечно, на Москву; впрочем, поезжай, как Бог тебя пронесет, — и, обняв меня, прибавил: — прощай, Бог с тобой.

С Каменного острова я поехал откланяться к цесаревичу; у его высочества я нашел П.Н.Озерова, который только что приехал из Москвы. Я спрашиваю у него, можно ли мне проехать еще через Москву. Он мне отвечал:

— Не знаю; когда я выехал оттуда, французы уже были на Воробьевых горах.

Я тотчас догадался по смущенному виду государя, что получено было известие о занятии неприятелем Москвы, и точно, в тот самый день, поутру рано, приехал курьер от Кутузова с сею ужасною новостью, но в публике она не была еще известна.

Я выехал из Петербурга 8 сентября 1812 года, взяв с собою обер-аудитора Куликова и адъютанта моего, барона Швахгейма, и придворного берейтора Вольгеборна. Адъютанту моему Дохтурову позволил служить при дяде его, генерале Дохтурове, а адъютанта Храповицкого оставил управлять делами моей канцелярии; князь Горчаков позволил ему, в отсутствие мое, ходить к себе с докладами. Я назначил из батальонов внутренней стражи для приема лошадей: полковника Куликовского, подполковника Ве-вера, майора Фюрстенау и рекомендованного мне князем А.И.Горчаковым подполковника Макарова; впоследствии времени я определил тоже для приема лошадей майора Дезописа, который находился тогда в отставке и после был моим адъютантом. Мы получили известие из Городища, что управляющий деревнями нашими Н.Н.Тагайчин чрезвычайно болен. Обер-аудитор

Куликов рекомендовал мне П.М.Величкина, которого я взял с собой. Приехав в Новгород, я нашел в трактире князя С.Н.Долгорукова, который спрашивал меня об участи Москвы. Я, видя, что он о взятии ее ничего не знает, не хотел ему вдруг открыться; между тем слышим, что у почтового двора кто-то остановился с колокольчиком. Князь сам побежал узнать, не курьер ли едет из армии. Скоро потом возвращается и приводит с собой унтер-офицера, едущего курьером к государю от генерал-адъютанта Винценгероде; мы спрашиваем у него, кто в Москве. Курьер отвечал:

— Два дня были там французы, а после из оной вышли.

Князь Долгорукий догадался, что Москва уже в неприятельских руках, и сие известие его ужасно поразило. В Вышнем Волочке я увиделся с Н.О. Лабой, тогдашним генерал-провиантмейстером; я с ним был очень дружен со времени пребывания моего комендантом в Каменец-Подольске, Лаба имел поручение заготовлять провиант для Петербурга и для других мест, куда из Вышнего Волочка удобнее будет оный доставлять. Я нашел его в большом затруднении, особливо когда он узнал, что в Москве неприятель; ибо если французы подойдут Московским трактом в Петербург, то непременно должно провиант истребить, а его находилось на несколько миллионов рублей, разрешения он ниоткуда не получал, хотя послал курьеров и в Петербург, и к главнокомандующему армией, и я бедного Лабу оставил в сей ужасной неизвестности.

В Твери тогда был губернатором Л.С.Кологривов, с которым я был знаком прежде, — по жене своей он несколько родня матушке. Кологривов ко мне тотчас приехал и рассказал о всем, что с Москвой случилось, что он отправил все свое семейство в Ярославль и все дела из присутственных мест, что там находится принц Ольденбургский и великая княгиня, что между Москвой и Тверью расположенным отрядом войск командует генерал-адъютант Винценгероде. Я тотчас послал курьера к сему генералу; уведомляю его о моем приезде и, так как я имею важное поручение от государя, то и прошу его уведомить меня, каким образом я могу продолжать дорогу до мест моего назначения. Винценгероде предложил мне приехать в город Клин, где он будет иметь со мной свидание.

По приезде в сей город я нашел там князя С.П.Волконского, который именем Винценгероде просил меня одного поехать в деревню Давыдовку, куда генерал, по обстоятельствам, должен был перевести свою квартиру. Наше свидание было весьма трогательное; мы долго, обнявшись, оплакивали участь Москвы, и все тут бывшие то же делали. Винценгероде развернул карту и показал мне те пункты, которые занимают его форпосты; в одной Московской, до границы соседственных губерний, они все расположены были на расстоянии от Москвы не более 30 верст; хотя от начальника форпостов он часто получал донесения, но ручаться, однако же, не мог, чтобы они пробыли долго в том же положении.

Я, вместе с Винценгероде^[17], составил для себя маршрут до города Тулы и с ним расстался. Я поехал из Клина на города: Дмитров, Егорьевск, Зарайск, Покров, Коломну, Венев и Тулу; таким образом, я сделал три четверти круга Москвы. Выезжая из Клина ввечеру, я вижу вдали большое зарево, спрашиваю у ямщика, что это значит. Он со вздохом мне отвечал:

— Москва горит уже пятый день.

У меня невольно полились из глаз слезы: так эта столица-мать для всякого русского драгоценна! Во все время, как я объезжал Москву, я видел бедных жителей, укладывающих свои пожитки на телеги; я спрашивал:

Куда же вы хотите уехать?

- А куда глаза глядят, барин; теперь покуда в леса, а там — куда Бог приведет.

Когда я просил для своих экипажей лошадей, даже за двойные прогоны, они мне в них не отказывали, но говорили:

— Пожалуйста, не загоняй лошадей далеко, барин, чтобы нам было на чем уехать.

В городе Покрове была квартира начальника Владимирского ополчения, которым командовал тогда князь Борис Андреевич Голицын. Он всегда был дружен с князем П.И. Багратионом. Князь Голицын мне рассказывал с большим прискорбием, как привезли в его деревню, недалеко от города Покрова, сего из первых героев российской армии раненого. С каким духом, свойственным неустрашимому князю Багратиону, он перенес отнятие ноги! Последние его слова были: «Спаси, Господи, Россию!» — и Бог внял молитве героя. Я весьма любил князя Багратиона; он имел отличные свойства, а особливо необыкновенную доброту сердца, — тронут был до глубины сердца известием о его смерти, о которой я прежде не слыхал.

Бог случайно привел меня в знаменитую в наших местностях обитель св. Сергия Радонежского Чудотворца, поклониться его чудотворным мощам. Нынешнее лето мы, бывшие в сей обители, узнали, что только одна ризница, драгоценнейшая во всей России, была вывезена из лавры во время

нашествия французов, а что все богатые оклады на иконах оставались на своих местах, и что неприятель не доходил только двадцати верст до монастыря.

В Туле бывший тогда губернатором Богданов показывал мне конных ратников Тульского ополчения; я нашел их в отличном устройстве. Проезжая по Московской дороге, я на всех ямах слышал от ямщиков род негодования, что государь собирает со всех помещичьих крестьян на службу ратников, а с них никого не берут, что они охотно бы дали из двух сыновей одного и снарядили бы их молодцами, и не пожалели бы дать им своих лучших лошадей. Я счел обязанностью донести из Тулы государю как о тульском полку конных ратников, так и о изъявленном мне желании от ямщиков Московской дороги служить противу общего врага России. Вероятно, вследствие сего моего донесения генерал-адъютант Кутузов назначен был скоро потом сформировать несколько полков из вышепомянутых ямщиков.

Приехавши в Городище, я нашел Тагайчина почти при самом конце жизни, и он скоро после сего умер, почему и водворил при себе П.М.Величина. Мы обязаны были с винокуренного завода нашего поставлять 30 000 ведер вина в Московский откуп ежегодно, в течение четырех лет. Когда я был с государем в Москве, в начале июля месяца, комиссионер наш явился ко мне и донес, что все количество вина нами поставлено, но денег он получить за оное не может; сумма простиралась до 104000 рублей. Я просил тогда бывшего московским вице-губернатором А.Н.Арсе-ньева, который уверил меня, что откупщики непременно деньги нам заплатят. В Городище я узнал от нашего комиссионера, что он денег ничего не получил и с тем, за два дня до вступления неприятеля, должен был выехать из Москвы. Контракту оставался еще один год, а потому я и писал к матушке, чтобы подать тотчас просьбу, что по неполучению нами денег за поставленное вино мы не в состоянии на будущий год ставить вина. От сего началось дело, которое продолжалось несколько лет; наконец в Государственном совете в 1819 году определено взыскать с бывших московских откупщиков следующие нам деньги; но мы и по сие время с графа Зубова, Ленивцева и Перетца еще оных не получали.

По приезде моем в Житомир я объявил высочайшее повеление и указ из правительствующего сената, чтобы вместо рекрут собрать лошадей в Волынской и Подольской губерниях. В первой был губернатором М.И.Комбурлей, а во второй — граф Сенпри. Я требовал от рекрутских присутствий обеих губерний, чтобы доставлены ко мне были ведомости о числе принятых уже рекрут и сколько еще поступить оных имеет. За всякого рекрута положено было взимать или трех кирасирских, или четырех драгунских, или пять уланских или гусарских лошадей. По собранным сведениям оказалось, что до моего приезда в обеих губерниях уже около половины собрано было рекрут натурою. В некоторых поветах Подольской губернии оказалась чума; сии места были оцеплены, а потому ни рекрут, ни лошадей собирать было с оных невозможно. С графом Сенпри я имел свидание на границе его губернии. Назначенные мною для приема лошадей чиновники приехали. Чтобы удостовериться, сколько есть налицо годных к фронтальной службе лошадей, и под тем предлогом, чтобы напрасно не водили в назначенные места для приема лошадей, негодных к употреблению, я отнесся к обоим губернаторам, чтобы от меня посланы будут во все поветы чиновники, прося содействия земской полиции, которые на местах назначат лошадей, которые могут быть приняты. Между тем, однако же, прием лошадей на назначенных пунктах воспринял свое начало.

Я немедленно отнесся к князю Горчакову, чтобы мне повелено было для провода лошадей не употреблять находящихся на месте рекрут, которые там поступят на службу; иначе сие должно бы было делаться посредством обывателей. В Волынской и Подольской губерниях оставались на неприменных квартирах запасные эскадроны квартировавших там кавалерийских полков. Я представлял также, чтобы я мог и их употребить для препровождения партий лошадей; сие имело ту выгоду, что служащие в кавалерии офицеры и нижние чины умеют лучше обращаться с лошадьми и сберечь оных в пути. Оба мои представления с похвалою были утверждены,

Меня несказанно утешала неожиданным своим приездом ко мне жена моя, графиня Елизавета Егоровна, в Житомир, в ноябре месяце, едва оправившись после родов сына Павла; она мне оказала в сем случае знак примерной привязанности, пренебрегая все опасности по дороге, где проходили беспрестанно войска, и по следам почти неприятельских мародеров, претерпевая ужасный недостаток в пище так, что в Москве она не могла найти купить для себя калача. В самую распутицу она принуждена была ехать в перекладных повозках; под Киевом проходила по льду реки Днепра, которая только что стала. По приезде в Житомир оказалось, что у нее почти все лицо было отморожено. Проводником ее был пьяный почтальон, которого дал ей министр внутренних дел Козодавлев. Я желал, чтобы жена моя приехала ко мне; и при первой возможности отправил за ней одного офицера, но он встретил ее уже под Киевом. Я не могу довольно ее возблагодарить за ее, можно сказать, самоотвержение для меня и за доставление мне счастья, в моем почти уединении в Житомире, провести с нею все время моего там пребывания.

-
- [1] Сии бастионы взорваны были Наполеоном в 1810 году.
- [2] Город Вена сам по себе очень мал, но предместья его весьма обширны.
- [3] Портшезы в большом употреблении в Вене; это род маленькой кареты, с тремя стеклами, которую несут два человека на длинных деревянных коромыслах.
- [4] «Юные годы короля Генриха V» (франц.).
- [5] Во время нашего пребывания в Вене в университетской зале были по воскресеньям концерты, составленные из охотников и первейших артистов. Однажды вздумали дать знаменитую ораторию Гайдна — «Сотворение мира». Сей славнейший и, можно сказать, вдохновенный сочинитель оратории еще был жив, и перед началом оной его принесли в залу, где было приготовлено для него возвышенное место, на носилках, и он имел шляпу на голове. При появлении Гайдна в зале раздались рукоплескания и громогласные крики «виват!». Знатнейшие венские дамы княгиня Эстергази, Шварценберг и проч. подходили целовать его руку. Сей ораторией дирижировал известный Пиччини. Гайдн был так тронут и слаб, что не мог остаться до конца оратории. Он умер через несколько месяцев. Примечательно, что до конца своей жизни Гайдн сохранил скромное название капельмейстера князя Эстергази.
- [6] Курить табак позволяется только за городом.
- [7] Он имел этот же кафтан на себе во время бала, который давал князь Шварценберг в Париже по случаю женитьбы Наполеона на Марии-Луизе. В бывший тогда пожар у князя Шварценберга, когда танцевальная зала его сгорела, князь Куракин обязан был сему кафтану, как сказывают, что он только имел некоторые части тела обгоревшие, а не совсем сгорел.
- [8] Князь А.Б.Куракин имел почти все европейские ордена, которые он, большею частью, получил во время управления его, как вице-канцлер, коллегией иностранных дел в царствование императора Павла.
- [9] Наполеон так любил талант Крементини, что сделал сего певца кавалером маленького Креста ордена Железной Короны.
- [10] Сказывали, что граф Толстой по приезде своем в Париж, увидевшись с Фуше, бывшим тогда министром полиции, просил его приказать приискать людей для его услуги, под предлогом, что он как иностранец не знает, к кому адресоваться, говоря при том, что он уверен, что окружен будет шпионами полиции, то предпочитает их подучить из первых рук. Вообще, граф Толстой поступал и вел себя во время его там пребывания со всем возможным достоинством русского посла и приобрел и оставил по себе уважение от самих французов, что я слышал от маршала Массена.
- [11] На сей вечер приглашен был находившийся тогда в Париже персидский посол; а так как для мужчин не было в той комнате стульев, то и должны были стоять. Посол, постоявши немного, сел тут же на пол, поджавши ноги; с тех пор велено было для него ставить табурет.
- [12] Когда представлялась жена моя Жозефине, я ее провожал до той комнаты, где назначено было собираться. Гофмаршал императрицы, который нас ожидал, сказал мне: «Предупредите графиню, что она должна сделать императрице три поклона при входе и столько же, когда будет откланиваться, идя назад, не оборачиваясь; вчера одна дама так запуталась в хвосте своего платья, что упала на пол и меня чуть с ног не сшибла». Жозефине никто не представлял, а только гофмаршал, отворяя дверь, называл особ, входящих к ней. Наполеону же представляла дам m-me Lusaу.
- [13] Я видел однажды Талейрана, который был тогда в немилости; у него одна нога короче другой. Когда закричали: «Император», он бросился бежать, и, к счастью, близко случился камин, за который он удержался, а то быть бы ему на полу. Он бы по справедливости мог сказать, «q'ie le parquet de la cour esl glissant» (что придворный паркет скользок).
- [14] В Вильне князь В.С.Трубецкой жил вместе с П.В.Кутузовым. Виленский полицеймейстер Вейс служил прежде под команду Кутузова, когда сей последний был обер-полицеймейстером в Петербурге. Вейс приглашает однажды к себе на чай П.В. и князя Трубецкого, который увидел прекрасную дочь хозяина, влюбился в нее, а потом с ней обвенчался.
- [15] Никто так не надоедал генералу Пфулю своими дерзкими насмешками, как маркиз Паулуччи насчет укрепленного его лагеря. Мы все ходили обедать за гофмаршальский стол; бедный Пфуль перестал за оный ходить, чтобы не быть предметом насмешки.
- [16] Весь сей разговор остался у меня в совершенной памяти.

[17] У сего генерала было правило, чтобы иметь при себе особ, принадлежащих первым фамилиям, как то: князя Волконского, Нарышкина, Бенкендорфа, и стараться доставлять им чины и награды.

ГЛАВА X

Жизнь в Житомире — М.И.Комбурлей — Граф Ильинский — Проезд через Житомир великой княгини Екатерины Павловны — Софьевка графини Потоцкой — Казнь Ржевусского — Бердичевская ярмарка — Донесение государю об исполнении возложенного поручения — Орден Св. Владимира и новое поручение — Городище — Смерть сыновей — Переселение в Орел — Визит в Курск к Нелидовым — Коренная ярмарка — Исполнение возложенного поручения и возвращение в Петербург — Князь Горчаков — Назначение командиром отдельного корпуса внутренней стражи — Производство в генерал-лейтенанты — Посещение государем Варшавы — Смерть сестры — Приобретение Охтенской суконной фабрики — Смерть А.Н. Астафьева — Наводнение 1824 года — Помощь пострадавшим государя Александра I

Жизнь наша в Житомире была довольно приятна, и мы обязаны были в том Михаилу Ивановичу Комбурлею и жене его Анне Андреевне; они все средства употребляли, чтобы доставлять нам всякого рода удовольствия, и мы ежедневно почти были вместе, Комбурлей, по жене и по себе, был очень богат и умел пользоваться своим богатством. Он жил прекрасно, поступал и действовал вообще, как прилично было в тогдашних обстоятельствах, когда во вверенной ему губернии был театр войны. Все подати и повинности взимаемы были, как следует, и буйных поляков умел держать в порядке. Комбурлей, наконец, управлял Волынскою губерниею на правах генерал-губернатора; его погубили, и М.И.Комбурлей умер, находясь под судом правительствующего сената. Желая отвратить всякое подозрение в притеснениях, которое бы могло возникнуть на назначенных мною военных приемщиков лошадей, я отнесся к губернским маршалам обеих губерний, чтобы они из дворян, в виде депутатов, определили по одному к каждому военному приемщику. Волынской губернии маршал отнесся ко мне, что ко всем военным приемщикам, по желанию моему, депутаты из дворян определены, и приложил именной им список, но все дворянство просит, чтобы к подполковнику Макарову депутата не назначать, ибо они уверены в совершенной его честности и беспристрастии.

Общество наше несколько оживилось в Житомире, когда пришли туда ополчения: нижегородское, пензенское и рязанское, все под команду графа П.А.Толстого. П.Ф.Козлов командовал полком конных ратников нижегородских и жил у нас в доме. Начальниками ополчений были: нижегородского — генерал-майор Муромцев, пензенского — генерал-майор Титов, а рязанского — генерал-майор Измайлов.

Граф Ильинский пригласил нас в свое поместье Романове, которое назвал Roma nuova — Новый Рим — по великолепным убранствам всякого рода, которые он большими деньгами приобрел в Петербурге, дабы украсить сие место своего пребывания. Нас поехало в Романове: М.И.Комбурлей с женой и свояченицей своей Рахмановой, жена подполковника Макарова, одна девица Емельянова и я с моей женой. Мы нашли каменный дом преогромный, а хозяин нас уверял, что это один из флигелей будущего замка. Комнаты внутри превысоки, наполненные множеством зеркал, и, большею частию, из цельных стекол. Везде видно было множество бронз; в одной комнате мебель, обитая шелковой французской материей, по словам графа Ильинского, из маленького Трианона, принадлежавшая королеве Марии-Антуанетте. Словом, дом его скорее похож был на магазин, нежели на принадлежащий частному человеку. Мы приехали к позднему обеду, после которого хозяин отвел дам в назначенные для них комнаты и спросил у них, что им угодно: чтобы ввечеру была музыка или театр? Дамы отдали на его произвол.

В восемь часов вечера все гости приглашаемы были на чай. Жена моя чрезвычайно была удивлена, увидя даму, наряженную в шелковое платье с хвостом и перьями на голове, которой лицо ей казалось очень знакомо; это была madame Crae. Она торговала в Петербурге дамскими головными уборами[1]. Граф Ильинский ее представил потом Анне Андреевне Комбурлей и моей жене как хозяйку его дома. В большой зале заиграла роговая музыка, и мы все пошли ее слушать с большим удовольствием. На другой день мы были угощены оперой и балетом. Граф Ильинский выписывал из Одессы итальянских певцов и балетмейстера, и одна из его актрис имела превосходный голос, равно как было и несколько танцовщиц весьма порядочных. Костюмы были пребогатые, но мы видели сих несчастных после спектакля почти в рубищах.

За несколько пред тем лет он учредил в Романове институт глухонемых, и за сие филантропическое заведение, по представлению местного начальства, граф Ильинский получил орден Св. Владимира 1-го класса. Мы видели здание, в котором должно было быть институту, без стекол и в совершенном разрушении. Выписанный им из Вены учитель для сего предмета жил без всякой должности и по контракту не получал даже жалованья.

Граф Ильинский весьма набожен; мы нашли у него одного из иезуитов, бывших в Петербурге. Домовая его церковь отделана с величайшим вкусом и богатством, равно ризница и вся утварь церковная превеликолепная. В комнатах служил человек, чрезвычайно богато одетый арнаутом. В день нашего отъезда он пришел просить Христа ради ко всем нам дать ему денег, говоря:

— Не судите по блестящему моему платью — оно господское, я его только надеваю, когда гости, а самому мне почти есть нечего.

Так во всем у графа Ильинского видны были роскошь и тщеславие подле скупости и нищеты.

Через г. Житомир проезжала тогда великая княгиня Екатерина Павловна, на пути своем к минеральным водам за границу, после кончины супруга ее, принца Георгия Ольденбургского. Здоровье ее высочества весьма было в то время расстроено от сей потери; у нее беспрестанно делались обморочные припадки.

Мы любопытны были видеть известный по описанию в стихах одним лучшим польским поэтом славный сад, называемый Софьевка. То же самое общество, которое было в Романове, отправилось в путь, кроме М.И. Комбурля, поелику сей сад находился в Киевской губернии. Софьевка находится подле местечка Умань, принадлежавшего графу Станиславу Потоцкому, первейшему богачу бывшей Польши. Мы нашли в Умани героиню и тогдашнюю помещицу Софьевки графиню Потоцкую, бывшую графиню Витт. Там находился также князь Алексей Борисович Куракин. Он назначен был государем председателем комиссии, учрежденной по случаю существовавшей тогда чумы в тех губерниях.

Хозяйка сама нам показывала сей прелестный сад; он расположен в овраге, а потому аллеи устроены в три этажа; богатство вод удивительное; при самом въезде, на большом пруде, бьет фонтан не ниже Самсона, что в Петергофе; несколько каскад падают с высоких скал, а всего примечательнее это подземный канал. На довольно большом расстоянии, гуляя по саду, он вовсе не приметен, ибо на поверхности посажены деревья и сделаны дорожки, только видны в некоторых местах отдушины для доставления света и воздуха в подземный канал, по которому мы ездили в большой лодке. В конце канала устроен резервуар, который помощью насосов наполняется водой, и лодка поднимается до поверхности воды, находящейся в большем пруде; тогда отворяются ворота, и лодка входит в тот пруд. Сей механизм похож на устроенный в Вышнем Волочке для поднятия барок в канале.

В сем саду находится множество редких растений, которые видны только в самых жарких климатах. В то время случился в Умани отставной, прежней польской службы, поручик Мецель, основатель и учредитель Софьевки; он имеет большие познания в гидравлике. Мецель рассказывал мне, что, находясь при графе Потоцком, который был главным командиром всей польской артиллерии, он приехал однажды с графом в Умань, где они и пошли с ружьями на охоту; войдя случайно в сей овраг и видя множество источников воды, граф Потоцкий, остановясь, сказал Мецелю:

— Нельзя ли сделать из сего оврага гулянье? Мне хочется подарить его моей жене и назвать ее именем; чтобы издержки тебя не останавливали, я готов все, что ни потребуешь, на оное употребить, только чтобы Софьевка была из первых садов в Европе.

Имевши в распоряжении своем такие неограниченные способы, Мецель хотел и свое имя сделать известным. Выписав лучшего из чужих краев садовника, принялись за работу, на которой, по словам Мецеля, несколько лет находилось по 800 человек каждый день, и ассигнованы были на издержки доходы со всего староства Уманского, в котором находилось несколько тысяч душ крестьян. Мы провели три дня в Умани и были как нельзя лучше угощаемы графинею Потоцкою.

По возвращении нашем в Житомир полковник Зелепу-га, командовавший тогда Житомирским батальоном внутренней стражи, представил мне при рапорте предписание главнокомандующего армию адмирала Чичагова, чтобы расстрелять доставленного к полковнику Зелепуге изменника Ржевусского, бывшего смотрителем провиантских наших магазинов, которые он передал неприятелю. Сие произвело большое волнение между поляками, тем более, что за несколько времени пред тем получен был милостивый манифест государев, которым дарована была амнистия в неважных случаях. Многие из поляков обратились ко мне с просьбами, хотели послать эстафету к государю, и чтобы экзекуция отсрочена была до получения решения. Я отвечал им, что сие до меня вовсе не касается, что полковник Зелепуга знает, чему он может себя подвергнуть, не приведя в исполнение предписания главнокомандующего армию. В назначенный день для экзекуции, сверх Житомирского батальона, которому я приказал всему зарядить ружья пулями, приведены были, по моему распоряжению, три запасные эскадрона для сохранения порядка. Когда поляки увидели такую военную силу, ничего предпринять не осмелились; Ржевусский был расстрелян без всякого со стороны их помешательства. Однако же поляки после на том месте, где зарыто было тело расстрелянного Ржевусского, поставили памятник.

Мы ездили на славную бердичевскую ярмарку, где бывает большой съезд купцов с товарами из-за границы, и поляки приезжают из всех губерний, принадлежавших прежде Польше; особливо сия

ярмарка знаменита великим множеством лошадей, на оную приводимых со всех наших южных губерний, и ремонтеры не только русские, но австрийские, прусские и других государств приезжают покупать сюда лошадей. Мы были приглашены на обед к князю Радзивиллу, бердичевскому помещику. Сие местечко ему приносило ежегодно доходу до 25 000 червонцев.

Собравши до 13 000 лошадей с Волынской и Подольской губерний, из которых в сложности обошлась казне с небольшим в 25 рублей каждая лошадь с местным и путевым продовольствием, и получивши квитанции в приеме оных от генерала Кологривова, бывшего тогда в Могилеве на Днепре, я отправил с отчетом в Петербург подполковника Макарова, а подпоручика Умецкого с донесением послал в государю в армию о совершенном окончании возложенного на меня поручения, прося позволения приехать к главной квартире его величества.

Посланный мой к государю привез высочайшее повеление, объявленное мне графом Аракчеевым, что его величество очень доволен исполнением возложенного на меня поручения и жалует меня за оное, при весьма милостивом рескрипте, кавалером ордена Св. Владимира 2-й степени большого Креста; при том возлагать на меня изволит другое поручение: по манифесту об общем рекрутском наборе, от 21 августа 1813 года обнародованному, коим предоставлено на волю 22-х губерний, обязанных рекрутскою повинностью, поставлять вместо людей лошадьми, то и сей сбор лошадей и отправления их в кавалерийские резервы должны находиться под моим распоряжением. Граф Аракчеев присовокупляет, по воле государя, что сие поручение гораздо полезнее для службы императора и отечества, нежели пребывание мое в главной квартире. Мне предоставлено было на волю выбрать место моего пребывания, которое бы находилось в центре губерний, в коих, по назначению Комитета гг. министров, сбор лошадей должен быть производим. Губернии Курская и Орловская одинаково находились по сему назначению центральными. Я избрал последнюю.

Получив сие новое поручение, я немедленно с женой моей из Житомира отправился в сентябре месяце 1813 года в Городище, в ожидании последующих распоряжений, которые возложены были на Комитет гг. министров и на председательствующего оным князя Н.И.Салтыкова. Я уведомил о месте моего пребывания князя Горчакова.

В течение сего времени мы имели несчастье лишиться двух сыновей, Александра и Владимира, от бывшей тогда в Петербурге повальной болезни на детях, крупа; а равномерно мы огорчены были потерю m-me Аппе, которая умерла от водяной болезни. Не найдя в г-не Пласе человека, способного к воспитанию, мы его отказали, а сына нашего Егора отдали в институт иезуитов.

Подполковник Макаров привез мне в Городище все дополнительные распоряжения касательно новой моей операции. Я переехал тогда в г. Орел, назначив три пункта, через которые должны были проводиться партии лошадей; в одном из них я сам находился, а в другие два отрядил надежных чиновников. Военных приемщиков, при рекрутских наборах находящихся, снабдил я самыми строгими и подробными инструкциями. По положению Комитета гг. министров назначено было за одного рекрута взимать или по 4 кирасирских, или по 6 драгунских, или по 7 гусарских или уланских лошадей.

По приглашению меня бывшим тогда курским губернатором А.И.Нелидовым, я проехал зимою с женою моею к нему погостить. На границе губернии мы встречены были чиновником. В Курск мы приехали поздно вечером; у заставы нас дождался полицейский офицер, который проводил в назначенный для нас дом; мы нашли его освещенным, и несколько официантов, весьма хорошо одетых, для нашей услуги, потчевали нас чаем, потом прекрасным ужином. Я никогда не забуду того приема и тех обязательных приветствий и ласк, которые нам оказали в Курске во время шестидневного там нашего пребывания Софья Федоровна и Аркадий Иванович Нелидовы; они во все это время озабочены были только тем, чтобы доставить нам всякого рода удовольствия: спектакль, очень порядочный, несколько балов — словом, ничего не было упущено ими для угощения нас самым лучшим и приятным образом. В Орле мы жили тоже довольно приятно, но я простудился и получил жесточайший кашель, который продолжался несколько недель.

В следующее лето мы ездили в Коренную ярмарку; она бывала в девятую пятницу после Святой недели. К сему дню из Курска в монастырь, где бывает ярмарка, расстоянием до 30 верст, переносят чудотворную икону Курской Божьей матери. Мне никогда не случалось видеть такого множества народа, вместе соединившегося из разных стран, России, как при перенесении сей чудотворной иконы. Вокруг нее несут несколько превеликих фонарей на длинных палках; всякому хочется хотя дотронуться, если не удастся быть в числе несущих, до сих палок. Сия приверженность народа к священной сей процессии и теплая его вера к чудотворной иконе может почтена быть совершенным торжеством нашей религии. Курский гражданский губернатор должен впереди сей процессии ехать верхом во всю дорогу. Икону вносят прямо в церковь монастыря; она там обыкновенно остается до сентября месяца, а потом опять переносят ее в Курск. Местоположение монастыря прелестное. Он стоит на превысокой горе, внизу течет река, на противоположном берегу видны на большом пространстве луга, леса и селения. Коренная ярмарка считается в России второю; ее гостинный двор

преобширный, весь каменный и прекрасной архитектуры. Нам опять случилось на ярмарке увидеться с Софьей Федоровною и Аркадием Ивановичем Нелидовыми. Стечение покупателей и купцов было тот год премногочисленное. При сем случае были публичные театр и балы, и мы провели там время очень весело.

Второе поручение было для меня гораздо затруднительнее и хлопотливее первого, которое находилось, так сказать, у меня под руками; я видел всякую лошадь, принятую моими приемщиками, которых я всех знал лично. Во второй операции, хотя вся ответственность возложена была на батальонных командиров, бригадных начальников и окружных генералов, где они находились, состоявших под моим начальством; но все я не мог быть совершенно уверен, чтобы в 22-х губерниях соблюдена была строгая справедливость и непоколебимое беспристрастие; впоследствии и открылось, что некоторые батальонные командиры за злоупотребление подверглись военному суду. Из полученных мною квитанций от генерала Кологривова было видно, что поступило в кавалерийские резервы до 40 тысяч лошадей, и по такому большому количеству оказалось не слишком много к службе неспособных, которые, впрочем, могли прийти в сие состояние и от дальнего пути, который лошади сии должны были сделать. Таким образом окончилось и второе поручение, на меня возложенное.

В декабре месяце 1814 года я с женою моею возвратился в Петербург. Государь находился тогда на конгрессе в Вене. По возвращении императора в Петербург князь Алексей Иванович Горчаков, не предварив меня, сделал о мне доклад к генерал-лейтенантскому чину, основываясь на том, что представленные мною отчеты по последней операции найдены в совершенном порядке, и что вообще вся она произведена была весьма успешно. К несчастью моему, государь был недоволен князем Горчаковым, и доклад его обо мне возвращен был с замечанием, что его величество предоставляет одному себе ценить службу своего генерал-адъютанта, а не другому кому. С небольшим через год потом, а именно 7 февраля 1816 года, вышло образование дежурства главного штаба его императорского величества; в сем образовании внутренняя стража получила название отдельного корпуса внутренней стражи, и я назначен командиром оного.

Князь Горчаков по болезни отпущен был в чужие края, и я дал ему своего адъютанта, графа Кошкуля. Князь был со мной в беспрестанной переписке. По возвращении его через несколько месяцев в Петербург болезнь его усилилась, и он скоро умер. После смерти его по некоторым подрядам провианта для армии найдены были упущения, и он предан был суду: случай весьма необыкновенный, чтобы мертвого судить; через несколько лет после он был оправдан.

30 августа 1816 года я произведен был, как сказано в приказе, за отличие по службе в генерал-лейтенанты, пробыв без двух месяцев и нескольких дней 17 лет в генерал-майорском чине. У императора Александра принято было за правило, чтобы в генеральских чинах не производить по старшинству, а за отличие; от сего столько младших в чине произведены были прежде меня. Вся моя вина была в том, что я не участвовал в военных действиях последней кампании, но по прихоти ли я сие делал? Не имел ли я важных и полезных для службы, по словам самого императора, поручений? Однажды, будучи наедине с государем, я дал почувствовать его величеству, как много я потерял по службе тем, что не находился в армии, что не могу даже участвовать в празднествах, учрежденных для воспоминания незабвенных военных подвигов нашей армии, каковы суть Лейпцигская баталия, вход в Париж и проч., и лишен права носить медаль 1812 года, которою украшены почти все, имеющие военный мундир. На сие император мне отвечал:

— Что делать; это зависит от обстоятельства, но ты себя ничем упрекнуть не можешь^[2].

До 1819 года я безвыездно из Петербурга занимался устройением вверенного мне корпуса, а с сего года я начал делать инспекции.

В половине лета государь поехал в Варшаву, куда позволил и мне также прибыть. Осмотрев Псковский, Ми-тавский, Виленский, Гродненский и Белостокский батальоны, я приехал в Варшаву прежде императора. Подал его высочеству цесаревичу рапорт о состоянии командуемого мною корпуса, чем великий князь очень был доволен. Вся польская армия собрана была в окрестностях Варшавы. Государь делал оной смотр по полкам, потом они маневрировали. Удивительно было видеть, до какого совершенства во всех своих движениях сия армия доведена была великим князем Константином Павловичем, и в такое короткое время. Сам город Варшава, по словам знавших оный прежде, много был украшен. Дворец, в виде замка, довольно обширный, стоит на утесе превысокого берега реки Вислы; вид из оного прекрасный. В большой зале оного, в медальонах, находятся портреты всех польских королей. В кабинете последнего короля Станислава видны портреты современных ему государей, как то: императрицы Екатерины, императора Иосифа II, французского короля Людовика XVI, английского Георга III, прусского Фридриха II и папы.

Лежащее на противоположном берегу реки Вислы предместье Прага, имевшее доселе значительные укрепления, находится в том же положении, как его оставил Суворов после славного своего штурма.

Варшавский двор довольно великолепен, много придворных чинов составляют оный. У государя несколько было больших столов. Я находился на званых обедах: у Заиончека, графа Замойского и других первых чинов Польского царства. Н.Н.Новосильцев давал премноголюдный бал, который удостоен был посещением государя и цесаревича. Большую часть моего времени в Варшаве я проводил у Н.Н.Веревкина, бывшего после московским комендантом; он командовал тогда гвардейскую пехотную бригадою. Н.Н. меня ознакомил со всеми варшавскими окрестностями; он был чрезвычайно гостеприимен, равно и жена его Аграфена Федоровна. Я к ним обоим сохранил чувства признательности за их ко мне приветливость и ласковый прием.

Я выехал из Варшавы на другой день после отбытия из оной императора. На возвратном пути в Петербург я осматривал: Минский, Могилевский и Витебский батальоны. С сего времени жизнь моя была единообразна. Каждое почти лето я осматривал несколько батальонов и делал по несколько тысяч верст. Всякий раз я отдавал лично государю отчет о всем, что я видел, кроме установленного по форме донесения об инспекторских смотрах. Хотя должность моя была весьма хлопотлива, но она доставила мне случай ознакомиться почти со всей Россией, не выключая и знойной Астрахани, кроме Сибири и Грузии[3]. Особливо вояж мой по всему Крыму и по южному оного берегу оставил во мне самые приятные воспоминания. Я сохранил все мои маршруты, и любопытные могут оные видеть.

1821 года, марта 16-го, скончалась сестра моя Анна Федотовна; сия потеря была для меня весьма чувствительна; она в молодости моей имела о мне самые нежные попечения и разделяла свою привязанность между всем моим семейством[4].

Я намерен здесь упомянуть о сделанном мною приобретении Охтенской суконной фабрики в 1822 году. Сопровождавшие обстоятельства при покупке сего огромного заведения, которое должноствовало или совсем меня разорить, или составить мою фортуна, были следующие: случайно ездил я осматривать сию фабрику, принадлежавшую тогда барону Ралю. Бывший на оной директор Гильо, родом из Варвье, видя, что я с любопытством входил во все подробности сего заведения, ибо я уже имел небольшую суконную фабрику в селе Городище, по окончании мною осмотра фабрики вдруг предлагает мне купить оную, говоря, что я могу приобрести ее на весьма выгодных кондициях, что дела барона Раля пришли в великое расстройство, и что жаль будет, если такое заведение, которое может быть первым в России, придет в совершенный упадок. Я ему отвечал, что не имею ни малейших средств сделать такую большую покупку. Гильо просил позволения на другой день ко мне приехать, на что я согласился; он привозит составленное им исчисление, из которого представлялись великие барыши. Я его отпустил с прежним ответом.

На другой день мне случилось быть дежурным при государе. После обеда приезжает с докладом к императору министр финансов, граф Гурьев. Мануфактуры и внутренняя торговля уже составляли часть его министерства, и граф Гурьев был тогда большой покровитель фабрикам. Я в разговоре ему сказал, что был на Ралевской суконной фабрике, и о сделанном мне предложении, присовокупив к тому, что я в помышлении не имею, чтобы фабрику купить, ибо не имею к тому возможности. Граф Гурьев вдруг стал меня уговаривать сделать сие приобретение, уверяя меня, что он доставит мне все возможные к тому способы, что фабрика, по расстроенным делам Раля, неминуемо придет в совершенный упадок, в то время, когда она должна быть образцовою в России, что он завтра увидится с Ралем и будет посредником между мною и им. Я признаюсь, что сие несколько меня поколебало, и я отдался на волю графа Гурьева. Выходя после доклада от государя, он мне сказал:

— Его величество очень доволен вашим намерением купить у Раля фабрику.

На другой день император мне сказать изволил:

— Я слышал от Гурьева о намерении твоём купить суконную фабрику у Раля, мне это весьма приятно. Поранам обратить внимание на сию важную часть и не платить столько денег иностранцам; суди, каким это будет служить поощрением для прочих, когда увидят, что приближенная ко мне особа, мой генерал-адъютант, занимается мануфактурной частью, а о пособиях ты не сомневайся.

Что мне оставалось после сего делать? Я решился и положился на промысел Всевышнего. Действительно, я получил впоследствии от императора Александра 200 тысяч[5] и от ныне царствующего государя 100 тысяч рублей в пособие для моей Охтенской суконной фабрики. Между тем, года через два директор фабрики Гильо умирает. Я думал, что с его смертью совершенно разорился. Всевышнему Создателю благоугодно было устроить это совсем иначе. При жизни еще Гильо я, видя его небережливость и даже расточительность по экономической части, просил племянника моего, Романа Сергеевича Щулепникова, принять оную на себя, но он не мог действовать, как бы хотел, при жизни Гильо. Последствие ясно удостоверило, что если бы Гильо был жив, то тогда бы мое разорение было неминуемо, и смерть его была, так сказать, благодеянием от Бога для моей фабрики.

По смерти Гильо Роман Сергеевич в особенное и в незабвенное для меня одолжение принял фабрику в полное свое управление и переехал жить на оную. Дела фабрики все были не в лучшем положении, невзирая на неусыпные попечения Романа Сергеевича; сему была причиною искусственная часть. Наконец мы решились принять меру, можно сказать, отчаянную: в 1828 году выписали из Англии всех лучших мастеров для фабрики, а находившихся на оной нидерландцев сослали. Сия перемена впоследствии оказывается для меня спасительною, ибо сукна, на Охтенской моей фабрике выделанные, теперь приобрели уже совершенную достоверность публики и становятся почти на ряду с лучшими иностранных фабрик. На бывшей в 1829 году выставке в Петербурге российских мануфактурных изданий сукна Охтенской фабрики знатоками найдены были лучшими, и я получил за оные золотую медаль большого достоинства.

1823-го года, марта 28-го, я огорчен был потерю зятя моего А.Н.Астафьева; он, как видно из сих записок, взял меня к себе, как круглого сироту, на восьмом году моего рождения и пекся обо мне, как самый чадолюбивый отец. Благодарность моя к сему первому благотворителю моему сохранится во всю мою жизнь.

1824-го года, в ноябре месяце, когда Петербург подвергся небывалому доселе наводнению, я был употреблен деятельным образом. 8-го числа того месяца, на другой день наводнения, я получаю записку от бывшего тогда начальником главного штаба его величества, генерал-адъютанта Дибича, чтобы я в третьем часу после обеда явился в комнаты государя. После меня скоро приехали генерал-адъютанты: Депрерадович и Бенкендорф. Нас позвали немедленно в кабинет императора. Государь нам сказал:

— Я призвал вас, господа, чтобы вы подали самую деятельную и скорую помощь несчастным, пострадавшим от ужасного вчерашнего происшествия, — и у него приметны были слезы на глазах. — Я уверен, что вы разделяете мои чувства сострадания, — и продолжал говорить таким чувствительным красноречием, что мы сами были чрезмерно тронуты.

— Я назначаю вас, — присовокупил император, — временными военными губернаторами заречных частей города, что вы увидите из сегодняшнего приказа. Вот вам инструкция, наскоро составленная; сердца ваши ее дополнят. Поезжайте отсюда к министру финансов, который имеет повеление выдать каждому из вас по 100 тысяч рублей на первый случай. Мы вышли из кабинета государя, восхищенные тем, что мы слышали, и сказали:

— Жаль, если разговор сей не сохранится для потомства, ибо оный изобразил бы императора Александра таковым, каковым он точно был, и послужил бы лучшим панегириком его небесной души.

Но останется памятником начертанная собственною его величества рукою инструкция, государем нам данная, в коей видна его нежная и отеческая попечительность о несчастных, пострадавших от наводнения, и в коей ничего не упущено было к услаждению их плачевной участи. Генерал-адъютант Депрерадович назначен был военным губернатором в Выборгскую часть, я — на Петербургскую сторону, а Бенкендорф — на Васильевский остров. Мы в тот же вечер получили определенную нам сумму. Мое местопребывание назначено было в доме крепостного коменданта, куда я и отправился ночевать. Мы подчинены были военному генерал-губернатору, графу Милорадовичу, которому и должны были делать наши донесения, но находящаяся местная полиция и квартирующие в той части города войска состояли под нашим непосредственным начальством.

Между тем учреждены были и на Адмиралтейской стороне частные комитеты, которых председатели были гг. сенаторы. Сии частные комитеты были подчинены центральному комитету под председательством князя Алексея Борисовича Куракина.

Мы также учредили при себе комитеты, составленные из особ, наиболее пользующихся уважением обывателей той части города. На другой день моего приезда на Петербургскую сторону, к которой присоединены были Каменный и Аптекарский острова, я поехал осмотреть оную и никак не мог себе представить такого опустошения, каковое я нашел повсеместно. Все заборы были снесены, все мосты, даже и мостики через каналы, разделяющие улицы, сорваны, так что никакого сообщения между оными не было. Множество фонарей и несколько будок были истреблены водой. По сделанному после счету, до 160 барок разной величины и несколько галиотов находились на улицах. Известно, что на Петербургской стороне все почти обывательские дома деревянные и в один этаж, кроме Большого проспекта. Во всех сих домах ветром разбило стекла, а вода разрушила печи, особливо в слободе, называемой Колтовскою; на берегу взморья вода была вышиною с лишком на три аршина. Там многие ветхие дома совсем были снесены. Жителей, по самым верным сведениям, погибло на Петербургской стороне до 90 душ обою пола. Я не знал сначала, за что приняться. Приехав на Колтовскую и увидя множество жителей без приюта и без пищи, я приказал, на первый случай, кое-как их разместить по соседям и роздал лично более нуждающимся до двух тысяч пятисот рублей денег.

Призвал к себе священников и церковных старост и дал им деньги, чтобы, по их усмотрению, они подавали всякий день милостыню самым бедным и нищим. Послал отыскивать стекольников и печников, но, к несчастью, так как это было уже в глубокую осень и все мастеровые разошлись по своим деревням, то и посланы были нарочные, чтобы воротить их всех назад, и в оных не было уже после недостатка.

Комитет, при мне находящийся, состоял из шести членов: четверо были из дворян, а двое из купцов. Петербургская сторона разделена на четыре квартала: 1-й квартал поручен был сначала коллежскому асессору Льву, а потом Мельяну, 2-й коллежскому советнику Агафонову, 3-й купцу Шубину, 4-й купцу же Шульгину. Действительному статскому советнику Кремковскому поручены были Каменный и Аптекарский острова, а действительный статский советник Лагода находился в комитете и получал иногда от меня особые поручения.

Сверх того, в каждом квартале учреждены были особые комитеты, в которых членами находились известные своим хорошим поведением из мещан и из ремесленников; сии квартальные комитеты назначены были в помощь члену частного комитета, которому вверен был квартал. Из обывателей избраны были надежные и честные люди, которые раздавали в каждом квартале пищу, состоящую в скоромные дни из щей с говядиной, а в постные из кашицы с снетками, гречневой каши и хлеба с солью. При всяком из сих раздавателей пищи находился офицер из внутренней стражи с двумя рядовыми для порядка. Сначала раздавалось до 2 тысяч порций ежедневной пищи, а когда устроены были в домах бедных печи, то отпускали им и дрова, и муку. При гарнизонном батальоне, расположенном на Петербургской стороне, учреждена была швальня, в которой шили армяки, тулупы и раздавалась и прочая одежда и обувь, как для мужчин, так и для женщин. Сим заведовал батальонный командир полковник Елистратов.

Строительная часть поручена была находившемуся при штабе моем квартирмейстерской части поручику барону Корфу и архитектору Беретти, жившему на Петербургской стороне. Восстановление фонарей, будок и заборов возложено было на бывшего при мне по особым поручениям майора Кельчевского. Канцеляриею моею управлял дежурный штаб-офицер Репешко; равно и адъютанты мои — Жеребцов, граф Толстой и Воронковский — были употреблены по разным предметам. Обязанность членов комитетов была всякий день поутру обходить кварталы и во всяком доме осмотреть повреждение, сделанное водою, и войти в положение хозяина дома и находящихся в оном жильцов и, соразмерно потере их, назначить вспомоществование, сначала самое нужное, ибо сие вспомоществование возобновлялось несколько раз сообразно сумме, находившейся в распоряжении комитета.

Всякое после обеда все члены собирались у меня, и мы в общем заседании рассматривали представленные членами комитета списки и назначали денежные пособия, которые члены получали под свои расписки тотчас и на другой день раздавали по принадлежности, и, таким образом, это повторялось каждый день. Мне казалось, что сей был самый скорейший способ, чтобы доставлять пособия.

На третий день (т.е. 10 ноября) моего пребывания на Петербургской стороне посетил меня государь. Накануне того дня присланы были дрожки в одну лошадь с кучером с императорской конюшни, чтобы находиться в нанятой у самого перевоза квартире. Я встретил государя, как он изволил выходить из кареты. Его величество начал рассказывать мне, что накануне был свидетелем зрелища ужасного. На четвертой версте по Петергофской дороге находился казенный литейный чугунный завод; оный стоял на самом взморье; деревянные казармы были построены для жительства рабочих людей, принадлежащих заводу. В 9 часов утра 7 ноября ветер стал подниматься, вода прибывать, ударили в колокол, чтобы распустить с работы людей; все бросились к своим жилищам, но уже было поздно, вода с такою скоростью прибыла, что сим несчастным невозможно уже было достигнуть казарм, где находились их жены и дети; и вдруг большую часть сих жилищ понесло в море. Каково же было положение сих бедных людей, видящих погибающими их семейства и не имеющих способа подать им ни малейшей помощи! Приметно было, что государь внутренне страдал, рассказывая о сем ужаснейшем происшествии, и присовокупить изволил:

— Я бывал в кровопролитных сражениях, видал места после баталий, покрытые бездушными трупами, слышал стоны раненых, но это неизбежный жребий войны; а тут увидел людей, вдруг, так сказать, осиротевших, лишившихся в одну минуту всего, что для них было любезнее в жизни; сие ни с чем не может сравниться.

Потом государь сел на дрожки, и я поехал вперед. Сначала я повез его величество к Тучкову мосту; тут посреди проспекта стоял преогромный галиот, так что мы принуждены были сойти с дрожек и идти пешком; государю хотелось видеть второй кадетский корпус, но когда мы вышли на берег реки Невы, то все парадное место корпуса покрыто было барками, бревнами и таким множеством дров, что и пешком шагу вперед сделать было невозможно. Между тем император у меня расспрашивал, что я

успел сделать в сие короткое время, и, кажется, отчетом моим был доволен. Его величество приказал, чтобы я ничего не щадил для призрения бедных. Потом кое-как мы пробрались на Каменноостровский проспект; тут открылось нам необозримое поле огородов, и могли доехать только до Карловки, ибо мост через оную был сорван, а мост на Каменный остров уцелел. Государь сошел с дрожек и сказал мне:

— Какое ужасное опустошение! Ну, брат, тебе предстоит много труда. Я почти не узнаю, — продолжал его величество, — тот проспект, по которому я столько лет беспрестанно ездил.

А что более всего удивило государя, это две преогромные барки с угольями, в коих находилось несколько тысяч четвертей онаго, которые, за несколько дней до наводнения, приведены были для монетного двора. Сии барки стояли подле ограды деревянной церкви Св. Троицы и вышиною своею почти равнялись с нею. Государь, осыпав меня по обыкновению милостивыми приветствиями, изволил на катере возвратиться во дворец, обещав еще скоро меня посетить.

Мне сказывали после, что священник служил обедню в церкви Св. Троицы, при чем находилось несколько мольщиков; когда ветер усилился и понесло барки с угольями прямо на ограду, вдруг сделалось темно; между тем вода начала уже входить в церковь; священник предложил всем находившимся в оной, чтобы их исповедать и причастить, полагая, что сии барки, ударясь об церковь, разрушат оную, и что их смерть неизбежна; но, к счастью, в ограде было несколько больших берез, которые, вероятно, остановили стремление барок до тех пор, как начала вода убывать.

В день посещения меня императором я получил от августейшей его матери, покровительницы всех несчастных, незабвенной императрицы Марии Феодоровны, 10 тысяч рублей для вспомоществования потерпевшим от наводнения. Меня более всего затрудняло начальное учреждение больницы; хотя я распорядился тотчас, чтобы лекаря, находящиеся при втором кадетском корпусе, при дворянском полку и при крепости заведовали каждый одним кварталом и посещали всякий день случающихся в оных больных; но, к счастью, открылись между обывателями жестокие горячки, и сих больных должно было помешать в особое место. На случай прекращения сообщения с главным госпиталем в Петровских казармах, где квартировал лейб-гренадерский полк, очищались всегда несколько покоев для помещения больных, а солдаты размещались по прочим покоям и в кухнях нижнего этажа; но кухни сии были наполнены водой, а потому не только там жить, но и пищи варить было невозможно. Однако же я нашел средство учредить больницу на двадцать кроватей.

Мои товарищи Депрерадович и Бенкендорф имели против меня выгоды в рассуждении помещения больных: у первого была вся главная госпиталь в распоряжении, на Выборгской же стороне только два квартала подверглись наводнению, что составляло половину всей части; а у второго отведено было все биржевое строение как для помещения бесприютных, так и для больных; те и другие снабжены были всем нужным, пожертвованиями, сделанными богатыми жителями Васильевского острова и купечеством.

Однако же и на бедной Петербургской стороне нашлись благотворные люди. Наследники подполковника Иванова, четыре брата, его сыновья, пожертвовали домом своим для помещения лишившихся приюта жителей Петербургской стороны. Они последовали в сем случае благодетельным намерениям их отца, который за несколько лет до смерти своей учредил в сем доме пансион, где за самую умеренную цену воспитывалось беспрестанно до 50 юношей. Сам г. Иванов был содержателем сего полезного заведения, от которого он не только не приобрел ничего, но даже расстроил себе состояние. Надобно было заключить, что воспитание, которое получали учащиеся в пансионе г-на Иванова, было хорошее, ибо находилась довольно большая библиотека и физический кабинет. Я мог поместить в доме гг. Ивановых до 40 семейств, и по мере как жилища их исправляемы были починкою, другие семейства заступали их места. Впоследствии в сем же доме устроен был лазарет на 100 кроватей.

Большая часть рогатого скота бедных жителей потонула; мне стоило больших хлопот, чтобы сей утопший скот собрать вместе, нагрузить на барки и отправить на Голодай остров, где назначено было оный сжечь. На Петербургской стороне так называемых ломовых извозчиков очень мало, а потому я должен был заставлять солдат лейб-гренадерских и учебного карабинерского полков, чтобы таскать скот на пристань.

Когда реки покрылись льдом, для освобождения улиц от барок, галиотов, бревен и разного хламу ко мне присылаемы были, сверх находящихся в распоряжении моем войск, рабочие команды гвардейских полков с Адмиралтейской стороны.

Всякий вечер я посылал записку о моих действиях к графу Милорадовичу. Для государя составляема была общая ведомость в канцелярии военного генерал-губернатора, и его величество на другой день видел, что накануне по всем комитетам было сделано. В течение всего времени, по представлению центрального комитета государю, чтобы потребовать мнения от всех председателей частных

комитетов о некоторых предметах, касающихся до пособий потерпевшим от наводнения, его величество повелел, чтобы все председатели частных комитетов собрались у меня и в общем собрании и по общему совещанию представили через комитет требуемое от них мнение для доклада государю. Всего было три заседания, и сделанные в оных постановления удостоились высочайшего утверждения.

В день рождения императора, 12 декабря 1824 года, его величество пожаловал мне табакерку с своим портретом, осыпанную бриллиантами.

Весной 1825 года император отправился в Варшаву; возвратясь оттуда в июле месяце, проехал прямо на Каменный остров: я встретил государя в качестве военного губернатора у самого дворца. Скоро император приказал меня позвать к себе. Его величество сказать мне изволил, что он столько же приятно был удивлен теперь, найдя все восстановленным и в лучшем, нежели прежде, виде, и в такое короткое время, как он был опечален опустошением, причиненным водою, когда со мною объезжал те же самые места, и изъявить мне изволил совершенное свое благоволение.

Я на сие донес государю, что еще много остается делать, ибо есть жители, не совсем водворенные в их прежние жилища. Государь знал почти всех коренных обывателей Каменного острова, особливо из отставных, служивших при дворе. Мне приятно было слышать после, что они самому императору отзывались весьма моими распоряжениями довольными.

В начале сентября месяца государь изволил отправиться в Таганрог и так рано выехал из Каменного острова, что я приехал в 4 часа утра во дворец и его величество уже там не застал. Я сам чрезмерно был огорчен и как будто предчувствовал, что мне не суждено будет более увидеть обожаемого мною государя и благодетеля.

Занятия мои, как временного военного губернатора Петербургской и Выборгской сторон, — ибо на место генерал-адъютанта Депрерадовича назначен был генерал-адъютант Паскевич, а по получении им в командование 1-го армейского корпуса мне поручено было начальство и над Выборгскою стороною, — продолжались целый год. Из представленных мною отчетов в центральный комитет видно было, что израсходовано по Петербургской стороне: хозяевам домов, снесенных водою, — 1600 рублей; хозяевам домов разоренных — 19783 руб.; хозяевам домов, менее потерпевших, — 198 977 руб. 50 коп.; людям, недвижимой собственности неимущим, — 76319 руб. 50 коп.; людям торгующим — 61 997 руб. 50 коп.; промышленникам — 17 155 руб.; ремесленникам — 11 895 руб., выдано разным лицам в Колтовской — 2443 руб.; священникам роздано в церквах — 6700 руб.; куплено одежды на 15 763 руб. 30 коп.; на продовольствие пищею — 39439 руб.; порций — 9005 руб. 9 коп.; снабжено коровами на 6440 руб.; на лечение больных — 15 235 руб. 48 ¹/₄ коп. [6]; на продолжительные пособия — 4422 руб.; за спаривание в бане — 150 руб.; на исправление домов и заборов поврежденных — 51 810 руб. 96 коп.; сверх того, из пожертвованных материалов и собранного леса — 1573 руб.; на железные печи для сушки домов — 1096 руб. 80 коп.; за означение линий возвышения воды — 57 руб. 30 коп.; за уборку утонувшего скота — 2054 руб.; за очищение улиц от нанесенного водою леса 2701 руб. 69 коп.; на канцелярские и прочие расходы и на разъезды чиновникам 9081 руб., а всего 634 351 руб. 86 ¹/₄ коп. Денежные пособия по Выборгской стороне были незначительные, и не простирались даже до 100 тыс. руб., и оные уже были почти окончены, когда я вступил в командование сею частию города. По представлению моему все чиновники, которые были употребляемы, и члены комитета получили награды.

ГЛАВА XI

Кончина императора Александра 1—14 декабря 1825 года — Командировка в Москву с объявлением о восшествии на престол Николая 1 — Присяга в Москве — Возвращение в Петербург. Награды — Прибытие тела покойного государя в столицу — Кончина вдовствующей императрицы Елисаветы Алексеевны ~ Поздравления иностранных держав с восшествием на престол — Эрцгерцог Фердинанд в Петербурге — Верховный суд над преступниками — Коронация императора Николая I — Замужество дочери — Кончина императрицы Марии Феодоровны — Прошение об увольнении от звания командира отдельного корпуса внутренней стражи — Болезнь и отпуск — Женитьба сына и рождение внучат — Дела семейные

Когда о болезни государя сделалось известно, я всякий день ездил в Зимний дворец, чтобы узнавать о получаемых о том сведениях. В одно утро я приезжаю во дворец и при входе в первую комнату вижу фельдъегеря с сумкой на груди; я спрашиваю у него, откуда от приехал. Он мне отвечал:

- Из Таганрога. Я продолжал:

- Каков государь? Фельдъегерь тихо мне сказал:

- Скончался.

Я не могу изобразить, что я почувствовал, услышавши сию ужаснейшую весть. Я первого встретил флигель-адъютанта Дурново, который в слезах мне говорил:

— Не угодно ли вам, граф, идти вместе со мной в большую церковь присягать императору Константину Павловичу; великий князь Николай Павлович уже присягнул. В большой придворной церкви находился священник, и поставлен был аналой, на котором лежал крест, Евангелие и присяжный лист; и я, присягнув, на нем подписался.

В день восшествия на престол императора Николая Павловича, 14 декабря 1825 года, после присяги, я возвратился домой с тем, чтобы в час пополудни ехать опять во дворец к молебну. Желая иметь обнародованный по сему случаю манифест, я послал купить один экземпляр оного в сенатскую типографию старшего адъютанта штаба моего, поручика Жукова. Он через несколько времени возвращается и с встревоженным видом говорит мне:

— Бунт! Вся площадь Сенатская наполнена солдатами, которые кричат: «Ура, Константин!» И множество еще со всех сторон бегут туда и солдат, и народа.

Я тотчас же приказал заложить себе карету и поехал к Зимнему дворцу. Площадь уже вся была наполнена народом; я вышел из кареты и, видя государя верхом перед первым батальоном Преображенского полка, удивился, что никого из генералов при нем не было; когда я подошел к его величеству, он мне сказал:

— Представь себе, есть люди, которые, к несчастью, носят один с нами мундир и называют меня самозванцем. Ты слышишь этот крик и выстрелы, но я им покажу, что я не трушу.

Скоро после того я увидел генерал-адъютанта князя Трубецкого, Кутузова, Васильчикова, Левашева и Бенкендорфа, приехавшего донести, что полк конной гвардии идет, и действительно, оный начал выстраиваться спиной к дому князя Лобанова. Между тем крики и выстрелы на Сенатской площади продолжались. С.-Петербургский военный губернатор, граф Милорадович, узнавши о сем возмущении, поехал верхом, чтобы вразумить сию бунтующую толпу, но получил две тяжелые раны, от которых через несколько часов умер. Народ так теснил взводы первого Преображенского батальона, что ему нельзя было подаваться вперед, и мы должны были уговаривать толпу, чтобы дали места. Государь приказал привести для нас верховых лошадей. Вдруг подходит к его величеству один офицер в драгунском мундире, превысокого роста, у коего голова завязана платком. Государь спрашивает:

- Кто вы?

- Я штабс-капитан Якубович, — отвечал он, — пришел к вашему величеству с повинной головой; я сделался изменником против воли. Идучи по Вознесенской улице, я вижу, что несколько взводов лейб-гвардии Московского полка бегут и кричат: «Ура, Константин!» Они окружили меня и заставили кричать тоже; я не слышал о восшествии вашего величества на престол и думал, что войска собираются для присяги Константину Павловичу, но, придя сними на Сенатскую площадь, я заметил в войсках неурядицу; не видя ни одного генерала и узнав, что ваше величество находится здесь, я пришел предстать пред вами.

Государь на сие сказал Якубовичу:

— Так как вы уже там были, то я приказываю вам возвратиться опять к ним и сказать от моего имени, что если все находящиеся на площади войска положат ружья и сдадутся, то я их прощаю.

Якубович на сие отвечал:

— Я пойду и ручаюсь, что исполню приказание вашего величества, но только знаю, что живой не возвращусь.

Некоторые из слышавших сие сказали:

— Прекрасно!

Но государь возразил:

— Погодите, господа, хвалить; увидим, чем это кончится.

Стоявший тут флигель-адъютант Дурново просил позволения у его величества пойти вместе с Якубовичем, на что государь согласился^[7]. Митрополит Серафим, в полном облачении и с крестом в руке, послан был увещевать бунтовщиков, но сие не имело никакого успеха. Все бывшие при государе и приехавший в то время генерал-адъютант Толь просили его величество послать за артиллерией и для скорости приказать приехать конной артиллерии. Император отвечал, что он в ней не уверен, и с великим трудом согласился наконец послать за пешей артиллерией, которая сначала пришла с холостыми зарядами; но после уже привезли боевые.

Принц Евгений Виртембергский предложил государю, что лейб-гвардии конный полк сделал атаку на бунтовщиков; они встретили полк ружейным огнем. Известно, как неудачны были все произведенные тем полком атаки на бунтующую толпу, на некованных лошадях и по гололеде.

В сие время приехал из Варшавы великий князь Михаил Павлович, несколько офицеров гвардейского экипажа пришли просить великого князя, который был подле государя, чтобы его высочество приехал и вразумил нижние чины экипажа, которые вышли из повиновения. Государь, великий князь и все бывшие тут поехали к гвардейскому экипажу. Люди держали ружья у ноги и говорили, что они присягнули Константину Павловичу, и если он сам приедет и скажет, что он освобождает их от присяги, то они готовы присягнуть Николаю Павловичу. Великий князь Михаил Павлович им на сие сказал, что он только сейчас приехал из Варшавы, что великий князь Константин Павлович сам присягнул императору Николаю Павловичу, что они знают привязанность его к цесаревичу, и его именем он приказывает им присягнуть законному их императору Николаю Павловичу. Но солдаты все одно говорили. Я подъехал к одному из них и сказал:

— Что вы еще упорствуете, вы знаете, что вам за это будет худо.

Он мне отвечал:

— Вам, изменникам генералам, нужды нет всякий день присягать, а мы присягой не шутим.

Из сего ответа видно, как сильно были они злоумышленниками настроены. Между тем пришли Преображенский, Семеновский, Измайловский, Павловский, оставшаяся часть Московского и Егерский полки и заняли все улицы, ведущие на Исаакиевскую площадь. Государь послал меня привести 1-й батальон Финляндского полка, который только что сменился с караула, и занять им Исаакиевский мост. Не доезжая казарм Финляндского полка, я встретил одного из офицеров, служащих в оном, и приказал ему позвать ко мне батальонного командира, которому я объявил данное мне высочайшее повеление, и спросил, уверен ли он в людях, и что он головой своей отвечает, если что противное случится. Батальонный командир мне на сие сказал:

— Позвольте спросить ротных командиров, но батальон еще не присягал.

Я приказал их позвать к себе; они все мне объявили, что в своих солдатах совершенно уверены; особливо 4-й роты капитан Вяткин сказал:

— Люди рады со мной умереть.

Тогда я приказал вывести весь батальон с ружьями, в шинелях, фуражках, в сумках с боевыми патронами. Мне сказали, что бригадный командир, генерал-майор Головин, дома; я послал его просить. Когда батальон построился поротно, я сказал солдатам:

— Император наш, Николай Павлович, приказал мне вести вас против изменников, готовы ли вы за него умереть?

Весь батальон отвечал:

- Рады умереть!

- И в том клянетесь? — продолжал я. Все повторили:

- Клянемся!

Между тем пришел генерал-майор Головин; я приказал скомандовать справа по отделениям, и батальон пошел. Не доходя до Исаакиевского моста, я приказал батальон остановить и зарядить ружья. У самого моста построились в полувзводы, чтобы занять всю ширину моста. Я ехал перед карабинерным взводом, перед оным же шли генерал-майор Головин и батальонный командир. Когда дошли до конца моста, я приказал остановиться, полагая, что весь батальон идет за нами. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что стрелковый взвод и все последующие взводы остановились на половине моста и держали ружья у ноги. Я поскакал к стрелковому взводу, приказываю взять ружья на плечо, идти вперед, называя их изменниками; но несколько голосов мне отвечали:

— Мы не присягали, худого ничего не делаем, по своим стрелять не будем.

Тут был и генерал-майор Головин и батальонный командир, — я обратился к ним, чтобы привели людей в повиновение, но все угрозы их были тщетны. Впоследствии открылось, что сим взводом командовал поручик Розен, который был в числе бунтовщиков, и он оказался виновным в сем неповиновении стрелкового взвода. Я с досадой поехал, чтобы донести о сем государю. Приехав на Исаакиевскую площадь, я нашел, что пушки, поставленные против бунтовщиков, уже сделали несколько выстрелов картечью, и толпа их начала рассыпаться и скоро вся исчезла. Так как все уже почти кончилось, то я не рассудил огорчить государя донесением о случившемся в 1-м Финляндском

батальоне; но я сказал о том командиру полка Воропанову и требовал, чтобы люди стрелкового взвода выписаны были в армию.

Мне сказывал адъютант мой, граф Толстой, который во все время находился при лейб-гвардии Павловском полку, занимавшем Галерную улицу, что, стоя почти против картечных выстрелов, от коих несколько гренадер были ранены, не только сие людей не поколебало, но когда бунтовщики были сбиты с места, то весь полк пустил по ним батальонный огонь^[8].

Когда смерклось, войска расположены были на Дворцовой и Исаакиевской площадях на бивуаках; на первой командовал генерал Воинов, а на второй генерал-адъютант Васильчиков. Государь приказал мне учредить цепь, поставив один Преображенский батальон у арки, что в Луговой Миллионной, и от него давать часовых по Невскому проспекту до Полицейского моста и по Мойке, и из одного егерского батальона, который должен был находиться при начале Большой Миллионной, давать тоже часовых по всей той улице и по Мойке, соединяя их с Преображенскими часовыми.

Из кавалерии учреждены были сильные патрули, которые должны были забирать всех разбежавшихся бунтовщиков. Когда я донес государю об учреждении мною цепи, его величество приказал мне поехать на Васильевский остров к генерал-адъютанту Васильчикову. Это был уже 8-й час вечера; государь дал мне сие приказание, идя во дворец, чтобы присутствовать при молебне.

Жена моя и старшая дочь были во дворце; каково же было их положение, когда они не видели меня между генерал-адъютантами, находившимися при императоре? Кто-то их успокоил, сказав им, что я жив и послан государем. Я нашел Бенкендорфа в квартире генерал-адъютанта Кутузова, который был тогда командиром 1-го кадетского корпуса. Я не могу изобразить моей радости, когда Катерина Петровна Кутузова предложила мне отобедать; я чрезвычайно оголодал, устал и озяб, ибо в одном мундире пробыл 8 часов верхом, и лошадь моя насилу таскала уже ноги. По возвращении с ответом об исполнении поручения государь приказал мне, когда все пленные собраны будут у генерал-адъютанта Васильчикова, то чтобы я взял один батальон Семеновского полка и дивизион кавалергардов и под сим конвоем привел бы их ко дворцу. Приехавши на Исаакиевскую площадь, к счастью моему, я нашел тут дежурного штаб-офицера моего штаба Репешку и адъютанта моего Жеребцова, которые весь день меня искали. Они были для меня большими помощниками, чтобы всех пленных собрать вместе и принять их счетом. Известно, что в числе бунтовавших войск было несколько рот Московского полка, почти весь лейб-гренадерский полк, кроме первой и стоящей в карауле роты, и весь гвардейский экипаж. Когда все пленные приведены были в известность, я из каждой роты Семеновского полка построил каре и пленных поместил в средину оных, а из двух эскадронов Кавалергардского полка сделал аван-арьергарды. Пленных было до семисот человек. Приведя мой отряд на Дворцовую площадь, я остановил оный и пошел донести о сем государю, подав записку его величеству о числе пленных. Хотя уже был первый час пополудни, его величество был еще в мундире^[9]. Император, поблагодарив меня, сказал:

- Я прикажу отвести их в крепость. Я прибавил:

Если вашему величеству угодно, то я сие исполню.

— Мне, право, совестно, любезный граф, — продолжал государь, — вы так устали; но если вы хотите сие сделать, то, отведя пленных в крепость, сдайте коменданту Сукину, и если ему будет нужно, то оставьте для караула в крепости Семеновский батальон, который конвоирует теперь пленных. Потом отправьтесь домой.

Дойдя до спуска на Неве, что против крепости, я остановил мой отряд и, хотя было 14 декабря, но морозов больших еще не было, а я боялся, что лед не довольно толст, дабы поднять и кавалерию и пехоту, при мне бывшие, и потому дивизиону кавалергардов приказал ехать к полку. Пленных я выстроил по четыре человека в ряд, а по обеим сторонам шли солдаты Семеновского полка, те, которые несколько часов тому назад, казалось, были — так храбры и отважны, тут шли смиренно, как овцы; правду сказать, они были обезоружены; из них многих везли на санях раненых. Сдав всех пленных коменданту Сукину, который не имел надобности оставлять в крепости семеновский батальон, я возвратился домой почти в 4 часа пополудни.

На другой день площади Дворцовая и Исаакиевская, обе Миллионные и Адмиралтейская улицы и Большая набережная до Эрмитажного моста имели вид военного бивуака, ибо войска на них провели всю ночь. Много стояло пушек, курились дрова, видны были кучи соломы и сена. Государь объезжал все войска верхом, слезал с лошади, ходил по рядам, и не только всех офицеров и солдат благодарил за их верность, но даже некоторых ему знакомых гренадер целовал. Всех полковых командиров, имевших генерал-майорские чины, назначил к себе в генерал-адъютанты, а полковничьи — во флигель-адъютанты, в которые назначены были также батальонные и дивизионные командиры полков кавалергардского и лейб-гвардии конного. Сверх того, назначены были в генерал-адъютанты: командовавший тогда гвардейским корпусом генерал от кавалерии Воинов, коменданты Сукин и

Башуцкий, начальник гвардейского штаба генерал-майор Нейдгард и командир гвардейской артиллерии генерал-майор Сухозанет. В сие же утро на Адмиралтейской улице выстроен был гвардейский экипаж, который принес чистосердечное раскаяние в своем заблуждении, и после освящения знамени оно было ему возвращено. Возвратясь во дворец, государь позвал меня к себе и сказать мне изволил:

— Я ожидаю от вас, любезный граф, большой себе услуги.

На изъявление моей совершенной готовности исполнять всегда священную его для меня волю его величество продолжать изволил:

— Я хочу послать вас в Москву с объявлением о моем восшествии на престол.

Я отвечал:

- Готов хоть сейчас отправиться.

Приезжайте же ко мне в 3 часа пополудни, — прибавил государь, — и все приготовлено будет к вашему отправлению.

Принимая пакет к московскому военному генерал-губернатору, я спросил у государя:

- Ваше величество прикажете мне тотчас возвратиться? Император со вздохом мне сказал:

- Желал бы, но как Богу будет угодно.

Государь поручил мне удостовериться в духе поселенных войск и донести его величеству по эстафете в собственные руки, но не из Новгорода, а из первого удобного места. Я просил, чтобы мне дан был фельдъегерь, что и было исполнено. При отправлении государь приказал мне заехать к бывшему тогда военным министром графу Татищеву, чтобы получить от него бумаги, которые следовало отправить в Москву, но граф Татищев мне сказал, что оне уже посланы с нарочным курьером. Сие произвело в Москве большое недоумение, ибо я никак не мог догнать курьера, отправившегося несколько часов прежде меня.

Я выехал из Петербурга во вторник, в 8 часов вечера, 15 декабря; со мной были адъютанты: Новосильцев — князя Голицына и мой — Жеребцов. Очень поздно, уже 14-го числа, вспомнили, что нужно запретить выезд из города через заставы без записки от коменданта^[10]. Хотя сей последний и предварен был мною, что я отправляюсь по высочайшему повелению в Москву, но, видно за суетами, г. Башуцкой не выслал на заставу билета, и я должен был дожидаться, пока фельдъегерь не привез мне оно.

В Новгороде явился ко мне с рапортом генерал-майор Угрюмов, отрядный командир поселенных войск. Я спросил у него, приведены ли к присяге все военные чины, находящиеся под его начальством. Он мне отвечал, что он не успел еще сего сделать, потому что к нему прислан был из Петербурга один только экземпляр присяги, а так как войска его расположены в разных местах, то и нужно списать несколько с одного копий. Я продолжал спрашивать, доволен ли он повиновением вверенных ему войск и известно ли им всем о восшествии императора Николая Павловича на престол? Генерал-майор Угрюмов на сие мне отвечал, что сия перемена в царствовании войскам известна и что он головой своей отвечает за верность поселенных войск. Сверх того, я спрашивал у батальонного командира внутренней стражи, который подтвердил мне, что известие о восшествии на престол ныне царствующего императора не произвело никакого неприятного действия, и что, по замечанию его, все поселенные войска готовы будут присягнуть. Я заметил, что о бывшем происшествии в Петербурге, 14 декабря, в Новгороде не было еще известно.

Во исполнение высочайшего повеления я послал из города Крестец по эстафете донесение мое к императору, в котором я старался совершенно успокоить его величество на счет духа поселенных войск. Я ехал не так скоро, как бы желал, по причине недостатка в снеге, особливо по шоссе — в некоторых местах был голый песок, а чтобы сие вознаградить, я не выходил почти из повозки, выключая нескольких минут, чтобы напиться чаю. Едущий вперед фельдъегерь приготовлял для меня лошадей и платил прогоны. Остановясь на одной станции, не доезжая Вышнего Волочка, я вижу кибитку, у которой стоял человек в форменной шинели. Я спросил:

— Кто едет? Он мне отвечал:

— Кавалергардского полка поручик Свистунов за ремонтом^[11].

Я приехал в Москву в ночь с четверга на пятницу и остановился у военного генерал-губернатора князя Голицына. Он мне сказал, что ожидал меня с большим нетерпением, ибо в Москве уже разнесся слух о восшествии императора Николая Павловича на престол, а между тем официального известия он не получал. Князь Голицын послал за старшим обер-прокурором правительствующего сената московских

департаментов, князем Гагариным, чтобы повестить господ сенаторов собраться в сенат для выслушания манифеста о восшествии на престол императора Николая I, и к архиепископу Филарету — для приведения к присяге в Успенском соборе в восемь часов утра. Я поехал с князем Голицыным в одной карете в сенат, где мне дан был стул. По прочтении манифеста и всех приложений, отправились в Успенский собор.

На Кремлевской площади стечение народа было неимоверное. Когда все собрались в собор, архиепископ Филарет начал священнослужение тем, что, предшествуемый московским духовенством, вынес на голове из алтаря серебряный ковчег, в котором хранится хартия о наследии на престол, императором Павлом I изданная и в день коронации его читанная. В сем ковчеге находилось завещание императора Александра I и отречение цесаревича великого князя Константина Павловича от всероссийского престола^[12]. Преосвященный Филарет с благоговением поставил ковчег на приготовленный аналой, покрытый золотым глазетом, на амвоне против царских дверей, отворил ковчег, вынул из него пакет с завещанием и, показав всем, что печать цела, произнес прекрасное и трогательное слово; потом пакет распечатал и прочитал завещание и отречение. Прежде нежели приступить к присяге, Филарет, осеняя всех, громогласно сказал:

— Разрешаю и благословляю.

Сие неожиданное изречение архипастыря произвело удивительное действие, особливо когда оно разнеслось между народом. После сего началась присяга, и все кончилось молебном с многолетием. Я хотел было в тот же самый день отправиться в Петербург, но князь Голицын предложил мне остаться до другого дня, дабы принять депутатов от московского дворянства и купечества.

Господин генерал от инфантерии Оболянинов, как губернский предводитель, со всеми уездными предводителями и другими почетными московскими дворянами удостоили меня своим посещением и вручили мне золотую табакерку, осыпанную бриллиантами, на коей стразами написано было: «От московского дворянства» и дата.

Московское купечество, в сопровождении городского головы Куманина, поднесло мне вызолоченный кубок на блюде, весьма древней работы, с тысячью червонцами и с надписью: «Вестнику о всерадостнейшем восшествии на престол императора Николая Павловича от московского купечества».

Господин Оболянинов просил меня от имени всего московского дворянства повергнуть всеподданнейшую их просьбу к стопам императора об оказании монаршего милосердия, елико возможно, князю Оболенскому, которого престарелый отец весьма уважаем в столице. Князь Меншиков, находившийся тогда в отставке, просил меня отвезти от него пакет генерал-адъютанту Васильчикову как председателю комитета военных конских заводов, в которых князь Меншиков был членом.

Я выехал из Москвы 19 декабря 1825 года, в ночь на воскресенье, а в Петербург приехал в час пополудни, во вторник, 22 числа того же месяца. Я менее нежели в семь суток съездил взад и вперед в Москву, пробывши два дня в сей столице.

Государь был очень доволен моим скорым возвращением. Я нашел его величество вместе с царствующею императрицею, которая также была ко мне весьма милостива; они оба осыпали меня вопросами. Им очень приятно было слышать от меня, что московские купцы называют наследника престола — своим кремлевским, ибо его высочество действительно родился в стенах сего знаменитого и древнего жилища наших царей. При донесении моем их величествам о действии, которое произвели над всеми бывшими в Успенском соборе, особливо над народом, произнесенные архиепископом Филаретом слова: «Разрешаю и благословляю», — я заметил, что они оба слушали сие с большим вниманием и были довольны, казалось, догадкою Филарета. Я донес их величествам о полученных мною подарках в Москве; они изъявили высочайшую свою волю их видеть.

Потом я был принят вдовствующею императрицею. Я нашел ее величество чрезвычайно пораженною печалью. Видно было, что скорбь от потери августейшего ее сына Александра Благословенного была еще во всей своей силе. Когда она расспрашивала меня о Москве, беспрестанно на глазах ее появлялись слезы; слабость ее величества была так велика, что, говоря со мною стоя, она придерживалась за стул. Я был тронут тоже ее печалью до глубины сердца, насилию мог воздержаться от слез и доволен был, когда ее величество отпустить меня изволила.

На другой день я привез во дворец и табакерку и кубок, полученные мною в Москве. Государь изволил меня принять в комнатах императрицы Александры Феодоровны. Их величества с любопытством рассматривали сии вещи; я им доложил, что в кубке находилась тысяча червонцев. Государь на сие изволил сказать:

— Эту сумму всегда дарят приезжающим с известием о восшествии на престол.

Отпуская меня, присовокупил:

— Я сей службы твоей никогда не забуду.

А императрица мне пожаловала милостиво поцеловать свою руку.

В день Рождества Христова, 1825-го года, государь пожаловать мне изволил орден Св. Александра Невского при весьма милостивом рескрипте. На другой день после моего возвращения из Москвы посланы были Андреевские ленты: князю Голицыну, московскому военному генерал-губернатору, и графу П.А. Толстому, который командовал тогда в Москве 5-м армейским корпусом; архиепископу Филарету бриллиантовый крест на черный клобук — отличие, какого прежде его никто в сане архиепископа не имел.

Я ездил на встречу тела покойного, незабвенного моего благодетеля императора Александра Павловича до станции Чудово и имел счастье несколько раз стоять при его гробе, когда на ночь тело вносимо было в случающиеся по дороге церкви. Лейб-медик Вилие прислан был осмотреть тело покойного императора; снята была крышка с гроба, и при сем случае я удостоился приложиться к образу, который его величество носил всегда на себе, и поцеловать его руку. В церкви Чесменского дворца тело императора Александра I переложено было в свинцовый гроб; сие переложение делали одни только генерал-адъютанты, бывшие при его величестве, в числе которых и я находился. Во все время, как тело императора стояло в Казанском соборе, один только генерал и флигель-адъютанты покойного государя были дежурными при его гробе.

Скоро потом Россия погружена была в новую печаль кончиною императрицы Елисаветы Алексеевны, супруги достойной Александра Благословенного, на дороге ее величества из Таганрога в Петербург, в городе Белеве Тульской губернии.

Все европейские дворы, можно сказать, наперерыв старались присылать с поздравлением императора Николая Павловича о восшествии на престол всё, что у них было знатнейшего. Австрия прислала эрцгерцога Фердинанда, Пруссия — принца Вильгельма, Нидерланды — принца Оранского, Англия — герцога Веллингтона, Франция — фельдмаршала герцога Рагузского, Бавария — фельдмаршала Вреде.

Государю угодно было назначить меня находиться при эрцгерцоге Фердинанде с флигель-адъютантом Апраксиным. Свиту эрцгерцога составляли: генерал-майор Дефур, полковник Клам, два гусарские офицера полка его имени, князь Лихтенштейн, ландграф Фюрстенберг и камергер Вольтерсдорф.

Эрцгерцог Фердинанд был принят при дворе нашем с большим уважением и имел комнаты в Зимнем дворце, а услугу придворную. Его высочество обходился со мною весьма учтиво и ласково. Я сопровождал его высочество во всех его обозрениях учебных и прочих любопытных заведений, находящихся в Петербурге. Эрцгерцог Фердинанд прибыл в нашей столице шесть недель; в сие время государь назначил его шефом Изюмского гусарского полка, который получил имя эрцгерцога Фердинанда, пожаловал ему Андреевский орден с алмазными знаками и наградил его высочество многими другими богатыми подарками. Генерал-майору Дефуру пожалован был Аннинский орден 1-го класса с алмазными знаками, и все прочие особы, свиту эрцгерцога составлявшие, получили ордена. Я проводил его высочество до Царского Села, где он осматривал дворец. От эрцгерцога я получил в подарок табакерку с портретом императора Франца, осыпанную бриллиантами. Между тем учреждена была следственная комиссия под председательством бывшего тогда военного министра фа-фа Татищева. В числе членов оной находился великий князь Михаил Павлович. Заседания сей комиссии были в крепости, в доме коменданта Сукина. Всех подозреваемых в заговоре привозили прямо в Зимний дворец, где первые допросы с них снимал генерал-лейтенант Левашев. Сказывают, что многих из них видел сам император и с ними разговаривал, а потом уже отвозили их в крепость.

Когда следственная комиссия окончила свои действия, то 1 июня 1826 года учрежден был верховный уголовный суд. Председателем оного был князь Лопухин. Сей суд составлен был из членов Святейшего правительствующего синода, Государственного совета, всех сенаторов и особ прикомандированных, в числе коих и я находился. Всех членов, сей суд составлявших, было до 70-ти; заседания оного были в зале общего сената собрания. Члены собирались в полных мундирах, а военные в лентах и шарфах. Для караула отряжалась рота от одного из гвардейских полков и два взвода кавалергардского или лейб-гвардии конного полка, которые давали конных часовых к воротам сената.

Заседание началось чтением допросов и показаний преступников; их числом было до 130 человек. Положено было, после прочтения снятых допросов с преступников, отправить в крепость несколько членов, выбранных из присутствующих в верховном уголовном суде, для вторичного допроса каждого преступника; точно ли каждый из них сделано было показание, добровольно ли он сие исполнил и не имел ли чего прибавить или убавить к прежнему его показанию. Немногие из них сделали некоторые дополнения, большая же часть подтвердили прежние показания своею подписью.

Между прочими правилами, которыми должен был суд руководствоваться, вменено ему было в обязанность, по выслушании показаний преступников и по утверждении оных их подписью, как выше сказано, выбрать из среды своей 9 членов, из коих один должен быть председателем, для поставления комитета, который обязан определить степень преступления каждого преступника и меру заслуженного им наказания. В члены сего комитета избраны были из Государственного совета: граф П.А.Толстой — он был назначен председателем, И.В.Васильчиков и М.М.Сперанский; из прикомандированных особ: граф Г.А.Строганов, я и С.С.Кушников; из сенаторов: Ф.И.Енгель, Д.О.Баранов и граф П.И.Кутайсов; производителем дел — обер-прокурор Журавлев. К комитету прикомандирован был, для нужных пояснений, статс-секретарь Блудов. Он был производителем дел в следственной комиссии.

Пока наш комитет продолжался, заседания в суде были прекращены, и мы собирались два раза в день. Нам должно было прочитать опять все документы следственной комиссии, и, чтобы скорее в том успеть, мы разделили по себе допросы всех преступников. По существующим нашим узаконениям, все они подвергались смертной казни, ибо кто умышляет, не более виноват, как и тот, который об умысле знает и не донес, а преступники почти все были в этой категории.

Государю угодно было, чтобы сколько можно ослаблены были преступления и сообразно тому и наказания. Для сего комитет сделал разряды, которых находилось четырнадцать; всякий разряд означал степень преступления и меру наказания, и мы вставляли, по общему совещанию, в разряды, как в рамы, имена преступников с кратким объяснением их преступлений. Но пять преступников, а именно: Пестель, Муравьев-Апостол, Рылеев, Бестужев-Рюмин и Каховский — были вне разрядов по роду их преступлений.

Наши занятия продолжались две недели. Потом они внесены были в верховный уголовный суд, который открыл свои заседания^[13]. Приговор преступников для размещения их по разрядам делался по большинству голосов. Сначала суд находил, что комитет сделал слишком много подразделений; однако же кончилось тем, что все разряды более или менее были наполнены. Назначено было несколько членов для составления доклада государю от верховного уголовного суда; оный был читан в полном собрании и с некоторыми переменами принят. Через несколько дней доклад с высочайшим утверждением был возвращен в суд. Государь много ослабил меру наказаний всех преступников вообще, а о пяти, не вошедших в разряды, повелел суду сделать приговор и привести в исполнение. Суд приговорил их повесить.

Наконец настало время объявить каждому преступнику его приговор. Для сего надлежало или их привозить из крепости в верховный уголовный суд, или суду отправиться в крепость и там сие исполнить. Сия последняя мера признана была удобнейшею. В доме коменданта Сукина устроена была зала заседания. В назначенный день все члены суда собрались в сенат и оттуда отправились в крепость, где для порядка находился один батальон лейб-гвардии Павловского полка. Заседание суда открылось тем, что крепостной плац-майор ввел в присутствие пятерых главных преступников, имея двух гренадер с одним унтер-офицером впереди их и двух гренадер позади. Секретарь сената, стоя у аналоя, называл по имени каждого преступника, потом читал о содеянном им преступлении и к чему он приговорен с высочайшего утверждения. Таким образом вводимы были в залу заседания все преступники по разрядам. Они имели на себе те же самые платья, в которых они были взяты, только, натурально, без шпаг; многие из них были даже в полных мундирах. Сим заседанием окончился суд, которому едва ли есть много примеров в летописях нашего отечества.

1 июля того же года было торжественное благодарственное молебствие на Исаакиевской площади, в устроенном для сего павильоне, вроде палатки, как на месте, где происходили преступления, о счастливом окончании сего ужасного происшествия.

Через несколько времени после сего государь и весь двор отправился в Москву для коронации. День сего события долго был откладываем по причине большой слабости, которую чувствовала императрица Александра Феодоровна, и сей священный обряд был совершен 22 августа 1826 года с обыкновенным величием и торжеством.

Внезапный приезд его высочества цесаревича к сему всерадостному дню восхитил как всю императорскую фамилию, так и жителей Москвы, равно и всех бывших при сем великом случае. Цесаревич во время коронации был в генерал-адъютантском мундире, а посему и нам всем приказано было иметь тот же мундир. Его высочество находился во время церемонии в качестве ассистента при государе и принял у его величества шпагу, когда император подходил к святому причастию.

В самый день коронации государю угодно было послать меня с возвещением жителям Петербурга о сем счастливом для России происшествии. Изо всех торжеств и праздников, бывших по сему случаю в Москве, мне удалось видеть только первого дня иллюминацию Кремля, которая великолепием своим и красотою превосходила бывшие при коронациях императоров Павла I и Александра I.

Меня ожидали в Петербурге с великим нетерпением, и жители сей столицы изъявили живейшую радость, когда пушечная с Петропавловской крепости пальба известила их о благополучном окончании сего вожделенного события.

Со мной посланы были некоторые награждения; между прочими, мне приятно было почтеннейшей и всеми уважаемой графине Ливен самому вручить браслеты с портретом императора, осыпанные крупными бриллиантами, и объявить ей, что она и все ее потомство возведены на степень князей, с титулом светлости, ибо грамоту на сие достоинство не имели времени еще изготовить.

Петербургское купечество поднесло мне золотую табакерку, осыпанную бриллиантами. Я приглашен был на обед членами английского клуба и на другой, иностранным купечеством данный. Итак, государю угодно было возложить на меня два важные и приятные поручения и сделать свидетелем восторга жителей обеих столиц империи.

1828 года, 8 апреля, совершилось бракосочетание дочери моей, графини Анны Евграфовны с Сергеем Павловичем Шиповым, в котором я нашел нежного и любезного для сердца моего сына^[14].

В октябре месяце того же года вся императорская фамилия, а вместе с нею и вся Россия, осиротела. Неукротимая смерть похитила благодетельнейшую и добродетельнейшую из бывших доселе венценосных жен, императрицу Марию Феодоровну. Ее панегирик живет в сердцах вдов, сирот и всех тех матерей, жен и дочерей, которые воспитаны и образованы были под материнским ее покровом, и молва о ней пройдет из рода в род.

Между тем, сопряженные с званием командира отдельного корпуса внутренней стражи разные неприятности, мне сделанные, которые основаны были на одних только слухах, принудили меня наконец просить государя об увольнении от сего звания. При производстве меня 25 июня 1828 года в генералы от инфантерии в приказе сказано было, чтобы мне остаться только в звании генерал-адъютанта; а 13 октября того же года поведено присутствовать в правительствующем сенате; 6 декабря 1828 года назначен в корпусные командиры внутренней стражи генерал от инфантерии Капцевич, а до сего времени я все командовал корпусом.

После жестокой болезни, продолжавшейся несколько месяцев, по просьбе моей, государю угодно было в апреле месяце 1829 года отпустить меня до излечения болезни, с получаемым мною содержанием, которое состоит в 4000 рублей жалованья по чину генерала от инфантерии, 5000 рублей в год столовых денег по званию генерал-адъютанта и в провианте на 12 денщиков.

Я воспользовался сим отпуском и приехал с матушкой тещей, с женою и с дочерью моею, графинею Софьей Евграфовной, сюда, в Городище, 21 июля 1829 года.

Старший сын мой, Егор Евграфович, обрадовал меня своею женитьбою на девице Софье Владимировне Веневитиновой, что последовало в Москве 9 февраля 1830 года. Я из Городища ездил в Москву, чтобы быть свидетелем сего счастливого для семейства и потомства моего события.

Мы уже испытываем плоды сего события тем, что приобрели премилую и прелюбезную для нас невестку.

Богу угодно было утешить все мое семейство дарованием старшему моему сыну, графу Егору Евграфовичу, родившегося 25 апреля 1832 года сына, который и наречен Евграфом. Восприемником, вместо меня, был сын мой Павел с Анною Николаевною Веневитиною. 1832 года, июля 14-го, невестка наша графиня Софья Владимировна благополучно разрешилась от беременности дочерью Анною. По сему случаю приезжала сюда в Городище из С.-Петербурга Анна Николаевна с сыном своим Алексеем Владимировичем; она была восприемницею, вместе со мною, сей новорожденной нашей внучки.

Второй сын мой, граф Павел Евграфович, после нахождения его 3 года и 4 месяца в школе гвардейских подпрапорщиков в лейб-гвардии Измайловском полку, произведен был 7 сентября 1832 года прапорщиком в лейб-гвардии Гренадерский полк. В бытность мою в Москве, по моим делам, в феврале месяце 1833 года, я отдал третьего сына моего графа Алексея Евграфовича в пансион к профессору Московского университета г-ну Погдину.

---

[1] Магазин ее был под вывеской: *Ai temple du bon gout* — «В храме хорошего вкуса».

[2] 1 июля 1814 года, в день бракосочетания ныне царствующего государя императора Николая I, жена моя графиня Елизавета Егоровна пожалована была дамою меньшего Креста ордена Св. Великомученицы Екатерины.

[3] Я совершил в 8 лет до 32 тысяч верст.

[4] 30 августа того же года, в день тезоименитства государя императора, старшая дочь моя, графиня Анна Евграфовна, пожалована во фрейлины. Сие тем приятнее для нас было, что, по молодости своих лет, она не была еще представлена ко двору. Пример довольно тогда редкий.

[5] Сия сумма мне выдана была под находящиеся уже в заемном банке мои залоги и, чтобы их более обеспечить, государю угодно было объявить себя по мне поручкою.

[6] Больных с 13 ноября 1824 года по 1 июля 1825 года состояло 1936; выздоровело 1511; умерло 98; затем 327 человек поступило под надзор учрежденного смотрителя над больницей.

[7] Мне сказывал после Дурново, что лишь только они подошли к бунтовщикам и Якубович начал говорить, как по ним сделано было несколько выстрелов, и Якубович в толпе от него скрылся.

[8] Вероятно, в награду за сей подвиг верности и неустрашимости лейб-гвардии Павловского полка государь назначил наследника шефом оногo

[9] Сказывали, что государь как в сию ночь, так и в предыдущую не ложился в постель.

[10] После известно было, что две тройки проехали через Московскую заставу прежде, нежели сие распоряжение было сделано.

[11] Мне сказывал после генерал-адъютант князь Трубецкой, что выезд Свистунова из Петербурга очень беспокоил государя, и когда его величество узнал от одного приезжего, что я Свистунова объехал до Москвы, то сие его величеству было очень приятно.

[12] Известно, что находилось сих документов три экземпляра: один в Успенском соборе, другой в Государственном совете, а третий в сенате петербургских департаментов.

[13] Я должен здесь отдать справедливость способностям ума и быстрому соображению М.М.Сперанского; он много способствовал к скорому окончанию возложенной на нас обязанности.

[14] Того же года, 21 апреля, в день именин императрицы Александры Федоровны, дочь моя, графиня Софья Евграфовна, пожалована была во фрейлины к их императорским величествам императрицам.